

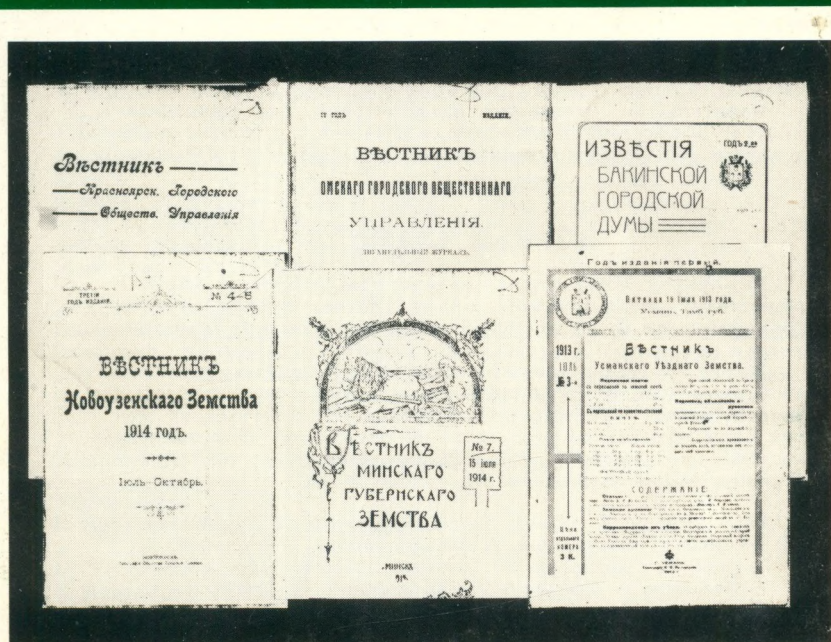
ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DM 10,- 3 руб.

D 21651 F

POSSEV 6/1990

Демократия малых пространств

"Я полагаю, что «советы депутатов» надо, шаг за шагом, снизу вверх, заменить земской системой."

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, С. Левецкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Р. Редлиха, А. Ремизова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина...

Условия подписки на 1991 год:

В розничной продаже	17,50 нм
Годовая подписка в издательстве	60 нм
Доставка нормальной почтой	5 нм
В СССР - частным лицам	30 руб.
- организациям	35 руб.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (1397)

Ноябрь-декабрь 1990

Год издания XLVI

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

А. Артемов. Разброд на перепутье у перевала (3)

ПО СТРАНЕ

Кирилл Александров. Шаг к демократии, или как большевики потеряли власть (7). - А. Иванов. Съезд журналистов КПСС. Субъективные заметки с учредительного съезда Союза журналистов РСФСР (10). - Игорь Лихунов. "Если вы не бывали в Свердловске..." (13). - Леонид Рубинштейн. "Возвращение". Планы и реальность рабочего литературного клуба (16)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Вадим Григорьянц. Горбомания - взгляд изнутри (18). - Владимир Запецкий. Из некролога одной политической биографии, или еще раз о Колпашевском захоронении (22). - Николай Толстых. "И капитал приобрести, и невинность соблюсти..." (32)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Николай Привалов. Какая милиция нам нужна? (40)

ЭКОНОМИКА

С. Пачиков. Путь к равноправию (43)

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

Б. Пушкарёв. Условия реальной реформы (49)

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

"Круглый стол" по брошюре А. И. Солженицына. Участвуют Р. Евдокимов, Р. Редлих, Е. Романов, В. Сендеров, А. Югов (57). - Андрей Окулов. Земская опора (76)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Н. Калякин, В. Краснов. О Пражской конференции (85)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А. Колин. О национальной символике (91)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

О. Кирилл Фотиев (96)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Из статей о. Кирилла Фотиева (98). – Михаил Горбаневский. Отец Звездоний на новгородском вече (104)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Петр Паламарчук. Две "Столицы" (111)

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Паоло Барби. Крушение тоталитарных идеологий (115)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Аркадий Столыпин. Два портрета (121)

60 ЛЕТ НТС

Ярослав Трушнович. В Россию – через советскую границу. К истории Народно-Трудового Союза (127). – Ариадна Ширинкина. От Белграда до Орла (137)

ПИСЬМА

В. Свентицкий. Где же обещанные факты? (151). – Обеспечьте нормальные условия! Письмо 124-х работников Московской экспериментальной обойной фабрики (152). – Альберт Уикс. Не Руссо, а Джон Локк (153)

СОДЕРЖАНИЕ "ПОСЕВА" ЗА 1990 ГОД (155)

В основе нового устройства общества мы видим прежде всего отказ от всякого утопизма, от любой попытки строительства «земного рая» при помощи государственной власти. Счастье - предмет частных забот. Задача же политики - оградить жизнь от конкретного зла на земле, избежать ада. Какая-то мера принуждения неизбежна, чтобы оградить зло, но принуждением нельзя побудить к добру, истине, вере. Этот факт ставит границы государственной власти и подчиняет политическую деятельность ценностям, которые выше ее.

В обществе не избежать конфликтов. Но первичны в нем не борьба, а сотрудничество и солидарность, без которых и борьба невозможна. Общество, ставящее во главу угла солидарность, стремится не подавлять конфликты, ущемляя одну из сторон, а разрешать их, выявляя общие для обеих сторон ценности и соподчиняя им столкнувшиеся интересы.

**"Путь к будущей России". Политические основы
Народно-Трудового Союза российских солидаристов**

Разброд на перепутье у перевала

А. АРТЕМОВ

Переходный период в процессе перестройки, кажется, больше всего характеризуется понятиями с приставкой "пере": по словарю - повторение действия заново (переиграть, переверстать), чрезмерность в действии (перемудрить, перестараться), изменение направленности (перебазировать, перепоручить). Положение непрерывно ухудшается из-за неустойчивости, неопределенности на верхах и пробуксовке распоряжений на низах.

Ряд категорических решений вылился в цепь противоположностей: то статья 6 Конституции объявляется неприкосновенной, то ее отменяют; то однопартийность защищается как исторически сложившаяся необходимость, то ее меняют на плюрализм; то территория ГДР не может принадлежать НАТО, то, оказалось, может; то СССР должен остаться федерацией, то готовится договор о конфедерации.

Ожидали ясных и твердых решений от XXVIII партсъезда. Но уже со сроками его созыва началось замешательство; съезд собрали в июле, за 8 месяцев до уставного срока. Перед съездом шло обсуждение "Платформы ЦК", а съезду предложили "Программное заявление партии" с измененной позицией.

Считали, что на съезде партию ждет раскол или "возрождение". В действительности номенклатурное болото побурлило и устоялось, но уже на съезде начались уходы радикально-реформистских элементов (начиная с Ельцина), и этот процесс покатился по всей стране. Появилась даже шутка: "Почему не порываешь с партией, ты же честный человек?" - "Да говорят, нужна рекомендация от трех беспартийных"...

Реальные итоги съезда могут быть сведены к перетряске руководящего ядра партии, к перестройке субъекта общей перестройки. Это, прежде всего, укрепление позиций Горбачева, который остался генеральным секретарем ЦК партии, будучи одновременно президентом СССР. Консервативные силы решили бросить Лигачева, непопулярного в народе и в западном мире, в надежде на тормозные компромиссы с генсеком и на свой опыт торможения и блокировки в реализации любых директив и законов. Непоседливый всадник продолжит путь на упрямом битюге.

В центре многогранной проблематики стоит экономика: продовольствие в первую очередь, затем одежда, жилье. "Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики", - гласила партпропаганда, и вот как это обернулось: необъятная Россия с несметными природными богатствами казалась несокрушимой крепостью, так и ее сумели разрушить, низвести до степени голода и нищеты. В этом году дело дошло до абсурда: при рекордном урожае ожидается голодная зима! Сколько закупаем зерна за границей, столько теряем на своих просторах из-за нехватки рабочей силы, уборочной техники, транспорта, хранилищ!..

Кричат, что надо вернуть землю крестьянам, вернуть крестьян на землю. А где крестьяне-то и сколько их? Те, что сбежали от коллективизации в индустриализацию, по городам и стройкам, почти все вымерли, их дети на пенсии, а внуки и правнуки понятия не имеют о сельских работах. И ныне, по данным агропрома, отток крестьян в город составляет ежегодно 1 миллион человек. А землю нынешние совхозно-колхозные помещики дают в аренду "мужикам" под такой оброк, что не вылезешь из долгов. И вот что сказано в Постановлении пленума ЦК КПСС от 9 октября 1990 года:

"Поддерживая разнообразные формы разгосударствления предприятий, ЦК КПСС выступает при этом за приоритет коллективных форм собственности... Пленум ЦК КПСС не поддерживает идею передачи или распродажи земли в частную собственность".

В то же время в печати все чаще появляется такая, скажем прямо, неортодоксальная идея: "Не проще ли отдавать покамест землю на концессию иностранцам под фермы? Хотя с продуктами будем!". Похоже, что все эти шараханья кончатся формулой, зафиксированной в Программе НТС еще 16 лет назад:

"Крестьянам предоставляется право свободного выбора вида землепользования, единоличного (хуторского или отрубного) или коллективного (общинного, товарищеского, артельного и т. д.)".

Единоличное фермерство, конечно, победит, как оно победило во всем мире. Но экономически крепкие колхозы какое-то время сохранятся и будут кормить народ в трудный переходный период.

Тот же кавардак происходит и в торговле: дают и душат, сдают магазины в аренду и обвиняют в спекуляции. Хотя спекуляция - дитя дефицита; при изобилии спекуляции не бывает, ее сменяет реклама, ухаживание за потребителем.

Во внешних делах - отступление зигзагами. Мировое коммунистическое движение усохло, заморские страны-сателлиты кинулись к другим хозяевам, причесавшись под плюрализм, Организация Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи катятся к распаду, и это уже неудержимо. На партсъезде Горбачеву выразили сомнение: "Правильно ли поступили, не вмешиваясь в вопросы, развернувшиеся в Восточной Европе?", на что он ответил риторически: "Что, опять танки, опять будем учить, как жить?"...

Двадцать лет назад, когда Брандт, будучи канцлером ФРГ, заключал капитулянтские договоры с тогдашними советскими и польскими правителями, в западной общественности заговорили о "финляндизации" ФРГ. Ныне идет процесс обратной финляндизации, охвативший бывшие "страны народной демократии" и даже перекинувшийся через границы СССР, в Прибалтику, а то и дальше.

Впрочем, тут удалось урвать немало: за отказ от ГДР правительство ФРГ согласилось выложить 12 миллиардов марок, из них больше половины на жилищное строительство (для отзываемых военнослужащих советских оккупационных войск). Правда, с других бывших сателлитов ничего не получишь: имеются встречные иски (разве что кто-нибудь чем-нибудь поощрит отказ от Прибалтики). Но тут есть побочная идея (пока ее держат в резерве): а что если повторить опыт царя Александра II, продавшего Аляску, и предложить, за серьезное вознаграждение, вернуть Шпицберген (концессию) Норвегии, Печенгу - Финляндии, четыре южнокурильских острова -

Японии (за все южнокурильские острова, до пролива Буссоль, японцы поставили бы всю Сибирь на ноги)? Однако это слишком смело; предпочитают, чтобы (по Ключевскому) "государство пухло, народ хирел".

Национальный вопрос внутри страны, безусловно, сложен сам по себе, но он предельно усложнен и обострен практикой коммунистической диктатуры. И ныне центральная власть лишь разжигает страсти, то упираясь, то уступая сепаратистским тенденциям, которые теперь уже перехлестнули через границы союзных республик на автономные образования. В свое время можно было (по программе НТС) рассчитывать на конфедерацию союзных республик; теперь, похоже, вряд ли реальна даже рыхлая Северноевразийская ассоциация. И Центр идет в хвосте событий. Власть оказалась в положении анекдотического старика, который купил моторную косилку для стрижки газонов, и вскоре уже не он управлял косилкой, а косилка волочила его за собой.

Россия стала суверенным государством, и Ельцин стал главой суверенного государства. Возникли два государственных лидера рядом. И если в Британском содружестве и Франко-африканском обществе главы государств Англии и Франции возглавляют конфедерацию, то глава российского государства возглавляет конфедерацию стран проектируемого "нового Союзного договора". Чем тогда правил бы Горбачев?

Страна, общество - на перепутье, и даже в "Правде" уже пишут, что никто как следует не знает, куда идти, - ни в верхах, ни в низах. Парламенты вырабатывают разноречивые законы, да и те не выполняются. В последние недели радикально-реформистское течение на верхах выработало план, как пройти перевал к светлому будущему за 500 дней; но это пока лишь вексель, а в столице уже вводятся продовольственные карточки.

Развал власти закономерно привел к массовому росту преступности, к грабежам и убийствам. Вечером стало опасно выходить на улицу, утром - отправлять детей в школу. И в паническом отчаянии население всё больше склоняется к принятию любой власти, лишь бы действенной.

Верховный совет СССР наделил Горбачева чрезвычайными полномочиями, и он стал издавать президентские указы "о первоочередных мерах", начиная с экономики. В прессе заговорили о возможности "военного переворота", нам представляется это маловероятным. Китайский вариант боевого применения вооруженных сил вряд ли возможен, но можно допустить использование польского опыта партийно-военного авторитарного режима. Горбачев, возглавляя партийный и государственный аппараты и имея под рукой послушного военного министра Язова, располагает техническими возможностями "навести порядок" и повести дела по курсу, который хорошо обозначен заголовком одной из статей в "Литературной газете": "Крынку - под прикрытием армии". И Нобелевская премия мира присуждена ему очень кстати, укрепляя его престиж как гаранта международной разрядки и либерально-демократических преобразований в СССР, в других социалистических странах.

В то же время в народе образуются и развиваются всё новые очаги и факторы самоуправления по разным областям общественной жизни. Политические организации уже ныне вклиняются в государственное управление на разных этапах. Со временем они овладеют

техники выборов и станут вытеснять нынешнюю "авангардную" партию из системы законодательных, исполнительных и судебных учреждений "советской власти".

Это не так легко и просто, поскольку, как было доложено на партсъезде, бюджет КПСС составляет 2,1 миллиарда рублей в год, а стоимость имущества партии ("основных фондов") на начало 1990 года выразилось в 4,9 миллиарда рублей. На полиграфической базе партии издается 406 газет тиражом 107 миллионов экземпляров, а также 286 журналов тиражом 125,9 миллиона экземпляров; в 1989 году выпущено 564 миллиона экземпляров книг. Такому Голиафу легко вступать в "свободное соревнование с другими общественно-политическими силами" (как было обещано на партсъезде). Но не количеством единым приобретаются симпатии народа, и вольная мысль всё шире овладевает массами.

Многopартийность и альтернативные выборы открывают для новых факторов пути борьбы за смену власти. Всеобщие выборы на Съезд народных депутатов СССР происходили в марте 1989 года, новые выборы, по Конституции, должны состояться в 1994 году. Но, отстроив новые политические организации и мотивируя темпами перемен в стране, надо было бы бороться за досрочные выборы; реально и логично - либо осенью 1991 года (полсрока), либо весной 1992 года (по окончании пресловутых 500 дней, запрошенных на верхах для "перевала").

Тогда можно надеяться, что будет создана авторитетная и дееспособная государственная власть.

"Свобода политических убеждений, политической деятельности и свобода объединений естественно влекут за собой образование политических организаций (партий, союзов, движений и т.д.).

Каждая группа или партия, как бы малочисленна она ни была, должна иметь безусловное право и возможность выражать свои идейные и политические взгляды.

Политические организации призваны содействовать кристаллизации политических настроений граждан, отражать эти настроения, теоретически разрабатывать их, способствовать их реализации, а также повышать уровень политической культуры масс и воспитывать кадры политических деятелей.

Стремление различных политических организаций к реализации их программ имеет следствием столкновение их интересов и политическую борьбу. Борьба эта, однако, не должна нарушать основы общенациональной солидарности, Конституцию и общепринятые морально-этические нормы.

...Политическим организациям должны быть предоставлены законные возможности влиять на общественное мнение и участвовать в государственном строительстве, но должны быть решительно пресекаемы всякие попытки установить диктатуру.

Политические организации - слуги народа,
а не хозяева его."

(Программа НТС, 1974 г., глава 10)

Шаг к демократии,

или как большевики потеряли власть

Монтескье писал: "Самая жестокая тирания та, которая выступает под сенью закона и под флагом справедливости". И поэтому благородна задача восстановить законы, попранные большевистской партией в 1917 году, вернуть народу гражданскую власть. Я предлагаю рассмотреть пример Петербурга, где демократические силы получили в представительстве города подавляющее большинство мест. Хотелось бы, чтобы эти небольшие заметки помогли тем, кто желает постичь опыт демократов моего города; опыт как в хорошем, так и в плохом смысле.

Борьба за власть в городе на Неве началась отнюдь не в последние месяцы зимы, нет, намного раньше. Она началась в разгар осени 1989 года, когда на страницы ленинградских газет верный клеветник ОК КПСС - Объединенный Фронт Трудящихся - вынес свое предложение о выборах по производственным округам, чем вызвал возмущение не только политизированных слоев Петербурга, но и всех здравомыслящих людей. Для не посвященных в суть коммунистических уловок: производственные округа создаются взамен территориальных на производствах, и таким образом в горсовет в большинстве попадают представители производств - то есть носители всеобъемлющей диктатуры пролетариата. А поскольку сам пролетариат диктовать, как показала история, не может, ему будет "помогать" его верный авангард - и т. д., песня старая. ОК КПСС формально занял нейтральную позицию, а на деле активно поддерживал идеологов ОФТ с университетской кафедры марксизма-ленинизма.

Ноябрь - очередная годовщина Октябрьского переворота, стал одним из пиков политических страстей. В воздухе носились лозунги, обрывки разгневанных речей и листовки Народного Фронта (ЛНФ), добросовестно сдираемые кем-то с заборов. 25 ноября члены ЛНФ, ДС, представители независимого профсоюза "Справедливость" и других демократических организаций провели несанкционированное пикетирование Ленсовета с требованием немедленного прекращения дебатов, не говоря уже о принятии антидемократического предложения ОФТ. Пикет был безжалостно разогнан, а организаторы получили, как всегда, "сутки". Доживающая власть щелкнула подгнившими зубами, но главная победа оказалась одержана: предложение ОФТ не прошло. Так демократы сделали свой первый шаг к победе 18 марта.

Страсти в ноябре раскалились довольно-таки жарко. За несколько дней до пикетирования прошел знаменитый объединенный Пленум ГК и ОК КПСС, на котором Б. В. Гидаспов окончательно помог "размежеваться" всем силам города, сделав сие весьма оригинально: он не вдавался в тонкости политических платформ того или иного движения, а просто проложил водораздел: "за" или "против" Октябрьского переворота 1917 года.

26 ноября произошло еще одно непримечательное событие, характеризующее партийных хозяев: на 40-м километре Выборгского шоссе

отрядом милиции и сотрудниками УКГБ по Ленинграду и области был разогнан марш, посвященный 50-летию со дня начала агрессии СССР против Финляндии, то есть советско-финской войны. Марш проводился историко-краеведческой группой "Ингерманландия-Карелия" и обществом ингерманландских финнов "Ингерманландский Союз" (позднее об этом марше писала финская и прибалтийская пресса). Прямое отношение к выборам это вроде бы не имело. Однако стоит взглянуть на это дело с другой стороны, если вспомнить, что ингерманландские финны заявили о поддержке выборов по территориальным округам, а группа "Ингерманландия-Карелия" обязалась вести предвыборную кампанию двух демократов: Аржанникова Н. М. (избран депутатом горсовета и РСФСР) и Голова А. Г. (избран депутатом горсовета).

В начале декабря демократы с лихвой отплатили ОК КПСС "за тот шабаш, который они устроили в прекрасном городе", по словам замечательных бардов Т. и С. Никитиных. Многотысячный митинг у СКК им. Ленина стал второй победой, доказав правым, что левые силы Петербурга составят им значительный противовес на предстоящих выборах. Вибрация от шума на митинге встряхнула Смольный, заставив "штаб революции" кое о чем хорошенько призадуматься.

18 декабря оппозиционные силы преодолели тактические разногласия, образовав комитет и блок "Демократические выборы-90" ("ДВ-90") по подготовке и ведению предвыборной кампании, что стало залогом будущей победы. Только леворадикальный Демократический союз (структура типа партии) занял позицию бойкота выборов, ратуя за путь внесистемной борьбы.

Хотелось бы сказать несколько слов по поводу бойкота выборов, тем более, что и в НТС существуют различные точки зрения, а резолюция Совета НТС "Спасать страну, а не социализм" прямо говорит об участии членов НТС в предстоящих выборах. Как мне кажется, в Петербурге не следовало бы бойкотировать выборы, потому что ситуация в моем городе принципиально отличалась от иных, хотя, оговорюсь, лично мне все-таки симпатичны некоторые положения статьи В. Сендерова, призывающего к бойкоту ("Посев" № 2, 1990).

В Питере ОК КПСС, ОФТ и блок русских национал-социалистов (группировки типа "Памяти" я иначе и не называю) в каждом округе против демократа выставили своих. Будьте уверены, они бы "победили" на выборах, фальсифицировав итоги, напечатав лишние бюллетени и т. п. Конечно, у ленинградского депутата Ильи Константинова, одного из инициаторов создания Демократической партии России, маловато опыта, его можно ругать за излишнюю горячность и прочие вещи. Но не нужно забывать, что противником Константинова был секретарь по идеологии ОК КПСС Ефимов, набравший не так уж мало голосов. Что бы было, если Ефимов шел один?! И таких примеров можно привести сотни.

И позиция, которую занял Р. Евдокимов, руководитель группы НТС в Петербурге, мне представляется наиболее разумной. Ростислав Евдокимов не стал депутатом Ленсовета потому, что у него в округе находилось Военное училище. Казалось бы, гиблое дело даже и пытаться. Однако, пользуясь возможностью, Евдокимов агитацией и историей НТС добился того, что за него проголосовало 17% курсантов! Представляете! Целых 17%! Опять-таки возникает вопрос: какая позиция принесит больше пользы Народно-Трудовому Союзу?

Конечно, не нужно обольщаться. Сейчас-то мы видим, что лишь в крупных городах блок "Демократическая Россия" победил, а большинство на Съезде принадлежит консерваторам за счет "глубинки". Вот там, исходя из малочисленности оппозиции, и необходимо бойкотировать! Бойкотировать, где оппозиционерам "не светит" и 1/3 мест в городском совете. И тогда аппарату придется фальсифицировать выборы в масштабах города, что гораздо сложнее.

"Нужна ли России советская власть?" - задает вопрос А. Мазурин ("Посев" № 2, 1990). Да, нужна. Нужна - пусть на полгода, год, но хотя бы лишь для того, чтобы НТС мог свободно пропагандировать свои взгляды. Всем членам НТС сейчас необходимо прилагать все усилия, чтобы заниматься пропагандой. Люди к нам тянутся, это видно хотя бы по Питеру. Слово "Посев" произносится с какой-то гордостью и непререкаемым авторитетом. А в условиях подполья или сплошных административных отсидок не просто трудно работать, - можно и валить отсутствие всякой деятельности на внешние условия. Я не призываю всех членов НТС идти на выборы или баллотироваться в Советы, нет, это дело совести каждого. Просто у нас есть сейчас шанс говорить с людьми, и если мы его не используем, будет невероятно трудно что-либо исправить. В массе людей, на которую никто не влияет, постепенно может затвердеть мысль о том, что всякая власть, основанная лишь на насилии, насилием же и свертается, что приведет неизбежно к гражданской войне.

Вернемся к событиям в Петербурге. Январь прошел более-менее спокойно, учитывая лишь массовый характер выдвижений кандидатов блока "ДВ-90". Но в политической жизни СССР резко обострились национальные конфликты. Кровавое вторжение в Баку войск советской армии, штурм Сальянских казарм и отлов активистов Народного Фронта Азербайджана (НФА) по-своему повлияли на ход предвыборной кампании.

Как по мановению волшебника город охватила листовочная война. На заборах, стенах, водосточных трубах забелели листовки, призывающие "опомниться". На четко отпечатанных в типографии листовках изображались мусульманские женщины и дети, падающие от рук погромщиков (по-видимому, христиан-армян), наверху чернел заголовок: "К чему привел их НФА...", а внизу - "К чему нас приведет ЛНФ?". Не вдаваясь в разбор и в суть христианско-мусульманского конфликта, отмечу лишь, что кое-кому ужасно хотелось идентифицировать НФА и ЛНФ. И кому - это стало ясно, когда кандидат в народные депутаты Н. М. Аржанников обнаружил поздно вечером во Фрунзенском РК КПСС горы подобных листовок. Обозленные большевики решили его там же избить, забыв, что имеют дело с бывшим капитаном Уголовного розыска.

А то, что и в феврале предвыборная кампания носила отнюдь не мирный характер, ясно из Российского самиздата. Почитайте-ка февральско-мартовскую "Экспресс-Хронику"! Именно тогда усилились гонения на распространителей самиздата (а сейчас от них на Невском проспекте просто некуда деваться!). Например, группа молодых национал-социалистов попыталась завязать драку и разгромить стенды уже упоминавшейся мною группы "Ингерманландия-Карелия", что сопровождалось серией угроз на "ближайшее будущее".

Конечно, в чем-то кампания носила стихийный характер, что и понятно. Но работа провела большая, закономерным результатом которой явилась победа 4 и 18 марта. Безусловно, ЛНФ как все-

таки доминирующая сила блока "ДВ-90" допустил ряд ошибок, но если бы их не было, было бы удивительно. К самой серьезной я бы отнес искусственное торможение руководством ЛНФ акции 25 февраля в Петербурге. Наверное, перед самыми выборами не выдержали нервы; позже ошибка была осознана и изжита. (Кстати, непосредственно в акции участвовало достаточное количество активистов ЛНФ, то есть далеко не все разделяли мнение Координационного Совета.)

Блок "ДВ-90" получил большинство мест в Ленсовете. А вот что произошло дальше – уже совсем другой рассказ. Рассказ о том, как, подобрав утерянную большевиками власть, демократы остановились в недоумении, не зная, что с ней делать. Рассказ о последовавших ошибках и успехах пусть продолжит кто-нибудь другой. Я лишь констатирую: в Петербурге большевики потеряли власть, а Ленсовету по-прежнему доверяют 68% взрослого населения, по данным Ленинградского Социологического Центра.

Каков бы ни был путь России, ясно одно: победа блока "Демократические выборы-90" в Питере – резкий шаг к подлинному народовластию и самоуправлению. Главный итог выборов в моем городе – дышать стало легче. Это пока. А там посмотрим. В апреле 1990 года я брал интервью у Ростислава Евдокимова, в котором он сказал: "Влияние Ленсовета на политическую жизнь страны может оказаться чрезвычайно значительным, так как во втором городе страны собрался самый радикальный и демократический городской совет". Думаю, он прав.

*Кирилл Александров,
Петербург, август*

Съезд журналистов КПСС,

*или субъективные заметки с учредительного съезда
Союза журналистов РСФСР*

"Ваше дело плохо, – сочувственно сказал Остап, – как говорится, бытие определяет сознание. Раз вы живете в Советской стране, то и сны у вас должны быть советские".

И. Ильф, Е. Петров, "Золотой теленок"

Долго думал я, с чего начать эти заметки, пока на ум не пришло неожиданно: "чудище обло, озорно, стозевно и лайя" – подходящий образ, подумалось мне. А чудище это – российская провинциальная журналистика в том виде, в каком она предстала на недавнем учредительном съезде Союза журналистов РСФСР.

Рождение нового творческого объединения должно было состояться среди беломраморных колонн зала Дома Союзов, который большинство из собравшихся здесь делегатов видели только на фотографиях да по телевизору. Все это великолепие должно было, по всей видимости, настроить избранников российской журналистики на лад возвышенный, создать настроение исключительности происходящего. Впрочем, чего греха таить, событие и впрямь готовилось нерядовое: Россия, последней из республик, озаботилась созданием союза своих

летописцев. Делегатов из российской глубинки потчевали икрой да сервелатом – уже одно это создавало атмосферу приподнятую, так как в тех краях, откуда они приехали, многие уже уверовали в то, что само слово “колбаса” можно отнести к разряду устаревших. Каждому делегату выдали спецталоны, по которым счастливы могли отовариться пишущей машинкой, японскими магнитофонными кассетами, еще недавно запрещенным Солженицыным и диковиной “Книгой рекордов Гиннеса”, столы же недавно всячески обзавоаемой, например, гнилым плодом “растленной буржуазной культуры”. Конечно, и здесь не обошлось без длиннющей очереди, но без очереди у нас уже ничего не бывает, разве что сочинения классиков марксизма-ленинизма...

Начался съезд и впрямь в атмосфере возвышенной: люстры сияют, зеркала блестят – феерия, одним словом. Ну, думаю: это же надо, куда попал! Председательствующий зачитал регламент. Особых дебатов по нему не возникло, хотя по опыту съездов народных депутатов известно, что регламент может стать камнем преткновения на целый день – здесь, слава Богу, обошлось. Споры, конечно, возникли, но в основном насчет продолжительности перерывов. За три дня работы предстояло утвердить Устав Союза журналистов, Устав журналистского фонда и учредить сам Союз. Все было расписано в старом добром духе, в котором нас воспитывали семьдесят лет, и сбоев не ожидалось. Устав был почти полностью списан со старого Устава Союза журналистов СССР, не доставлявшего хлопот никому с самого своего дня основания. Но будем справедливы – были в новом уставе и перестроечные строчки о свободе творчества, защите прав, самостоятельности журналистских организаций. Не видно было лишь механизма, который бы привел все эти слова к делам.

Первым камнем, брошенным в тихий омут съезда, стало заявление председателя президиума В. И. Новикова (он же председатель оргкомитета, он же директор издательства “Советская Россия”) о том, что в работе не участвуют журналистские организации Москвы, Ленинграда и Татарии. “Как так, пускай объяснятся!” – раздалось возгласы из зала. Отсутствие татар как-то не особо взволновало, а вот отщепенцы из столицы должны были ответить народу, почему они игнорируют высокое собрание. Зал шумел, как потревоженный улей, в который кто-то сунул горящую головешку. Все смешалось в Доме Союзов. Масла в огонь подлил делегат, воспосивший в микрофон: “А где пресса? Почему нет телевидения? Нас явно игнорируют!”

И тут все увидели, что прессы-то действительно в зале учредительного съезда нет... До сидящих в зале стало доходить, что народы России могут не узнать о волнующем событии, имеющем место в белоколонном зале. И тут нашелся еще кто-то, возопивший: “Здесь нет никого из Российского правительства!”

Это уже было слишком...

Как? В эти судьбоносные минуты Российское правительство смеет заниматься чем-то иным, чем съезд? Безобразие! Было принято решение тут же отправить правительству телеграмму с неодобрением его поведения.

Говорят, была идея пригласить на съезд лидера Российской партии Ивана Полозкова, но что-то не получилось, а зря: Иван Кузьмич очень бы украсил высокое собрание. Раздавались голоса, требовавшие Ельцина, но эта идея не прошла: то ли большинству Борис Николаевич не нравился, то ли еще почему, но его отставили.

Сошлись на Председателя Совета министров И. С. Силаеве. Здесь же постановили: призвать в зал и непокорную столичную прессу. Немного успокоившись, стали обсуждать вопрос о том, когда же призвать к ответу москвичей и ленинградцев. Время от времени доносились выкрики: "Хватит! Давайте работать! Не дадим взорвать съезд!". На беду решили: прежде чем работать, все-таки выслушать представителей двух главных городов России.

Здесь я отвлекусь и допущу в свое повествование статистику. На учредительный съезд были избраны делегатами 437 человек. Из этого числа 407 – коммунисты и кандидаты в члены КПСС, то есть люди, взгляды которых отражают вполне определенную идеологию. Твердокаменные постулаты этой идеологии еще вчера заменяли многим самую необходимость думать. Совсем недавно "журналист" и "коммунист" были словами почти синонимичными. Только на самой заштатной журналистской должности можно было обнаружить человека, не согревающего у сердца образ "дорогого Ильича". Труженики пера с партбилетом в кармане были пассажирами коммунистического поезда, ведомого всем известным паровозом, который, по утверждению большевиков, вез всех безостановочно в коммуны. Похоже, что и до сих пор подавляющее число делегатов было уверено, что пар в паровозе не кончился и есть еще не только чем свистеть, но и чем двигаться. У них сохраняется уверенность в том, что народ все еще един с одной партией и не ищет себе новых пастырей на пути в будущее.

Конечно, было бы неверным утверждать, что собравшиеся в зале коммунисты совсем уж не чувствовали веяний времени. Главным почти во всех выступлениях был страх перед рыночной экономикой с ее проблемами, среди которых главной представлялась проблема остаться без работы, поскольку все знали слова только одной песни, а время требует других... Однако вернемся к нашему рассказу.

На трибуне первый секретарь правления журналистской организации Москвы: "Мы не против создания Союза журналистов РСФСР, такой Союз нужен. Но мы не считаем возможным принимать участие в работе этого съезда, так как она направлена на создание нового аппарата. Москва не ставит вопрос: входить или не входить в Союз – России нет без Москвы и Москвы нет без России. Не надо только торопиться создавать новый аппарат. Есть предложение наше собрание сделать учредительной конференцией, доработать Устав Союза, в нем не отражены перемены, которые принесло время..."

Зал встретил это выступление шумом, криками, аплодисментами, но не теми, которые выражают одобрение, а теми, что уже стали привычными в случаях, когда человеку не хотят давать возможность договорить до конца. Один из делегатов, глубоко оскорбленный словами: "России нет без Москвы", выкрикнул, подбежав к микрофону в зале: "Россия может жить и без Москвы!"

Сменившему москвича ленинградцу Игорю Сидорову было тут же предложено ответить на вопрос: сможет ли северная столица принять нарождающийся Союз в свое лоно? Оказалось, что Сидоров не готов ответить на этот вопрос. Его последующие слова окончательно угробили благостный сценарий съезда: "Происходит создание новой аппаратной структуры. В новом Уставе за хорошими перестроенными словами скрыто то же самое. Отсутствует позитивное начало. Мы за концепцию преобразования Союза в профсоюз. Новый Союз – это Союз свободных региональных организаций".

Страсти накалялись с каждой минутой. Делегат, недовольный подсчетами числа коммунистов, заявил, что их меньше, чем было сказано. За то время, что прошло с момента выборов до открытия съезда, кое-кто уже успел распрощаться с иллюзиями насчет паровоза, везущего в коммуну. Ренегатов заклеили выкриками: "Долой! Отобрать мандаты! Слишком быстро перекрасились!". Все было, как на настоящем съезде, и думаю, что если бы наш транслировали по телевидению, то он доставил бы телезрителям немало веселых минут. Кстати, телевидение все-таки почтило столь представительное собрание. На второй день работы съезда в вечерней программе новостей один из делегатов сказал все, что он думает о съезде, но поскольку его мнение как-то не совпадало с мнением большинства, то от Гостелерадио была потребована пленка с записью крамольного интервью, чтобы проучить отступника. Председатель пытался робко возразить, что имеет же, дескать, человек право на свое собственное мнение, но делегаты его не поддержали.

Уже в первый день прозвучало предложение конституировать съезд не как учредительный съезд Союза журналистов РСФСР, а как съезд журналистов КПСС. На второй день предложение прозвучало снова, но принято не было - к огорчению его автора, делегата от журнала "Уральский следопыт". Чтобы такое блистательное предложение не пропало, я использовал его для заголовка к своим заметкам.

Съезд журналистов КПСС состоялся, а вот учредительный съезд Союза журналистов РСФСР таковым не стал. Обошелся он всего в 140 тысяч рублей - по нынешним временам дешево. Впереди второй этап. Сумеют ли журналисты от КПСС решить судьбу всех журналистов России?

*А. Иванов
Новгород, сентябрь*

"Если вы не бывали в Свердловске..."

"...Приглашаем вас в гости и ждем". Так когда-то начинался популярный "Свердловский вальс" - неофициальный гимн города вначале и "песня без слов" потом, после эмиграции автора стихотворных строк. Конечно, лирична и задумчива эта песня - и "тепло" в ней есть, и "светло", да только о самом вот городе говорит она, увы, не много. А каков же Свердловск сегодня?

Сразу можно сказать, что чего-чего, а покоя в городе - меньше всего. Нынешний символ уральской столицы - это, пожалуй, не столько кудрявая рябина, сколько большой и крепкий кулак мастера-человека. Беру на себя смелость считать Свердловск не просто промышленным и научным центром Урала, а именно таким городом-индикатором положения страны и, первую очередь, одной из самых мощных и значительных ее составных частей: вечно продыmlенных, вечно угрюмых, вечно настороженных городов-заводов.

В Кремле, видимо, это всегда понимали, но как-то своеобразно: не в сторону улучшения жизни тех, кто там работает и живет, а в особом отношении к тем, кто там правит. Действительно, для многих

Свердловск стал стартовой площадкой для прыжка "наверх": Кириленко, Рябов, Колбин, Лобов – фамилии более-менее известные в стране. Появились и новые знаменитости: например, Алексеев, Исаков. Ну, а имена Ельцина и Рыжкова известны всему миру.

Но вот весьма интересный момент. Ельцин, с одной стороны, вроде бы и не просто кумир, а чуть ли не вождь простого народа. И Горбачева он не боится, и с кознями врагов справляется, и с привилегиями борется, и сам как бы "простой человек из народа". Легендами обросло его имя, да и в книге о самом себе Борис Николаевич пишет, что называется, "скромно и со вкусом". Вот только одно смущает: когда Ельцин был первым секретарем свердловского обкома, не был он Ельциным (то есть "борцом" и "демократом"), а был именно Первым секретарем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Никогда не был он "простым" и никогда в свердловскую свою бытность не пользовался он особыми симпатиями у народа. И, видимо, поэтому те, кто сегодня должен был бы его не просто любить, а обожать, – то есть свердловчане, – Ельцину не слишком-то верят. Да и закономерно это. Маленькая заметка в недавнем номере "АиФ" – а где, мол, лечится Борис Николаевич с семьей, где отдыхает? – Все там же, по линии 4-го Управления... И многое становится ясным. "Сколько волка ни корми..." – старая мудрая пословица, и народ, к счастью, постепенно осознает, что не "герои-аппаратчики" типа Ельцина выведут страну из тупика, а в первую очередь, отказ от коммунистической идеологии и ее практического насаждения в жизни, не "перестройка", а ломка старого и построение нового, истинно свободного общества.

Если применять термин "популистский лидер", то в гораздо более положительном смысле он подходит к одному из тех людей, кого выдвигает новое время. Леонид Кудрин был обычным судьей в районном суде Свердловска. Но вот, столкнувшись с откровенным партикратом при разбирательстве "дела" по арестованным "неформалам", он отказался подчиняться "рекомендациям сверху" и, не желая мириться с произволом коммунистов в судебной системе, с так называемым телефонным правом, он решительно вышел из КПСС и добровольно сменил судебское кресло на должность грузчика. Народ оценил честность и мужество бывшего судьи по достоинству, и Л. С. Кудрин, несмотря на бешенство властей и их сильнейшую контрпропагандистскую кампанию, был избран народным депутатом страны. Это – симптоматично, и это не может не радовать.

А взять нашумевшее дело члена ДС, сотрудника журнала "Гласность" С. Кузнецова? Его мужественная борьба с существующим режимом началась именно в Свердловске, и его освобождение было не только его личной победой, но и победой прогрессивных сил города, победой просыпающегося самосознания народа в его отношении к пока еще правящему тоталитаризму.

Да, Урал просыпается. Не зря говорится, что "русские долго запрягают, да быстро едут". Все чаще и чаще слышны "крамольные" разговоры не на кухнях, а в цехах и в курилках: "А уж если мы, "Уралмаш" ("Химмаш", ВИЗ, "Турбинка"...), и а ч н ё м, то уж т о г д а!.." Что будет т о г д а, представить трудно, но одно ясно совершенно точно: огромный город с огромными заводами и их истрадавшимися тружениками даст наверняка что-то потрясающее по силе выхода всего того, что накопилось и наболело в душах у людей. "Уральский характер" – понятие не абстрактное. Он существует,

он выковался, именно выковался в суровых условиях Урала - от демидовских рудников, через "промармий", к нынешнему положению, когда люди, "пашущие" у станков и мартенов всю свою жизнь, обречены на такое бедное и полуголодное существование, что можно только поражаться их терпению. И именно поэтому не будет удивительным то, что рано или поздно скажет Урал всей своей мощью на всю страну.

Пример уже был - волнения в Свердловске 29 декабря 1989 года, когда люди открыто возмутились пустыми полками в магазинах перед праздником и вышли на улицы. Перекрыв центр города, они тогда сильно напугали власти. Хотя эти события и были окрещены "винным бунтом" (дескать, все произошло из-за отсутствия водки в продаже), в магазинах как из-под земли появилось "всё" (конечно, по советским понятиям).

Да, в тот раз стихийное недовольство в столь массовой и открытой форме сбить удалось. Ну, а в следующий раз? Вот это уже сомнительно. "Чем дальше, тем хуже!" - это повторяется часто и как-то даже отчаянно-бесшабашно. Но все более грозные нотки проскальзывают в интонациях и все больше темнеют глаза у людей. Вечно это продолжаться не может, но, похоже, кто-то этого не хочет понять. Или боится понять - так, пожалуй, вернее.

Гораздо лучше истинное положение вещей оценивают не верховные власти, а те, кого по старинке называют "неформалами", - например, ДС и независимые профсоюзы "Единство", а также часть депутатов местных Советов. Правда, нужно признать, что хотя их идеи до большинства населения и доходят верно, но все же слишком медленно. Это и неудивительно: в голодном городе главные проблемы для людей - питание, одежда, жильё, а положение со всем этим критическое. Цифры развития социально-экономического положения в области за первые четыре месяца 1990 года говорят сами за себя: сокращение абсолютных объемов производства в промышленности (98,3% к прошлому году), падение закупок мяса (94%), реализации яиц (96%), отставание в объемах капвложений (18% от годового лимита).

Снижается производство товаров народного потребления, продтоваров и, в первую очередь, самых главных - мяса, колбасных изделий, молочных продуктов, масла. Последнее нововведение - продажа растительного масла "по карточкам" с июня 1990 года. Зато, правда, идет увеличение производства водки и ликеро-водочных изделий при сокращении выпуска шампанского и виноградных вин: рост на 24,5 млн. руб. по отношению к 1989 году, перевыполнение плана на 8,6%. (Все цифры - по свердловской газете "На смену!" от 30.5.1990 г.) Растет инфляция, углубляется кризис, и не грянул бы гром тогда, когда креститься уже будет поздно...

Среди вновь избранных народных депутатов есть люди, которые, несмотря на все еще имеющиеся у них мысли насчет "возврата к ленинским принципам" и "социализма с человеческим лицом", стараются хоть как-то улучшить положение в экономике города, улучшить жизнь людей. Что ж, посмотрим и сами в стороне не окажемся. Дай-то Бог, как говорится.

А пока Свердловск живет и работает. И, несмотря на всю его внешнюю суровость, на все трудности и беды, он, как в старой песне, вновь "в зеленый оделся наряд". Не только знаменитая ураль-

ская рябина украшает город. В теплые солнечные дни особенно радуют глаз и сердце гордо поднимающиеся над площадями Российские знамена, строгие глыбы камней Исторического сквера – и играющие в нем дети, приезд нашего земляка Эрнста Неизвестного – и афиши с Александром Новиковым, бардом, вернувшимся в родной город после более чем пяти лет лагерей.

Наш город живет и будет жить, и я верю, что этот старый и славный город будет вновь Екатеринбургом, что у живущих в нем людей будет достойная жизнь, которую они, поверьте, заслужили.

*Игорь Лихунов,
Екатеринбург (Свердловск), июнь*

"Возвращение"

Планы и реальность рабочего литературного клуба

В июле прошлого года мы вышли на городские площади – не только по причине пустых полок в магазинах и нищенских зарплат. Многих из нас вёл за собой духовный голод.

Достаточно сказать, что только на шахте им. Абакумова (это не бериевский палач, но его однофамилец – крупный организатор угольной промышленности), где я работаю крепильщиком, более ста человек имеют дипломы инженеров, учителей, агрономов, врачей, юристов, культработников, а трудятся проходчиками, крепильщиками, слесарями и т. д.

О том, каким образом в течение десятков лет интеллектуальный потенциал общества перемалывался и превращался, образно говоря, в шахтную пыль (на нашем языке – горная масса), – это отдельный разговор. Только на поверхности объяснение высокой зарплатой шахтера по сравнению с другими, "земными" профессиями. Всё серьезнее и глубже.

Конечно, эти люди создавали и создают в рабочем коллективе особую питательную среду, повышенный интеллектуальный фон. К ним притягивается и другой народ, не имеющий такого образования, но любознательный, читающий.

Как раз накануне забастовок в прессе промелькнула информация о подготовке к печати журналом "Новый мир" семитомника А. Солженицына тиражом 300 тыс. экземпляров. Зная о моем непосредственном отношении к прессе, к театру, книголюбам шахты уполномочили меня связаться с Москвой и заявить протест. Этого тиража, говорили они, даже на все партийные органы не хватит. Что же шахтерам достанется?

Я позвонил в редакцию "Нового мира" и попал прямо на Залыгина. Он искренне обрадовался звонку из Донбасса, объяснил малый тираж дефицитом бумаги, предложил свое участие в решении духовных проблем.

С помощью "Нового мира" в Донецке тогда же был создан рабочий литературный клуб. Вначале мы его хотели назвать "Слово Солженицына", но поняли, что одного Солженицына мы "не потянем". Несмотря на университетские кадры, местное отделение Союза писателей, обще-

ство "Знание", в миллионном городе вряд ли найдутся профессионалы, готовые быть на уровне этой планки. А самое главное, что существуют еще десятки, сотни имен, которые под мощным прессом нашей системы были вытравлены из общественного сознания народа, но которые сумели сохранить огонь отечественной культуры.

Так возник клуб "Возвращение". Главной задачей своей он видит донести этот огонь до наших современников. В него вошли шахтеры, студенты, интеллигенция. Членами совета клуба стали, например, профессор Михаил Гиршман, кузнец Виктор Зариченко и другие.

В рамках клуба состоялись интереснейшие встречи с членами редколлегий и авторами журналов "Новый мир", "Октябрь". Острейший интерес вызвала беседа с Мариэттой Чудаковой - автором "Жизнеописания Михаила Булгакова", Юрием Карабчиевским - автором нашумевшего "Воскресения Маяковского", Григорием Медведевым - автором "Чернобыльской тетради". Теплой и сердечной была встреча с Екатериной Гроссман-Коротковой, дочерью Василия Гроссмана.

Параллельно мы проводим активную работу на шахтах, в библиотеках, Домах культуры.

И хотя сегодня умы людей заняты в основном поисками лишней сигареты и куска вареной колбасы, их духовные струны чутко откликаются на все наши предложения. Я не помню случая, чтобы хоть на одной встрече были пустые места в зрительном зале. Везде аншлаги. Вопросы. Дискуссии. Живые глаза. Живые лица. Это придает силы и уверенность в том, что мы делаем нужное дело.

Во внутренней жизни клуба мы заняты сбором авторской библиотеки, планируем создать филиалы клуба в Макеевке, Горловке, Енакиеве и других шахтерских городах.

Одна из главных наших забот - издательская деятельность, подготовка альманаха "Возвращение", где будут публиковаться произведения литераторов русского зарубежья, еще не известные широкой публике.

Но вот здесь и начинаются самые большие проблемы. Главная из них в том, что мы бедны, как церковные крысы. Вторая - дефицит бумаги.

В связи с этим я хочу обратиться от имени клуба "Возвращение" к читателям "Посева". Мы просим откликнуться тех писателей, которые могли бы приехать в Донецк на встречи с читателями. Мы обращаемся к спонсорам, которые могли бы нам оказать финансовую помощь, выделить кредит, чтобы стать на ноги. Мы предлагаем деловое сотрудничество в издательской деятельности. У нас простаивают производственные полиграфические мощности, типографии, которые ищут заказчиков, но у них нет бумаги. Давайте объединим усилия.

А все эти предложения сводятся к тому, чтобы создать совместный литературный концерт "Возвращение".

Ждем откликов и предложений.

*Леонид Рубинштейн,
председатель литературного клуба "Возвращение"
Донецк, сентябрь*

Горбомания - взгляд изнутри

Вадим ГРИГОРЬЯНЦ

Эта статья написана до присуждения М. Горбачеву Нобелевской премии мира. Точка зрения автора представляется весьма распространенной среди радикальной оппозиции в стране.

Явление горбомании, охватившее Запад, требует достаточно пристального внимания, оно весьма симптоматично для последнего пятилетия. В этой небольшой статье указаны лишь некоторые аспекты столь многосложного явления.

Люди, живущие в период постбрежневского реформанса, не могли ожидать, что перемены в стране окажутся столь решительными. Источником перемен принято считать Михаила Горбачева; сейчас уже его стали называть всего лишь "инициатором", так как ход большинства событий вышел из-под контроля Первого Лица Государства.

Хочу оговорить сразу же: горбомания - вещь исключительно западная. Внутри страны горбомания как таковая если и просуществовала, то лишь внутри определенных групп населения, да и недолго: то ли в силу давнего иммунитета народных масс ко всему начальственному, то ли в результате обветшания самой коммунистической идеи, а прибавьте бытовую неустроенность и вытекающий из этого бытовой антикоммунизм. Да и постоянный треп о перестройке людям порядком осточертел. В среде рабочих самая мягкая услышанная мной характеристика Горбачева - "болтун", самая же нелестная состояла из пяти-семи по-русски закрученных слов, так что говорить о популярности Михаила Сергеевича среди "простых людей" просто-напросто не приходится. Об этом же говорят социологические опросы: "Студенческий меридиан" за 1989 г. и "Мегаполис-экспресс" за июль 1990 г. Горбачева обошел в популярности Б. Н. Ельцин, а выход Ельцина из КПСС, его руководство Россией, внешнеполитические и внутривнутриполитические инициативы - все это прибавляет Ельцину плюсов, а Горби в то же время набирает сплошные минусы.

Из вышесказанного следует, что горбомания - вещь исключительно западная, феномен "их" туманной жизни. Итак, почему же Запад за Горбачева?

Вас не шокировал тот факт, что, поддерживая тогда еще Председателя Верховного Совета, Буш и Тэтчер, да и весь Запад, как и Север Европы, заняли крайне осторожную, излишне мягкую позицию по вопросам Балтии (в частности, Литвы)? А ведь они давно признали право на самоопределение суверенных Литвы, Латвии и Эстонии, незаконно поглощенных СССР после сговора двух величайших диктаторов современности - Сталина и Гитлера.

Вообще я считаю величайшим недоразумением истории Великую Отечественную: по всей логике событий существовала огромная вероятность раздела Мира двумя гениями, кастрировавшими два великих народа: немецкий и русский (я имею в виду и русских, и украинцев, и евреев - всех). Думаю, против союза Берлин - Москва - Токио не выстояли бы ни Англия, ни Штаты. И куда повернулось бы

красное колесо истории? Но История не только страшна и кровава, она еще и внутренне справедлива: столкнув лбами тоталитарные сверхсистемы, история дала шанс демократии выстоять, и не только выстоять, но и победить, пусть и через пятьдесят лет. А тогда это были два претендента на мировой трон... Да и сведения о репрессиях и развале Красной армии, наверное, во многом предрешили как сам факт войны, так и время ее начала. Но простите за некоторое отступление от темы.

...И вот даже в вопросе независимости Балтии, по которому Запад занимал более чем жесткую позицию, мировая общественность внезапно делает реверанс в сторону Кремля, подчеркивая при этом, что Запад не хочет ослабить позиции Горбачева.

Совпадение интересов

Наиболее яркой точкой соприкосновения Запада и Востока при М. С. оказались вопросы разоружения. Странно? Ни чуть: все дело в том, что у противоположных сторон возникли различные предпосылки для решения своих глобальных проблем. К истории: Брежнев в вопросах ядерного противостояния полностью полагался на генералитет. А посему, декларируя готовность к всеобщему и полнейшему, вводя различные моратории, вывода из Восточной Европы войска, необходимые для удержания афганских позиций (горнострелки из ГДР), в действительности Брежнев и его клика держались за ядерную шапку над СССР, как лысый за парик, сдуваемый ветром. Психология проста: партия, держащая лапу на кнопке, всегда пребудет у власти, и до мирового господства... Но не по Сеньке оказалась шапка (парик): мирового господства коммунистической идеологии не получилось.

А вот Андропов в отношениях Запад-Восток сразу же занял жесткую чекистскую позицию, враз отменив липовые брежневские инициативы. СОИ - на Западе, мы долдоним об асимметричном ответе. Но История - дама хотя и привередливая, но опять-таки внутренне справедливая. И к рулю "непотопляемого линкора", именуемого СССР, пришел молодой Captain Braive. Пришел и как завопит! Мол, все обман, в трюме полно воды, крысы бегут на Запад, мотор заглох, куда-то нас сносит. И вообще, никакой это не линкор, а всего лишь гнилая канонерка, в команде пьянство, бардак, а по курсу сплошные мели! Говоря попроще, оказалось, что Социалистическая экономика на нуле и стремится к полнейшему распаду, цены на нефть падают, долг растет, платить нечем. Благосостояние людей падает со скоростью среднестатистического метеорита. Инфляция и инфляэция делают бесполой борьбу с нетрудовыми доходами, а вот водку побороть не удается ни за какие шиши. И слава тебе, Господи, что поначалу твердивший о верности курсу Брежнева-Андропова-Черненко, Горби внезапно заговорил о перестройке.

Анализируя нынешнюю ситуацию, можно утверждать, что перестройка с самого начала задумывалась и, главное, осуществляется по сей день как косметический ремонт прогнившей системы. Отказавшись от "спиртных" денег, М. С. поставил перед правительством проблему: как прокормить ожиревший аппарат, на какие шиши отправить на пенсию врагов, окостеневших ретроградов, престарелых марамзатиков? Водка? Нет. Оружие? Может быть, но доходов от самого доходного бизнеса в антиштатовских целях - кот наплакал. В конце концов Горбачев приходит к парадоксальному выводу, что без За-

пада мы протянем ноги, а тогда народ сметет и его, Горбачева, и всю эту партию (как класс). Тут я хочу отдать должное Михаилу Сергеевичу: от возможного решения проблемы в духе И. В. Сталина он отказался и не стал перекрашивать собор Василия Блаженного в зеленый цвет. Впрочем, это уже не только от генсека и зависело.

Будучи по должности сатрапом, но сатрапом просвещенным, М. С. подбрасывает Западу приманку – "гласность", "демократизация", "новое мышление". По всей видимости, команда Горбачева не смогла найти ничего получше, чем вытащить на поверхность заплесневевшие с некрасовских времен термины, перекрашивая их для последующего употребления. Главное, что необходимо разрушить "бравому капитану", так это железный занавес психологического иммунитета Запада к тоталитарному центру Востока. Запад привык видеть в нас медведя, вооруженного ядерной булавой. К Востоку у него полное недоверие (что мы и заслужили). Факт: приманка оказалась достаточно интересной.

Следующим этапом по высасыванию денег из Запада можно считать "операцию Рейкъявик", когда Горбачев и Рейган чуть было не договорились о полном уничтожении ядерного оружия. Договор не состоялся лишь потому, что обе стороны не были готовы к его подписанию. Ронни был не готов психологически: предложение Горби было просто-таки ошарашивающим, а тут груз недоверия к коммунистам, весь генетический страх Запада перед тоталитаризмом. Горбачев же, по моему убеждению, и не собирался подписывать договор, ловко уцепившись за СОИ и сорвав тем самым переговоры. Но главное было сделано: сломан психологический барьер, Запад уверовал, что медведь готов состричь когти и одеть намордник. Опять-таки подчеркну, что подписание договора о полном сокращении ядерных вооружений было крайне невыгодно Горбачеву: если исходить из концепции, что экономическая помощь Запада необходима, то надо прекрасно понимать, что кредиты можно получить либо под крутые политические преобразования, либо под разоружение, гарантирующее безопасность Запада. Не желая решительных политических перемен, постоянно резервируя до 95% акций на власть за КПСС, Горбачев остался всего лишь один козырь: ядерная шапка, а заодно можно попытаться блефануть на политических переменах. И представьте себе: потерять в Рейкъявике за один день такой козырь, не выручив ничего в обмен!

Сколько стоит большая дубинка?

Куй железо, пока горячо: говори о новом политическом мышлении, приоритете общечеловеческих ценностей, социализме с человеческим лицом... Рейкъявик – твоя самая значительная победа. Под эту победу откроется пузатая мошна, потекут многомиллионные сделки, соглашения, возможность кредитования. "Дальше! Дальше! Дальше!" Но Запад осторожен, его финансы недостаточно оросили просторы СССР. Значит, приходится действовать: ракеты, химическое оружие, вывоз из Афганистана, переговоры на высшем уровне. То, что переговоры ведутся вяло, – опять-таки способ попридержать подольше козырную карту. Имея огромную армию, СССР резервирует дубинку поменьше: танки, подлодки, но и эту карту приходится сдавать. А как оплатить торговые договоры? Нечем! Как воздух Горбачеву нужны кредиты, дабы продлить агонию правящего класса.

И тут-то счастье привалило: Германия объединяется! И сразу же сверхжесткая позиция СССР в переговорах. Абсолютно ясно, членом какого блока окажется Германия, но мы ломаемся, как публичная девка. Но вот ФРГ предоставляет кредит в 5 млрд. марок, намекает Франция, и - о чудо! - СССР согласен. И еще 12 миллиардов - для того, чтобы построить дома уезжающим на родину офицерам. Это ж какие хоромы будут! Как же, построят им жилье на эти деньги, ждите...

Что вы делаете, когда начальственная сволочь отказывает вам в том, что принадлежит вам же по праву, предлоги найдутся? Правильно, вы даете ему на лапу. Похоже? Абсолютно. А сколько еще миллиардов долларов втюкает Запад в СССР? Натура бюрократии прежняя: не подмажешь... "Эй, Запад, хочешь, отдам тебе дубинку? Деньгу гони!"

Так почему же Запад содержит столь ненавистную ему тоталитарную систему? Как всякий сытый человек, Запад не агрессивен, но он боится агрессии голодного человека. А как тому утолить голод? Помахать дубинкой, постучать тупфлей по большому столу? Сыт не будешь. А тут сытый сам готов отдать обьедки с праздничного стола и даже кусок пирога отрезать, лишь бы дубинку отобрать. Мы не можем прокормить себя, вырастив рекордный урожай хлеба, мы его сгноили (а чья ныне земля?). Горби просит Буша: дай кредит на зерно! И пусть подышают в голодовках загнанные в угол арендаторы: система торжествует! И благо наше, что есть на Западе трезвые политики, выдвигающие требования политических и экономических преобразований в СССР для предоставления кредитов.

Опять-таки политика разоружения психологически связывается с именем Горбачева и наличием центрального правительства. Эти самостоятельные республики неизвестно еще как запоют: а вдруг начнут строить за колючей проволокой островок тоталитарного счастья? Тут же путь ясен: подмазать - и поехали. Все упирается в психологию сытого бургера: не добившись цели, к которой путь ясен и накатан, никто не будет сходить на тропу неизведанного. А сильное тоталитарное правительство выглядит надежным гарантом быстрого и неукоснительного разоружения.

Весь абсурд ситуации в том, что для разоружения Советов необходимо подкармливать партийно-бюрократический аппарат как правящий класс, а этим Запад продлевает существование самой тоталитарной системы. Однако, сохраняя гнилую Систему, чьим детонатором могут стать голодные и злобные подданные, Запад сохраняет угрозу с Востока. Тирана можно лишить ядерной и танковой дубин, стрел подрыва, дестабилизации, террора, но даже перочинный нож в умелых руках преступника опасен. И к чему привели заигрывания с фашизмом, мы слишком хорошо знаем.

Вот и замкнулся порочный круг горбомании как явления, обеспечивающего прогрессирующее заболевание. Готовьтесь, враг перестраивается.

Как разорвать порочный круг болезни? Конспективно, этиотропное комплексное лечение: ставка на слом системы и создание гражданского общества. Кредиты? Только под экономические и политические преобразования в стране, введение частной собственности, в первую очередь на землю. Впрочем, я не собираюсь пересказывать программу "Путь к будущей России" - читайте сами. Хочу заметить только одно: не свалив тоталитарную систему напором как

изнутри, так и снаружи, Запад рискует, разоружив СССР, махнуть рукой на наши внутренние дела, что неизбежно приведет к новому витку противостояния. Медведь выломает новую дубину, попрочнее.

Конечно, дело каждого, с кем ему идти, но идти надо с открытыми глазами. И падение еще одного мифа пойдет всем на пользу.

г. Могилев-Подольский

Из некролога одной политической биографии, или еще раз о Колпашевском захоронении

Владимир ЗАПЕЦКИЙ

Почему вдруг потерпел сокрушительное поражение делегат XXVIII съезда КПСС г. Лигачев, чье выступление накануне было встречено бурными аплодисментами? Эти овации, весьма недвусмысленно выжив царившие среди делегатов настроения, повергли в уныние многих простодушных партийцев у экранов телевизоров, которые еще надеялись на "естественное" обновление в партии. И вдруг - крах. Полный и окончательный. При избрании заместителя генерального секретаря г. Лигачев не получает поддержки Полозкова, на выборах проигрывает. Более того - не становится даже членом ЦК. Последнюю точку ставит после съезда г. Горбачев: вводит в состав президентского совета г. Медведева, другого консерватора, который также потерпел поражение на выборах. Тем самым тот "спасен" для политической жизни. А вот г. Лигачев оказывается не у дел...

Традиции большевистской историографии заставляют сомневаться, что подробности событий тех дней мы узнаем скоро. Но нет сомнения, что свою роль сыграл и поданный в президиум запрос за подписью Ю. Карякина и Ю. Болдырева. Запрос, состоявший из четырех пунктов, касался нескольких любопытных моментов в политической биографии г. Лигачева, был по регламенту размножен и распространен среди участников съезда.

В пункте третьем речь шла о событиях в г. Колпашево в 1979 году.

"Каково Ваше отношение к требованию новосибирского и томского обществ «Мемориал» о гласном расследовании всех обстоятельств уничтожения останков жертв сталинщины в г. Колпашево Томской области в мае 1979 года и к следующей резолюции многотысячного митинга в Новосибирске 25 февраля 1990 года: «Считаем недопустимым тот факт, что гр-н Лигачев Е. К., санкционировавший это варварское преступление, в настоящее время является народным депутатом СССР, и требуем его немедленной отставки?»".

В октябре 1989 года актив новосибирского общества "Мемориал" при одном голосе "против" и одним воздержавшемся принял Заявление, написанное 24-летним литератором Игорем Аристовым. К Заявлению немедленно присоединилось и томское общество. В нем, в частности, говорилось:

"Мы убеждены в том, что происшедшее в 1979 г. в г. Колпашево Томской области варварское уничтожение жертв сталинщины, осуществленное тайком, воровски, имеет непосредственное отношение ко многим событиям дня сегодняшнего, а со временем станет мрачным символом беспамястства и нравственного одичания, которые пережила наш народ, символом уходящей эпохи. Сегодня у всех на слуху минские Куропаты, киевская Быковня, но даже в сравнении с этими страшными захоронениями, задуманными и осуществленными как свалки трупов, история Колпашевского яра выглядит беспрецедентной.

40-60 лет назад в маленьком сибирском городке Колпашево, как и по всей стране, уничтожались ни в чем не повинные люди. Жертвами геноцида стали ссыльные крестьяне, интеллигенты, бывшие члены бывших политических партий. В течение десятилетий нам, живым, было запрещено о них помнить и вообще знать, животный страх сковал ум и совесть народа. Но в 1979 году, перед самыми Первомайскими торжествами, Обь подмыла обрывистый колпашевский берег, и сохранившиеся в извести и песке тела расстрелянных, не дождавшись наших прозрений, сами вышли наружу...

То, что произошло дальше, потрясает не просто бесчеловечностью, но какой-то патологической страстью к глумлению и кощунству. Партийные функционеры наспех объясняют, что на яру были расстрелянные во время войны дезертиры (сотни трупов, в том числе женщины и дети). Захоронение деловито обносится высоким забором, и, чтобы избежать лишней возни, речной буксир размывает часть злокозненного берега и сгребает в Обь останки погибших. Но увлечь вниз по течению им не дают. Мертвых уничтожают п о в т о р н о: спецкоманды на лодках и катерах цепляют к мумифицированным телам металлические болванки и топят в реке. Тех непокорных, кто отказывается идти на дно, на куски рубят веслами..."

И в эпоху гласности опубликовать этот текст оказалось не просто. Официальные средства массовой информации проявили неожиданную для них девическую стеснительность. Похожие сложности еще прежде возникли и с публикацией упомянутого в Заявлении очерка "Колпашевский яр". Очерк был написан автором этих строк в 1987 году, но лишь после того, как он стал распространяться в Сибири в самиздате, благодаря исключительным усилиям того же И. Аристова и сотрудника редакции Е. Шаленкина удалось опубликовать в апреле 1989 года значительный отрывок из него в новосибирской газете "Молодость Сибири". После этого, в мае, появилась полная недомоловок статья в "Правде", которая тем не менее "открыла тему". Более полный вариант очерка был опубликован в октябре 1989 года журналом "Сибирские огни", где он до этого пролежал год*. Эта публикация и послужила для "Мемориала" формальным предлогом для Заявления.

Довольно странные затруднения с публикацией весьма сдержанного по тону исторического очерка - и это-то в нынешнее время, когда тема преступлений сталинизма стала почти конъюнктурной. Объяснялось же все просто: нежеланием упоминать - а это рано или поздно стало бы неизбежным, - фамилию т. Лигачева, который в

* Автор выражает сожаление, что редакция позволила себе существенные сокращения текста без согласования с ним. К слову, бесцензурными были публикации лишь в самиздатовском журнале томского "Мемориала" и № 155 "Граней". В прошлом году советские власти разрешили распространять посевовские "Грани" в СССР по подписке. Однако тираж первого же номера - как раз с "Колпашевским яром" - был арестован на таможене и пролежал там полгода. По чудесному совпадению, запрет был снят лишь после того, как т. Лигачев наконец-то стал пенсионером.

1979 году был первым секретарем томского обкома. А также нежеланием ставить вопрос, кто именно из нынешних руководителей КГБ несет ответственность за подобное варварство. Что и было сделано в Заявлении томских и новосибирских мемориальцев:

"1. Мы обращаемся ко второму Съезду народных депутатов СССР, в Верховный Совет СССР и выражаем народному депутату СССР Лигачеву Е. К. общественное недоверие.

2. Мы обращаемся к руководству КГБ СССР и предлагаем провести ведомственное расследование событий, имевших место в г. Колпашево Томской области в 1979 году, наказать виновных и о результатах сообщить через средства массовой информации".

Видимо, первым обнародовал Заявление "Бюллетень СиБИА" А. Маннанникова, о нем же сообщила "Экспресс-Хроника", текст Заявления прозвучал по радиостанции "Свобода". В декабре оно появилось в "Железнодорожнике Кузбасса" (30.12.89). Наконец, в прибалтийской газете "Советская молодежь" (18.01.90) Заявление было опубликовано уже массовым тиражом в 2/3 миллиона и сопровождалось призывом перепечатывать другими средствами массовой информации.

Тогда же, в январе, по томскому телевидению удалось выступить одному из лидеров томского "Мемориала" В. Фасту (ему было предоставлено эфирное время как кандидату в народные депутаты). В адрес т. Лигачева последовали новые обвинения: к тому времени В. Фаст, занимавшийся историей Колпашевского захоронения с 1979 года, собрал многочисленные свидетельства*.

О колпашевском захоронении и о причастности к уничтожению его т. Лигачева говорили на митингах в Новосибирске и Томске. Так 25.02.90 на многотысячном митинге в Новосибирске была принята резолюция: "Считаем недопустимым тот факт, что гр-н Лигачев Е. К., санкционирующий это варварское преступление, в настоящее время является народным депутатом СССР, и требуем его немедленной отставки". Игоря Аристов, который зачитал резолюцию, пытались оттащить от микрофона. "Это провокация, товарищи! Это провокация!" - прокричал представитель горкома ВЛКСМ.

А затем началось что-то вроде цепной реакции. "Советской молодежи" (14.03.90) было опубликовано еще одно обращение, написанное И. Аристовым. Само Заявление перепечатывается малотиражками "Мемориала", его публикует "Сибирская газета" (28.05.90), оно появляется в Харькове, Литве, Карелии. А в июне 1990 года аналогичное Заявление приняла уже Всесоюзная конференция общества "Мемориал", что также было отмечено рядом независимых изданий.

И все-таки "большая" пресса промолчала...

Но еще в начале декабря 1989 года упомянутый в Заявлении член Политбюро КПСС совершает странный вояж в Западную Сибирь. Странный - потому что происходил он накануне 2-го Съезда народных депутатов, когда, казалось бы, у Егора Кузьмича хватало и закулисных предсъездовских хлопот в Москве. Странным выглядело и

* Томский "Мемориал" пытался также возбудить уголовное дело по факту надругательства над захоронением, однако без поддержки средств массовой информации добиться каких-то существенных результатов было трудно. Как и следовало ожидать, прокуратура, дав формальные отписки, фактически выступила на стороне преступников, своих партийных сотоварищей.

то, что поездка была связана, как явствовало из официального отчета, с осуществлением контроля за выполнением Постановления ЦК КПСС об итогах пребывания в Тюменской области М. С. Горбачева в... 1985 году! (Положа руку на сердце: вы помните, какого рода постановления Политбюро принимало хотя бы год назад?)

Но в Тюмени г. Лигачев долго не задерживался, а метнулся вдруг в Томск и, вспыхнув неожиданной для 70-летнего ветерана ВКП(б)-КПСС любовью к интеллигенции (так и хочется сказать: первой), устроил встречу со студентами и преподавателями томского университета.

И еще странное совпадение: именно в томском университете работают и учатся многие активисты томского "Мемориала".

Надо страдать излишней наивностью, чтобы допустить мысль, будто г. Лигачев, отправляясь в Западную Сибирь, не знал и не ведал о распространяемых в Новосибирске и Томске листовках и информационных бюллетенях.

Знал - но не придал значения? В любой цивилизованной стране подобное могильное мародерство незамедлительно стоило бы политическому лидеру карьеры. Претендента на президентское кресло США Харта погубил "пустяковый" адюльтер. Помните, что творилось совсем недавно во Франции, когда два фашиствующих щенка вытащили из могилы труп старика-еврея? И что б нашему телевидению хотя бы половину потраченного на тот сюжет времени не отвести на наши отечественные дела... Неужели они того не заслуживают?

Далековато нам еще до средней руки цивилизованности, а жаль. И все-таки совершенно очевидно, что легкие неприятные чувства - что-то вроде изжоги - Егор Кузьмич должен был испытывать. Если бы у него была возможность назвать того, на ком лежит ответственность за это грязное дело, - не обошлось бы без коротенькой заметки с опровержением в областной газете.

Так что напрашивается вывод: все-таки обеспокоен был Егор Кузьмич. Потому и "завернул" в Томск по пути из Тюмени в Москву, потому и устроил эту встречу в томском университете. Столь же "случайна" и глухая ругань в адрес средств массовой информации в правдинском репортаже о его поездке.

На неприятные вопросы удобнее отвечать в безопасном удалении от столичных и иностранных журналистов. А если на съезде кто-то слишком назойливо будет повторять вопрос - можно и отмахнуться: исчерпывающий ответ-де был дан в Томске...

И действительно, на встрече в Томске без такого вопроса не обошлось.

Тут уместно вспомнить, что один из январских номеров "Московских новостей" посвятил той самой встрече "представителей научной, вузовской, художественной интеллигенции, студенчества Томска с Е. К. Лигачевым" едва ли не полный газетный разворот. Но и это либеральнейшее московское издание, сделавшись вдруг тугим на ухо, вопроса этого не расслышало и ни единой строчкой о нем не упомянуло*. А звучал он так: "Кто несет личную ответствен-

* В феврале меня разыскал сотрудник "Московских новостей" Г. Н. Жаворонков (известны его последние публикации по катынскому расстрелу). По его просьбе 28.02.90 я передал в редакцию материалы по Колпашевскому захоронению. Однако Егор Яковлев от какой бы то ни было публикации на эту тему и на этот раз

ность за осквернение и уничтожение в 1979 году захоронения жертв сталинских репрессий в г. Колпашево на Оби?».

Егор Кузьмич ответил следующим образом:

- Мне очень трудно назвать кого-либо ответственного. Ибо, во-первых, это произошло совершенно неожиданно. Это было настоящее стихийное бедствие в полном смысле этого слова. Вы на этой земле живете и знаете, что иногда делает половодье. И откровенно вам скажу, поскольку мы собрались для этого, мне, например, стало известно, что там захоронены жертвы сталинских репрессий, именно после этого случая. Ни одного захоронения не было известно. После этого мы нашли еще одно захоронение. Это в центре города. И то довольно случайно, когда начались строительные работы. Возможно, что еще есть где-то захоронение, я не знаю. Считалось, что в Колпашево захоронены и белогвардейцы, там захоронены и люди, которые были безвинно расстреляны в годы сталинского режима. Все это развивалось настолько стремительно, настолько быстро, что как-то помочь в чем-то было просто-напросто невозможно. Я считаю, что вы правильно поступили здесь, отдали дань уважения этим людям, установили памятные знаки. Я думаю, появится настоящий памятник. Я полностью эту линию и работу ваших организаций в этом направлении поддерживаю. Там уже перезахоронить невозможно было. Там уже ничего не оставалось.

И все. Послышались, правда, выкрики из зала с требованием назвать виновных, но т. Лигачев сделал вид, что не услышал их. В правдинском репортаже от 9.12.89 появилась фраза: "на встрече... присутствовали члены неформальных организаций города, которые вели себя активно".

В ответе т. Лигачева неправда на каждом шагу. Хотя бы эта фраза: "Там уже ничего не оставалось". Осталось. Случай-то был действительно беспрецедентный: сохраненные в песке тела, по свидетельствам многочисленных очевидцев, можно было опознать. Местные жители, находя их на берегу, принимали мертвых за утопленников. Иные из тех трупов оказались за сотни километров, на самом севере Томской области. Проживающий в Томске Г. Типсин рассказал, как одна из колпашевок опознала в могиле тело своего мужа. Были на нем связанные собственными руками носки из конского волоса. Слышал об этом случае и от других, причем с такими подробностями: прожить успели в браке всего-то два месяца. И вот встретилась через 42 года старуха со своим молодым мужем...

Не требует особых опровержений и другое утверждение из ответа т. Лигачева: о самом факте его причастности к колпашевскому глумлению. Слишком очевидно, что такого рода решения попросту не могли приниматься на уровне колпашевского горкома партии, на это указывают также масштабы и характер "работ".

Еще в 1985 году мне довелось говорить с бывшим первым секретарем колпашевского горкома комсомола Виктором Ишутиним. По его рассказам, "соседи" - из горкома партии - сами были до смерти перепуганы и оставались растерянными сторонними наблюдателями. От Ишутина я узнал также о предпринимавшихся ранее, еще до размыва берега, попытках химического уничтожения могил.

воздержался. Что ж, поздравим главного нашего глашатая перестройки и гласности с польским орденом, полученным за публикации по катынскому делу. И уж так, между прочим, заметим, что в катынском лесу осталось лежать русских людей куда больше, чем поляков...

В настоящее время сведения об этом находят все новые и новые подтверждения. Особый интерес вызывают честные признания бывшего партийного работника Костарева П. Е., опубликованные в томской газете "Молодой ленинец" от 22.06.90. Они заслуживают того, чтобы привести их здесь полностью:

"В сентябре 65-го в Колпашево прилетел начальник КГБ по Томской области М-ин и товарищ «из центра». Пришли ко мне в кабинет (я тогда работал первым секретарем Колпашевского горкома КПСС). Товарищ из Москвы подает мне пакет и говорит: «Распечатать и ознакомиться в нашем присутствии». В письме сообщалось, что в 37-м здесь были расстреляны многие так называемые «враги народа» и захоронены рядом со зданием ОГПУ-НКВД. Но река подмыла берег - настолько, что могут обнаружиться останки убитых и по одежде родственники опознают своих близких. Могут возникнуть большие неприятности.

Далее содержалась просьба оказать содействие товарищам из КГБ по уничтожению вещественных улик, следов преступлений. Я понял, что надо это сделать, чтобы не травмировать души пострадавших от репрессий. Организовал проведение работ. Нашли место захоронения, установили размеры этой могилы. Затем с помощью буровой установки, присланной по моей просьбе из геофизической экспедиции, на площадке пробили скважины. Засыпали туда по несколько килограммов негашеной извести и шлангом от пожарной цистерны закачали в каждую скважину воду.

Произошла бурная реакция, повалил бело-желтый дым, который перепугал местных жителей. Они подумали: пожар. Пришлось им объяснить, что это - учение пожарной команды. Работы проводились секретно, ночью. Выполняли их солдаты из стройбата. Через месяц их демобилизовали (многих досрочно), чтобы они не рассказали колпашевцам о проведенной операции. Таким образом вещественные доказательства сталинских репрессий были уничтожены..."

Не лишне напомнить, что именно с 1965 года Лигачев стал первым секретарем обкома партии. Так что данную акцию политического толка КГБ просто обязан был с ним согласовать. Нет, не мог не знать Егор Кузьмич о Колпашевском захоронении. Более того, подобные попытки повторялись и в последующие годы (об этом свидетельствует, например, письмо томика Н. Г. Снегирева в "Мемориал").

Рассказал Костарев и о том, как годом спустя, когда он уже работал в обкоме партии, клали бетон на могилы жертв большевистского режима в Томске. И Костарев свидетельствует, что именно Лигачев поручил ему и с этим вторым захоронением (как "имеющему опыт"?) "разобраться на месте". Об этом случае вскользь упоминал и Лигачев на встрече в томском университете, говоря при этом, что захоронение было обнаружено "довольно случайно, когда начались строительные работы".

Случайность весьма относительная. Просто всполошились жившие рядом бывшие палачи из НКВД, когда городские власти затеяли благоустраивать один из скверов, под которым, как выяснилось, были проходы к подземному кладбищу. Так что тут случайного? Что зверье это у нашего коммунистического правительства на полном пенсионе, в безопасности и живет в центре города в престижных домах рядом с горисполкомом? Что благополучие их в буквальном смысле построено на могилах их жертв (как тут заодно не вспомнить дачи работников КГБ в катынском лесу)? Что у старых чекистских кадров и мыслей не было о том, чтобы бежать в тайгу прочь от людского гнева, а что пришли эти самые кадры на прием к человеку, представлявшему в то время в областном масштабе "ум, честь и совесть", чтобы тот по-семейному, в духе партийного

товарищества все "уладил"? И случайно ли, что человек этот - а иначе-то как! - с помощью железобетонных плит, которые были положены на могилы, действительно все "уладил"?

Но вернемся к колпашевским событиям.

В августе 1979 года, то есть через несколько месяцев после уничтожения братской могилы на берегу Оби, тогдашний первый секретарь колпашевского горкома партии В. Н. Шутов утверждал в присутствии пяти свидетелей (среди которых, в частности, был и В. Ярошенко, ныне - завотделом публицистики "Нового мира"), что это было личное распоряжение первого секретаря обкома партии т. Лигачева.

О причастности т. Лигачева к поруганию колпашевских могил свидетельствуют также - по крайней мере косвенно - собранные томским "Мемориалом" материалы (в первую очередь речь идет о тех из них, которые имеются у В. Фаста, Н. Фаст и С. Девянина). Большая их часть опубликована в двух номерах рукописного журнала "Летопись террора", издаваемого томским отделением "Мемориала" (соавтатели: В. Нилов, Б. Тренин, Н. Кашеев).

В частности, мемориальцы разыскали Черепанова, капитана ОТ-2010, размывавшего захоронения. И тот честно - отдадим должное его мужеству и порядочности - рассказал о своем участии в этой грязной истории.

По завершении работ в томском КГБ его осчастливили транзисторным радиоприемником "Томь" (еще кому-то презентовали "Альпинист", часы, женщинам выдали аж по 20 рублей денег, сказав: фирма у нас небогатая) и вынесли благодарность от имени... т. Андропова. Поразительно, что в этом деле фигурирует еще и фамилия жандарма застоя, ставшего затем генсекком-краткосрочником. Казалось бы: хватит и первого секретаря обкома, недавнего члена Политбюро. И так вроде бы КПСС представлена более чем внушительно на этом ответственном направлении своей деятельности...

А что в этой истории не обошлось без КГБ (который, к слову, за последние десять лет изловил десятка два-три шпионов, но дал Западу такое же количество хорошо обученных кадров в качестве перебежчиков) - это всякому должно быть понятно. И все-таки на КГБ может лежать только часть ответственности. К ликвидации захоронения были привлечены различные организации. Работали речники, солдаты стройбата, милиция, геофизики, даже учащиеся СПТУ-29 (ребятишек отправили с бурильной установкой оконтуривать могилы под предлогом "производственной практики" - как вам нравится такая подробность?). Так что без распоряжений со стороны обкома партии тут не могло обойтись в принципе.

Наконец, по свидетельству члена команды ОТ-2010 С. Н. Копейкина, "руководил мероприятием секретарь обкома Бортников (по транспорту)". Неужто и секретарю обкома могли давать указания сотрудники КГБ? И тут личное распоряжение т. Лигачева было просто необходимо...

Еще раз повторю: личная причастность т. Лигачева ко всей этой мерзости сомнений не вызывает. И все-таки хотелось бы взглянуть на колпашевскую трагедию шире. Спросим честно: кто из партийных руководителей рискнул бы поступить в его положении по-людски, рискуя тем самым своим креслом? Даже давний его оппонент и будущий президент России Ельцин, обещающий с известной ленинской легкостью, что все будем "там", причем "без снижения жизненного

уровня”, – рискнул бы? Ой, как сомневаюсь! Артистическая небрежность, с которой Борис Николаевич сначала открестился от “Демократической России”, а затем вынул из кармана партийный билет, когда тот стал только в тягость, свидетельствует скорее об обратном.

Свидетельствует об обратном и покладистость, с которой он выполнил распоряжение Политбюро и снес в Екатеринбурге Ипатьевский дом, место гибели царской семьи. А ведь расстрел тот навсегда останется в нашей истории особой отметинной. Большевики окончательно заявили себе и всему миру: нам все дозволено...

И тенью легкой не омрачается светлое чело нынешнего радетеля блага народного, когда он вспоминает Ипатьевский дом. Бог ему судья. А восторженным избирателям я все-таки посоветовал бы быть умнее и проникательнее.

Нет, тут беды наши глубже сидят.

Вот возьмем ту правдинскую публикацию, в которой собственный корреспондент газеты В. Чертков поведал о колпашевской могиле. Благое, казалось бы, дело (даже с теми оговорками, что корреспондент не те фамилии называл и не те цифры*, да и сама публикация как-то очень уж вдруг появилась). Но оцените, в какой художественный, так сказать, замысел статья втиснута.

Не забыл автор про то, что в свое время в Нарыме, немногим ниже по течению Оби, отсиживал в ссылке т. Сталин. И естественно, рассказал про то, как т. Сталин бежал из ссылки на обласке, а значит – мимо страшного этого берега и плыл (ну, с того времени река смыла около километра суши, да это мелочи). Подробность эта повторяется дважды: в самом начале статьи и в конце. Вот вам и идейная рамочка, отлакированная в благородный черный цвет. Вот он “бес революции”, и тут его черный след.

Господи, да причем тут этот “чудесный грузин”, как его изволил величать т. Ленин! Не скрою, мне другой образ запал в душу: на том обском берегу обрывается в никуда, в могилу, улица Ленина (к слову, не сговариваясь, обе редакции – и “Сибирских огней”, и “Молодости Сибири” – фразу такую подредактировали... Удивительное единодушие!).

Все это, однако, расхождения, так сказать, идейного уровня. Но есть еще и нравственные проблемы, которые оставила после себя правдинская публикация. И считаю, что я не только вправе, но просто обязан от имени колпашевцев о них сказать – хотя разговор примет почти личный характер.

Последней фразой прошлогодней статьи Владимира Ефимовича Черткова была такая: “Рассказанное здесь пусть продолжат те, кто остался жив, пройдя через тюрму на крутом берегу Оби”. В свое время я Владимиру Ефимовичу по-доброму позавидовал, понимая, какая огромная почта попадет ему в руки. И какую почту дадут повторные публикации. И что можно узнать еще и из личных бесед – если пройтись по адресам на конвертах.

* “Правда” ограничилась фамилиями т. Шутова и т. Копейко, бывшего начальника колпашевского КГБ, создавая тем самым иллюзию, что речь идет о событии, так сказать, районного масштаба. Да и число расстрелянных было уменьшено раз в десять.

Но шли месяцы, прошел год - а ни строчки из этих писем в "Правде" так и не появилось. Четырнадцать месяцев прошло. Стало очевидно, что "Правда" к этой теме возвращаться не собирается. Не выдержав, раздобыл я телефон т. Черткова и в течение недели уговаривал передать письма в колпашевский музей. Какое там! Поначалу услышал, что "письма списаны". Уточнения позволили выяснить, что "списаны" должно попросту означать "выброшены". Почувствовав некоторую неловкость ситуации, Владимир Ефимович уточнил: писем было слишком много, он оставил только "самые интересные". Но папка с ними так и "не нашлась".

Грешен, тут я проявил настойчивость просто неприличную. После того, как Владимир Ефимович перестал поднимать трубку телефона, бросился сам в редакцию, через сотрудниц общего отдела попросил: мол, такой-то ждет внизу, поговорить хочет (как нетрудно догадаться, правдинской гласности полагается милиционер на входе).

Так и не вышел Владимир Ефимович. Но трубку наконец поднял. Вежливости в голосе поубавилось, зато в ясности мы выиграли: нет, не получают от него колпашевцы ничего.

Такой вот финал, в котором железная логика проглядывает.

Восемьдесят лет назад т. Ленин, так и не выучившись толком на юриста, придумал теорию новой власти, которой будет дозволено их убивать.

Пятьдесят лет назад урвавшее власть зверье во главе с т. Сталиным их убивало.

Десять лет назад т. Лигачев, к которому та власть перешла по наследству, уничтожил их останки.

Теперь т. Чертков, нанятый этой властью писать свою, партийную правду, списывает в мусорное ведро и память о них...

И до каких же пор это продолжаться будет?

Есть один юридический аспект, который не может не учитываться в колпашевском случае (да и в других подобных). Пытаясь получить доступ к архивам КПСС и КГБ, общественность занимает какую-то жалкую, просительную позицию: позвольте! разрешите! А не пора ли с этой рабской практикой покончить?

И по сей день высшие иерархи КПСС не желают признавать геноцид партии против народа преступлением против человечности. Об этом свидетельствует и голосование на XXVIII съезде. А ведь если спросить любого школьника, тот, и не припомнив ученого определения, вам в качестве примера назовет Кампучию (и не только школьник назовет, но и серьезный правовед в монографии). Так что людоедские опыты марксистов на живых людях де-факто давно признаны таковыми. Свой приговор история уже вынесла. И напрасно главари политической мафии по старинке считают, что последнее слово за ними.

И тут не мешает напомнить, что под принятой на 23 сессии Генеральной ассамблеи ООН резолюцией о непризнании срока давности по отношению к преступлениям против человечности стоит подпись и советского представителя. Тем самым любые с е г о д н я ш н и е попытки должностных лиц скрыть преступления сталинского режима также не имеют срока давности и попадают под действие статьи 189 УК РСФСР, предусматривающей наказание сроком до двух лет заключения в исправительно-трудовых лагерях за сокрытие преступлений.

Так что не в архивы проситься надо, а ставить вопрос ребром: о привлечении к уголовной ответственности всех тех, кто с е г о

д-н я чинит препятствия для доступа общественности в партийные архивы и архивы КГБ, где такие документы о преступлениях режима имеются.

Весьма насущная проблема, смею вас заверить.

На словах томский КГБ сотрудничает с общественностью, даже приглашает журналистов в архивы (неужто оттуда так все тщательно выметено, что и журналистов пригласить не страшно?). Но втихую служивый этот люд и другую, очень нужную кому-то работу делает.

В патологоанатомическом отделении колпашевской больницы долгое время хранился череп человека из могилы на яру. Он был убит двумя выстрелами в затылок. Одно пулевое отверстие – несколько справа, той же пулей выбита левая глазница. Видимо, убийца стрелял с правой руки, так что пуля прошла человеческий мозг по диагонали. Второе пулевое отверстие – ниже и посередине. Как если бы добивали лежащего ничком выстрелом сверху. Слышал, что у "них" этот второй выстрел назывался "контрольным".

Знал я об этом черепе, в руках держал, но в своем очерке не сообщил. Побоялся, что выкрадут... И выкрали. Совсем недавно пришел какой-то молокосос, предъявив удостоверение сотрудника КГБ, забрал. Ведь это на "их" языке называется "вещественным доказательством"...

Итак, ушел из политики Егор Кузьмич. Скатертью дорожка. Пообещал уехать в деревню и сесть за написание мемуаров. Ну-ну. Посмотрим, что он о своих колпашевских подвигах сочинит.

Помните, как он бодро вышагивал к трибуне, демонстрируя свое политическое здоровье? Теперь осталось дожидаться, как т. Лигачев, не забыв сослаться на медиков, незаметно и тихо снимет с себя полномочия народного депутата, чтобы не осложнять жизнь своим бывшим товарищам по ЦК. А они ему – взаимнообразно – полное пенсионное спокойствие*.

Случалось Егору Кузьмичу впадать и в лирическую патетику.

"В годы застоя я жил и работал в Сибири – краю суровом, но поистине чудесном, – говорил т. Лигачев на XIX партконференции. – Меня нередко спрашивают, что же я делал в то время. С гордостью отвечаю: строил социализм". Спасибо, Егор Кузьмич, трудов твоих мы вовек не забудем, да только правильнее было бы сказать – руководил строительством социализма. А то ведь ненароком можно поставить в один ряд и тех, кто строил Беломорканал, и тех, кто подписывал лагерные приказы.

Ушел Егор Кузьмич. А вот все же продолжает меня мучить вопрос: неужели дозволено этим товарищам из ЦК и товарищам из КГБ делать то, за что фашиствующих подонков во Франции сажают на скамью подсудимых?

* В таком же пенсионном спокойствии живет и колпашевский палач Софрон Петрович Карпов, бывший начальник следственной части нарымского окротдела НКВД. Живет в закрытой зоне Томска-7, под охраной бравых ребятушек из внутренних войск и КГБ, которым платят, насколько, из нашего с вами кармана. На вопрос: "Как живешь, Софрон Петрович?" – имеет обыкновение бодро отвечать: "Свирепствую!" Как видно, у него с политическим здоровьем тоже все благополучно.

"И капитал приобрести, и невинность соблюсти..."

Николай ТОЛСТЫХ

Прошедшие недавно выборы, кроме эйфории от немногочисленных побед на них представителей оппозиции, принесли с собой и поставили перед демократическим движением в сегодняшней России много важных, проблемных вопросов. Кардинальный и, пожалуй, острейший из них – вопрос о принципиальной возможности участия представителей антикоммунистической оппозиции в качестве кандидатов в депутаты в контролируемые коммунистами советы.

Приходит на память разгоревшаяся в начале века публицистическая дуэль между так называемыми "ликвидаторами" и "отзовистами" в рядах РСДРП по вопросу участия или неучастия ее членов в работе Государственной Думы. Как известно, одни были всецело "за", другие – "против". И у тех, и у других имелись весьма веские аргументы. Взаимные упреки продолжались бы неизвестно сколько, если бы партийный лидер Ульянов-Ленин, обладавший – надо отдать должное – феноменальным нюхом, позволяющим ему "чувять", где в данный момент можно сорвать максимальный политический куш, неважно какими средствами, не внес "окончательную ясность". Не надо, дескать, товарищи, ругаться, а пусть каждый на своем месте – будь то в Думе, на заводах, в казармах, в "эксах", или в провокациях, – приносит пользу родной партии. Чем больше будет мест, с которых мы (большевики) можем быть услышаны, с которых мы будем громить "гнилое самодержавие" и "продажное правительство" – тем лучше. Спорить не о чем: где давится – дави!

"Самому человечному человеку" вольно было принимать такое решение. Ни перед ним, ни, соответственно, перед возглавляемой им партией не стояла задача хотя бы отдаленно напоминавшая нравственную. Единственная и стояла только: как бы к власти пробиться, ухватить ее "мозолистой (?) рукой" и уж больше никаким Думам, земствам, Учредительному Собранию и Советам – не отдавать. А ради этого – чего не пожалеешь?

Но то, что было можно и нужно "Ильичу", может ли быть нужно и можно тем, кто провозглашает своей целью нравственное возрождение общества? Тем, кто в декларациях начисто отвергает коммунистическую идеологию?

Мы слышим контрдоводы: чем больше будет оппозиционеров в советах всех уровней, тем скорее мы вышибем оттуда коммунистов, тем скорее советы станут истинно народными, демократическими. Сдается, что ждать такого результата, хотя и очень желательного, придется довольно долго, если и вообщеждемся. Во всяком случае, сегодняшний день показывает, что в масштабах всей России представителей оппозиции в советах ничтожное меньшинство, а там, где почти и поровну или даже небольшой перевес – в Моссовете, в Ленсовете, – они пока не смогли предпринять каких-либо кардинально меняющих ситуацию решений. Возвращение старых названий, проводящееся без всякой сколь-нибудь понятной системы (Максима Горького с Тверской прогнали, очень хорошо, а "железный Феликс", обер-па-

лач, по-прежнему здравствует на площади, носящей его имя, а в Ленинграде так и целый район; таких примеров множество), восстановление и возвращение Московской Патриархии нескольких храмов, победа сторонников следователя прокуратуры Н. Иванова на ленинградском телевидении (все-таки состоялось выступление любимца публики), санкционированные митинги – вот уровень сегодняшней деятельности.

Но – надо во что бы то ни стало занимать позиции везде и повсюду своими людьми. Хоть по одному совать своего человека, безусловно своего, в каждый комитет. Чем распределять функции, не важнее ли занять агентами местечки в каждом комитете? Это – опять "Ильич" (т. 46, с. 309). Как видим, все предусматривал гениальный. Только пооткровеннее высказал, чем иные сегодняшние. Так что – последуем его заветам? Или все же "пойдем другим путем"?

Думается, что общая и главная беда нашей сегодняшней оппозиции, обуславливающая отсутствие четкой выработанной позиции, – это отсутствие реального политического опыта. И естественно – откуда было ему взяться? Есть опыт проведения акций протеста, опыт использования и распространения самиздата, писем и подписей "в защиту", голодовок, борьбы за статус политзаключенного, опыт поведения на допросах и в суде и т. д., и т. п. Но ничтожно мало опыта легальной борьбы, опыта "парламентаризма". Поэтому многие искренне считают естественным и единственно возможным путем борьбу с узурпировавшими власть коммунистами при использовании и участии в этих самых органах коммунистической власти. Других-то, мол, нет. Среди ратующих за это и те, кто говорит о религиозном возрождении народа. Они-то, казалось бы, должны помнить, что было сказано еще две тысячи лет назад о старых мехах и молодом вине. Но сегодня старые меха порвутся ли, нет ли, – пока неясно, а вот вино, пожалуй, скиснуть может.

Е. Романов в своей статье "Переходный период" ("Посев" № 2, 1990) совершенно справедливо замечает, что оппозиция может сегодня противопоставить власти только одно: народную поддержку. Это очень много. Не о ней ли мечтали в глухие времена диссиденты и правозащитники? Но она не приобретается раз и навсегда, ее легче завоевать, чем сохранить. Можно ли ручаться, что народ и в дальнейшем будет поддерживать тех, кого все чаще и чаще будет видеть в коммунистических органах власти? Будет свидетелем принимаемых ими, совместно с коммунистами, решений по сути своей антинародных, антидемократических, как это имело место при принятии Верховным Советом СССР Указа, предписывающего местным властям разгонять "нелегальные" митинги, или закона "О внесении изменений в ст. 34 Основ Уголовного Судопроизводства", увеличивающего срок содержания под стражей в следственных тюрьмах, а Моссоветом – постановления о продаже продуктов в магазинах столицы только по предъявлению паспорта с московской пропиской. И это не единственные примеры.

Кирилл Подрабинец в своей статье на подобную тему отметил, что ни один кандидат "от оппозиции" в своей предвыборной программе не выставил требования безусловного и немедленного освобождения оставшихся в лагерях и тюрьмах политзаключенных, даже те, кто недавно сам был им. Неактуально? Могло помешать в достижении столь желанного результата? А как же быть с солидарностью, с нравственными ценностями, наконец? И что это – так быстро

развившаяся "амнезия" или ослепление призрачной "властью", которая якобы появляется вместе с депутатским билетом?

В резолюции, принятой на съезде Совета НТС в феврале нынешнего года, говорится:

"При выдвижении собственных кандидатур на выборах ставить своей целью прежде всего приобретение трибуны, которая позволит с достаточным резонансом отстаивать необходимость радикальных реформ".

Это, может быть, с точки зрения политика, верно. Жаль, что в резолюции ничего не сказано о том, как предпочтительнее поступить дальше, если твоя кандидатура "прошла", если ты избран. Продолжать "отстаивать необходимость радикальных реформ" перед партаппаратчиками, признавая тем самым, что только они их и могут милостиво разрешить? Да и такой даже возможности реально не будет, в этом мы могли убедиться, наблюдая за работой и съездами Верховного Совета СССР. Ну, кто там по-настоящему аппаратчикам противостоял? Покойный Андрей Дмитриевич, на которого "шикали" "народные" депутаты? Кого не погубили годы ГБ-шных преследований, горьковская ссылка, голодовки, того добились заседания Верховного Совета...

Не достойнее ли, не лучше ли, да и с практической точки зрения не эффективнее ли было бы, после максимального использования "трибуны", в случае состоявшегося избрания с этой же трибуны и провозгласить свое принципиальное неучастие в работе организованного сверху "парламента", приведя четкие доказательства, а избирателям, отдавшим за него свои голоса, предложить посильное для каждого участие в организации и функционировании других, принципиально новых, альтернативных, по-настоящему общественных структурах, создаваемых взамен бывшим и вконец скомпрометировавшим себя органам власти? Не обеспечивает ли именно такой шаг гораздо большую и качественно иную народную поддержку, не перспективнее ли он в свете выполнения главной задачи - консолидации истинно демократических сил и создания альтернативных структур, альтернативных, а не компромиссных?

Сотрудничать, безусловно, можно и нужно. Можно сотрудничать и с представителями разваливающегося аппарата. Но только с теми, кто этот аппарат уже покинул по каким-либо причинам. Прозрели, совесть заела (может ведь и такое случиться, правда, у немногих, я думаю), понял ли, что все равно корабль идет ко дну, - нет никаких причин отказывать таким в сотрудничестве за "прошлые грехи", если, конечно, такой бывший аппаратчик не претендует сразу же на безусловное лидерство и президентский пост (примеры у всех перед глазами).

Но идти на сотрудничество с теми, кто пока еще обладает реальной властью, в советах в том числе, кто их деятельность "контролирует", и тем самым идти под их контроль - тут никакая благая цель не может быть причиной. И закон "каковы средства, такова и цель" действует и будет действовать неумолимо.

Политика на сегодняшний день, увы, еще такая вещь, которую, как говорится, не делают в белых перчатках. Но давайте вспомним, чем заслужили, как завоевали многие представители сегодняшней демократической оппозиции ту народную поддержку, делающую их сегодня вполне конкурентоспособными в борьбе с аппаратчиками. Да именно тем, что в глухие годы, когда слово еще было делом, а не

просто болтовней, когда за слово правды ничего кроме лагерей и психушек "не светило", они проявляли дефицитные в те времена преданность демократическим идеалам, общечеловеческим ценностям, мужество и не заpatrickали себя, не запачкали отстаиваемые принципы компромиссами и сотрудничеством. Так что "белые перчатки" тут, конечно, неуместны, но вот чистые руки неплохо бы сохранить. А иначе ведь, в погоне за возможной "трибуной", может статься и так, что не к кому будет с нее обращаться.

Но как же, однако, вездливы старые, привычные со школы представления о "борьбе за власть"! Либо это - "вооруженное восстание" (пусть неприемлемый для большинства сегодня), либо - официозная деятельность, борьба за места в самом аппарате власти, в настоящее время - в Советах.

Но может быть, все-таки пришла пора посмотреть в корень, не ограничиваться любезно предоставляемой аппаратчиками возможностью "использовать трибуну", а решить наконец вопрос: для чего, к чьей выгоде пошли они на такую "демократию"? Многие отмахнутся: чего ж тут решать, давно всё ясно - нужда заставила. Дальше уже некуда: экономика в "черной дыре", республики отделяются, в городах зачастую есть нечего и т. д. Эти факты, действительно, известны всем. Но далеко еще не все на нашей родине научились выстраивать "причинно-следственные связи". Многие, очень многие, - счет, наверно, пойдет на сотни тысяч, а то и миллионы, - видели поначалу в Горбачеве этакое "Михаила-освободителя", совсем не желая вспоминать (а то и просто не зная о том), что еще его патрон и покровитель Юрий Андропов сказал в 1982 году, став генсеком, что "дальше так продолжаться не может".

А с чего начал наш великий реформатор, какова была его "перестроечная визитка"? Да чисто андроповская акция - "запретить" и "подтянуть". Запретить спиртные напитки и подтянуть трудовую дисциплину (а с ней и всякую другую). Весь первый год своего "эпохального правления" так и проговорил он в основном о том, что "нужно бросить пить" и "работать по совести". Только неизбежность походов с сумой на Запад продиктовала необходимость каких-то реальных демократических шагов не только во внешней (что было не очень обременительно и несло прямую выгоду) политике, но и во внутренней (что, конечно, было менее желательно, но куда деваться!). Но и эти вынужденные шаги к демократизации проводились с такой тяготиной, условиями, оговорками, - вспомним хотя бы "гуманный акт" освобождения из политлагерей (не всех!). Сколько времени это заняло, сколько условий ставилось "освобождаемым" - какая уж там, к Богу в рай, гуманность! Никита Хрущев в этом деле, по сравнению с нынешним, просто - толстовец какой-то.

Однако до поры, до времени не мешало все это росту популярности "великого реформатора". (Я не о Западе сейчас говорю, здесь-то он и поныне "человек десятилетия".) Сейчас, правда, популярность эта катастрофически стремится к нулю. Но разве только в нем дело? Разве не найдутся, если надо будет, "преемники"? Разве, в конце концов, он истинный автор и творец того, что получило, с его легкой руки, название "перестройки"?

Я высказываю свое давнее мнение, что происходящее сейчас в СССР было задумано и начиналось как современный вариант "зубатовщины" (кстати сказать, высокопрофессиональной и весьма дерзкой по замыслу - это-то и сгубило - придумкой шефа московской жан-

дармской службы). Другое дело, что реальная жизнь, как часто бывает, внесла свои коррективы, неожиданные, видимо, для "проектировщиков". Но что изначально замысел был именно таким, я убежден. Каждый, естественно, волен соглашаться с автором или опровергать, но параллели, на мой взгляд, ясно просматриваются. Только одно ведомство в стране имело достаточно полную и более-менее объективную информацию о критическом состоянии государственных структур и механизмов, о неудержимом движении всей системы к краху и только в одном ведомстве обладание такой информацией и ее анализ не влекли за собой уголовной ответственности. Надеюсь, всем ясно - что это за ведомство? И где ж еще и мог быть разработан вариант, да вообще - родиться сама идея "революции сверху"?

Мне сдается, что если такую точку зрения принять хотя бы как вероятную, то проанализировав ее, мы сможем яснее ответить на вопросы "для чего?" и "к чьей выгоде?", так же, как станут яснее допустимые пределы использования представившихся возможностей.

Операция под названием "перестройка" началась для очень многих неожиданно. И, увы, большинство наших тогдашних оппозиционеров-правозащитников к такому повороту событий были не готовы. (Да что про наших "отечественных" говорить, когда многие живущие в свободном мире, имеющие опыт для сравнения, потеряли головы и стали создавать всяческие "общества друзей перестройки".) И радостно ухватившись первый раз в жизни сданные им влиятельными шулерами крапленые карты, вдохновенно начали игру, вроде бы не "в темную", вроде бы на равных, в такой долгожданный политический покер. И, естественно, проиграли. Наивные хранители лозунга "Соблюдайте свои законы" и творцы теорий, как сделать, чтобы законы стали совсем хороши, были напрочь биты "козырными" речами сановников разных рангов, до самых высших, что законы эти (принятые и не ими даже, а пресловутыми застойщиками), мол, настолько плохи что их не соблюдать, а переписывать надо, а с ними и судебную, административную, хозяйственную и десятки других систем.

Другое дело, что с конкретными делами особенно не спешили, такое в их задачу не входило: "гласность" - то от глагола "гласить" - желательно на весь мир, - а не от "делать". Но и конкретные результаты не замедлились, игра в покер превратилась в "игру в бисер", и стали отныне "первыми диссидентами" не те, кто за такие речи по тюрьмам и психушкам гнил, а сам генеральный секретарь со командой. А потом еще его "диссидентнее" стал бывший свердловский партхозяин Ельцин, при котором в Свердловске было посажено около десятка человек "политических", один из них, Валерий Морозов, так и погиб в заключении; снесен до основания "Ипатьевский дом", место последнего проживания и мученической смерти Императора и всей его семьи. Но сие обстоятельство не мешает, однако, сейчас Борису Николаевичу радеть об "интересах России и русского народа". А в последнее время - и генерал того самого ведомства, правда, вроде бы как "опальный". Уж не говорю о всенародных любимцах, Гдляне и Иванове, в защиту которых чуть ли не вся Россия забастовать грозилась. За кем большая "народная поддержка" - это еще посчитать надо, и боюсь, не в пользу демократической оппозиции счет подобьется...

А причина проигрыша предельно проста и банальна. Забыли милостиво приглашенные к зеленому сукну старое правило: хочешь

выиграть - не играй картами, что сданы и стасованы партнером, не вызывающим доверия по опыту прошлых игр. Проще - не играй чужой колодой за чужим столом. Не играй не в свои игры. Непременно проиграешь. И проигравшем своим шулеров еще сильнее сделаешь.

Вот и мыслится: а не получится ли так, что, выиграв несколько мест в Советах, не утратят ли окончательно демократы то, чем они по-настоящему сильны: народную поддержку? Ведь их партнерам-шулерам народ давно не верит.

А вот и первые, как говорится, ласточки. 30 сентября в Киеве состоялась демонстрация (по сведениям ДС-ИНФОРМ - от 50 до 100 тысяч человек). Были образованы областные стачечные комитеты. И среди требований участников не на последнем месте было и такое: распустить Верховный Совет Украины как не отражающий интересов народа, в противном случае будет предпринята политическая забастовка. Вот так. Мне лично известны несколько человек, с незапятнанным лагерным прошлым, победивших на выборах, депутатами этого Совета. Как чувствуют они себя сейчас, когда и им, в числе прочих депутатов, в народной поддержке публично и громогласно народом отказано? Не хотелось бы мне быть на их месте.

Что думают они - не знаю. Но вот несколько высказываний других лидеров оппозиции, после того как Верховный Совет, уже не Украины, а СССР, принял решение о передаче президенту "особых полномочий".

Георгий Хаценков (зам. председателя правления Демократической партии России): "Решение Верховного Совета СССР о передаче особых полномочий президенту антиконституционно". Не правда ли, заметна еще сохранившаяся привязанность мыслить в категориях "законно-незаконно". Как писала недавно Дора Штурман ("НПС", 2 окт. 1990): "СВОИ законы, хоть и неписанные, они всегда блюли". Трудно не согласиться.

Александр Огородников (председатель Христианско-демократического союза России): "Передача особых полномочий - событие печальное... Я не только против передачи Горбачеву особых полномочий, я - за роспуск Верховного Совета СССР и проведение выборов на многопартийной основе".

А вот что сказал более развернуто в своем интервью Владимир Буковский (интервью было взято А. Подрабинком 6 июля в Праге):

"Люди могут измениться: вчерашний член компартии может стать членом партии демократической, это не смертельно. Но есть нечто большее, есть структуры. Дело в том, что определенные идеологические постулаты просто зафиксированы в структурах, в неправильности этих структур, в традициях, а еще пуще того, в отношении к ним людей. (Выделено мной. - Н. Т.) Это уже не изменишь. Этот, казалось бы, незначительный фактор на самом деле больше, чем думают, - это фактор доверия... Так что ничего даже отдаленно напоминающего прежние структуры народ не воспримет... То же самое с Советами: хорошие есть там люди, замечательные люди... я отношусь к ним с большой симпатией, но я не могу примириться с мыслью о советской власти. Дело не в том, что я какой-нибудь дурной, узколобой, одноглазый; дело в том, что точно так же к этому будет относиться мужик в воронежском колхозе - не будет он воевать за Советы, нельзя такие вещи делать".

Пугающее слово "воевать" по контексту имеет смысл воевать не на баррикадах, не с оружием в руках.

Через некоторое время Владимир Буковский на прямой вопрос Подрабинка: "Как ты оцениваешь то, что многие бывшие диссиденты,

правозащитники 70-80-х годов, занимаются административной советской деятельностью — участвуют в работе Советов?" — тактично отвечает: "Это дело личное. Я бы не смог этого делать. У меня свои критерии". Но исходя из всего сказанного им выше, отношение В. Буковского к обсуждаемой проблеме достаточно ясно.

Я привел лишь несколько высказываний, можно было и продолжить. Но дело не в количестве, сколько — "за", сколько — "против". Дело в четком и ясном определении целей и задач. Это, несомненно, приведет к ясности и в выборе средств: что допустимо, что нежелательно, но в каких-то конкретных случаях все же возможно, а что неприемлемо вовсе.

Если задачи оппозиции рассчитаны на длительный срок духовного лидерства, если они не сиюминутны и не вызваны эйфорией от "выпавшего фарта", то не должно быть забыто и то обстоятельство, что, как правило, в случаях подобных "мезальянсов" наибольшая вероятность деградировать нравственно у той стороны, что эту нравственность пока имеет. Как говорилось в старой шутке — не может человек быть одновременно умным, честным и членом партии. Я бы сказал, что точно так же не может быть долго умным и честным человек, который принимает участие (неважно даже, голосует он "за" или "против") в принятии вышеперечисленных антидемократических, антинародных решений, который, волей-неволей, но имеет отношение к "благам", предоставляемым "народным избранникам" незаконной, замаравшей себя всеми возможными видами грязи власти. Взаимопроникновение психологий здесь обычно одностороннее.

Мне хочется вспомнить в этой связи позицию Александра Исаевича Солженицына, его ответ Председателю Совета министров Российской Федерации Ивану Силаеву. Последний, называя в своем письме писателя "великим сыном народа русского", приглашает его не с официальным визитом, не как российский премьер, а просто в гости, лично к нему, Ивану Силаеву, такому же (?) русскому человеку, и заканчивает письмо так: "Обновление России, возвращение к ее истинным человеческим и духовным ценностям — вот наша цель. Мы знаем, что это и Ваша цель". Вот как, вроде, все замечательно и красиво: чего делить, давайте "России послужим"! Солженицын в своем ответе, в самом его начале сообщает, что самого приглашения он не получал, но прочитал его в газетах, что невольно ставит под сомнение искренность приглашающего. А по сути письма отвечает так — за приглашение спасибо, "но — я не могу обгонять свои книги. Десятилетиями оклеветанный, я должен прежде стать понятым моим соотечественникам, и именно не в одной столице, но — в провинции, но в любом глухом углу". То есть, иначе говоря, писатель указывает, что сначала он должен быть не "почетным гостем" влиятельного чиновника, тем самым его влиятельность и значимость увеличивая, его и всех тех, кто за ним, но законным и желанным представителем той части своего народа, коей его мысли и чувства близки и понятны. Никакого другого "участия" даже в качестве просто гостя в пропагандистском шоу быть не может.

Александр Исаевич — писатель. Но думается, что и для деятелей политической оппозиции (а в России, как давно печально известно, любая оппозиция — "политическая") этот пример, с известной долей корректировки деталей, вполне приемлем и конструктивен.

Очень часто приходится слышать: участие оппозиции в Советах необходимо, потому что: 1) это предохраняет общество от оконча-

тельного хаоса и гражданской войны и 2) оппозиция, таким образом, приобретает так ей недостающий опыт "свободного парламента".

И тот и другой довод не слишком убедительны. Какой опыт, кроме опыта компромиссов - не тех, какие известны любому демократическому органу законодательной власти в его "борьбе" с властью исполнительной (как хотя бы происходит сейчас, когда Конгресс, Сенат США и Белый дом рассматривают проект государственного бюджета, ищут вариант, который бы устроил всех), а совсем других - как бы "и капитал приобрести, и невинность соблюсти"? Чтобы, пусть хоть и маленькую, совсем ничтожную, но все же какую-то власть (скорее ее подобие) не потерять, не оказаться среди коллег по "парламенту" в одиночестве, "генералом без армии", и демократический лик сохранить. Не оттого ли так тихи народные избранники от оппозиции в Верховном Совете?

А что касается гражданской войны... Во-первых, и поздно: уже идет. Не игрушечная - настоящая: с тысячами жертв, карательными "рейдами", артиллерией, танками и т. д. Пока, правда, региональная. Что больше всего могло бы приблизить общесоюзную вспышку, положить начало цепной реакции (если уже таковая не началась)? Да все то же: контроль аппаратчиков, - хотя они могут называть себя сегодня как угодно, совсем не обязательно "членами", но суть от этого не меняется, - над всеми системами управления государством. Ибо сейчас, пребывая по большей части в шоковом состоянии, они уже воистину "не ведают, что творят".

Коммунистическая власть агонизирует. Судорожные попытки спасти целое, контроль над обществом, отдав какую-то часть, - это путь, прямо ведущий к разжиганию в обществе злобы, недоверия, агрессивности. Хотя бы потому, что контроль так или иначе сохранить надолго не удастся. Не спасут и "чрезвычайные полномочия" президента (который, кстати, так легко их получив, не знает пока, куда их и применить - "чрезвычайно" по сути все вокруг, вот и палит растерянный Михаил Сергеевич из пушек по воробьям), ни введение военного положения по всей стране. Последнее и будет, в сущности, означать гражданскую войну.

Возможный выход из создавшейся ситуации видится, пожалуй, только в одном: в реальном устранении коммунистов (не физическом, спаси Бог, пускай живут!) от всех рычагов власти. А для этого неизбежно создавать, как было сказано выше, альтернативные общественные структуры, найти способы и формы сплочения и объединения оппозиции на приемлемой для всех платформе и не растерять свое дорогой ценой добытое богатство - народную поддержку.

Участвуя в затеянных коммунистическими лидерами играх, деятели оппозиции лишь продлевают агонию, которая так или иначе закончится, как говорят медики, - "exitus letalis".

Отравит ли издыхающее коммунистическое гнище своим гноем здоровые ткани общества, - а как много уже и отравило! - зависит, не в последнюю очередь, от того, как будет вести себя и что конкретно предпринимать оппозиция. Но только уж не стоит помогать чудищу тампонировать прорвавшиеся язвы и гнойники - здесь очень велика вероятность получить заразу в собственную кровь.

Какая милиция нам нужна?

Николай ПРИВАЛОВ

В условиях обострения революционной ситуации коррумпированная бюрократия и мафия продолжают саботировать перестройку, используя для этого все средства, вплоть до поощрения преступности. Рост преступлений и национальная вражда выгодны правым политическим силам (стоящим у власти пока вместе с центристами) и смыкающейся с ними мафии. Именно они хотят использовать условия хаоса, чтобы вернуться к политике "твердой руки".

Разложившаяся милиция оказалась неспособной противостоять этому натиску, и под давлением общественного мнения правительство спешно принимает пожарные меры, впрочем, не давшие пока никакого результата. Одной из таких мер стало создание "рабочей милиции": по рекомендации трудовых коллективов рабочие посылаются на несколько месяцев служить в отряды для поддержки кадровой милиции, с сохранением заработка и стажа по месту работы. Они носят особую полувоенную форму, подчиняются офицерам МВД и наделены довольно большими правами. Например, они имеют право входить в дома граждан, в помещения предприятий и организаций при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений или правонарушений, угрожающих общественному порядку или личной безопасности. О существовании статьи 55 Конституции СССР о неприкосновенности жилища при этом как будто забывают. Рабочая милиция действует и на территории предприятий. В целом она имеет почти все права кадровой милиции.

Не случайно воспользовались некоторые неформалы, увидев в этой организации зачатки штурмовых отрядов, наделенных большими правами в целях поддержания "общественного порядка" (что под этим понимать?), владеющих оружием и подчиненных офицерам МВД. Положение этих рабочих дружин настолько двусмысленно, что их можно использовать, в принципе, для любых целей. Стоит ли давать в руки бюрократии новое оружие для борьбы за свою шкуру и при этом (хотя это и не самое страшное) отрывать рабочих от их основной работы? Наверное, было бы лучше, если каждый будет заниматься своим делом.

Не углубляясь в критику существующих порядков в МВД (благо, этим занимаются и другие), предлагаю несколько существенных элементов милицейской реформы - и прежде всего в кадровом вопросе, ибо "кадры решают все..."

Система приема кандидата в органы МВД должна состоять из трех ступеней. Первая - это служба в "кандидатском" (или рабочем) отряде - взамен таинственной "рабочей милиции". После прохождения медицинской комиссии кандидат под руководством участковых или штатных руководителей в течение 2-4 месяцев используется в райотделе для патрульной, уголовно-розыскной и иной милицейской службы. Три месяца он может работать как дружинник, без отрыва

от основной работы, а четвертый месяц - уже как временный штатный сотрудник. При этом задача руководителя состоит в максимальном выявлении качеств кандидата - как положительных, так и отрицательных. После прохождения кандидатской службы руководитель дает своему подчиненному полную характеристику и рекомендует его либо на отчисление, либо на оперативную, патрульную или иную службу.

Затем наступает второй этап - сборы на три месяца в школу милиции. После обучения и получения новой деловой характеристики кандидат становится стажером - это уже третий этап (вместо сегодняшнего формального наставничества). В течение 6 месяцев он работает под личным руководством опытного офицера. После этого - опять аттестация и рекомендация на самостоятельную работу. Требования к кандидату должны быть жесткими. В ходе работы он должен проявить следующие качества: зрительную и слуховую память, физическую и моральную смелость, любознательность, воображение, находчивость, упорство, выносливость, энергичность, ум, тактичность, способность к систематизации, выразительность речи, трудолюбие.

Став кадровым работником, он обязан развить в себе еще целый ряд качеств: инициативность, бдительность, наблюдательность, быстроту реакции, самоуважение, способность концентрироваться, терпеливость, умение убеждать, организаторские способности, гибкость, принципиальность, выразительность письменной речи, способность быть руководимым, бодрость.

Особо следует отметить "социальную защищенность" (наличие необходимого уровня материального благосостояния для поддержания высокой работоспособности) и возраст работника милиции. Работать на улице - в патрульной службе, вневедомственной охране и т. д. - должны молодые люди в возрасте от 21 до 31 года. Начальник должен быть не моложе 32 лет. Необходимо снизить общий стаж службы с 25 до 20 лет, чтобы пенсионеры не засиживались в органах МВД. Разумеется, не все кандидаты могут быть такими. Отсюда - и большой отсев. Однако пусть будет меньше, но лучше.

Следует создать постоянно действующий механизм контроля органов МВД со стороны общества.

1. Медицинская аттестация производится периодически (через 6-12 месяцев), а не только в случаях поступления и увольнения с работы. Она должна включать в себя психологическое тестирование (что существует и сейчас). Особенно важно выявлять наркоманов и алкоголиков. Если принудительное лечение не приносит успеха, то следует увольнять из органов.

2. Перед включением в штат кандидата следует организовать собрание по месту его работы или жительства, чтобы они дали ему объективную характеристику (вместо формально проводимого сейчас опроса участковым).

3. В период прохождения службы коллектив, давший работнику рекомендацию (сейчас рекомендация может выдаваться и формально, например, председателем исполкома Совета) для работы в органах, должен периодически ходатайствовать о приглашении его на собрание коллектива для отчета, а в случае необходимости может ходатайствовать о его отзыве.

4. Население прямым, тайным и всеобщим голосованием должно выбирать участкового инспектора (как шерифов в США), начальников гор-райотделов, областного УВД и т. д. - вплоть до министра ВД и Генерального прокурора. Создать механизм отзыва избранных должностных лиц МВД. Исключить практику назначения (избрания) руководителями МВД лиц, не имеющих опыта хорошей практической работы в органах МВД. Например, замполитами становятся, как правило, бывшие работники исполкомов.

5. Существующую практику аттестации (через 12 месяцев) необходимо извинить от формализма, для чего использовать собрания общественности. Тогда не нужно будет проводить периодические формальные лекции для "отчета перед населением".

6. Участковый должен лично пройти по квартирам и раздать свои визитные карточки (которые сейчас валяются в кабинетах). У него, как и у начальника гор-райотдела, должны быть часы приема (о чем вывесить таблички на его участке).

7. Комиссии, прибывающие "сверху", должны проверять работу органов, не только в крупных городах, но и на периферии, где еще не ступала нога ревизора.

8. Контроль со стороны КПСС за кадрами следует ликвидировать. После отмены 6 ст. Конституции он представляет собой анахронизм. Сейчас же начальник милиции обязан по должности быть членом КПСС. Партийный контроль мы заменим общественным. А с возникновением многопартийной системы изживет себя и должность замполита. Номенклатурная система контроля начальников со стороны комиссаров (замполитов, парткомов, райкомов КПСС и т. д.), возникшая в 1919 году, будет благополучно похоронена вместе с останками "ума, чести и совести нашей эпохи". Идеологией будет заниматься секретарь партийной организации данного органа милиции (например, секретарь республиканской, демократической или еще какой партии - это зависит от количественного преобладания той или иной партии). Если они захотят, то он будет помимо своей основной зарплаты получать еще плату за идеологию - это их внутривнутрипартийное дело. Можно предложить и более радикальный вариант: вообще запретить работать в милиции и в армии членам каких-либо политических партий.

За работу с кандидатами и стажерами должен отвечать специальный работник гор-райотдела - помимо начальника отдела кадров, ведущего делопроизводство.

Возникает и щекотливый вопрос - о национальности милиционеров. Большинство, видимо, согласится, что участковым среди русского населения не может работать армянин, а среди армянского - русский. И дело тут вовсе не в национализме, а в незнании такими "работниками" не только национальной психологии населения, но и порой языка. К тому же такому милиционеру (как и солдату) легче приказывать стрелять в людей иной национальности.

Для поднятия боеспособности милиции табельное оружие следует предоставить в постоянное хранение под личную ответственность участковым и работникам угрозыска. Следует и упростить возможность его применения.

Для защиты личных интересов работников милиции необходимо создавать независимые профсоюзы. Это и поможет бороться с фаль-

шивыми больничными листами (так как плата за них пойдет в процентах, а не полностью, как сейчас).

Присоединяюсь также к предложению Б. Н. Ельцина о сокращении штатов КГБ (с ликвидацией IX управления), закрытии первых отделов на предприятиях и в организациях, отстранении КГБ от контроля за идеологией и слиянии КГБ и МВД для борьбы с мафией.

Все эти меры могут значительно улучшить кадровый состав МВД, поставят милицию и КГБ под строгий контроль общественности (что наиболее удобно при муниципальной принадлежности милиции) и повысить боеспособность и авторитет правоохранительных органов. Результатом может стать уменьшение уровня преступности и повышение раскрываемости преступлений.

ЭКОНОМИКА

Путь к равноправию

С. ПАЧИКОВ

За что не любят кооператоров

Кооператор – для русского слуха слово неблагозвучное и неприятное. Как, впрочем, и слово нэпман. Сравнение это не случайно: оправдывая появление кооперативов, чаще всего ссылались на опыт нэпа.

Многие стесняются того, что они работают в кооперативе. Я знаю одну девушку, работающую в программистском кооперативе. Ей очень нравится ее работа, ей нравятся коллеги, по ее словам, она уже много лет не работала с таким удовольствием. И дело не в кооперативной зарплате – она получает 250 рублей. Просто она работает в дружной команде. Но от своих родителей и старых знакомых она скрывает место своей работы. Говорит, что работает в программистской фирме, намекая на совместное предприятие.

Те депутаты и журналисты, которые защищают кооперативы публично, являют акты гражданского мужества и окружены ореолом инкомислия.

И дело не в том, что кооперативы сами создали себе плохую репутацию, занимаясь спекуляцией, перекачиванием безналичных в наличные и т. п. Впервые огромные цены на компьютеры (70.000 руб. безналичными) назначило совместное предприятие. Ни один директор не подписал бы договор на поставку кооперативом компьютера (или, как аккуратно пишут в договорах, "автоматизированного рабочего места на базе персонального компьютера") за 40 тысяч рублей, если бы не тот факт, что только что его коллега купил то же самое у

совместного предприятия за 70 тысяч. Важно было появиться прецеденту. А дальше пошло уже вполне самостоятельно.

Наши директора предпочитают покупать оборудование за валюту у совместных предприятий, даже если это дороже, чем у инофирм. И дело не только в неинформированности о конъюнктуре мирового рынка. Часто действует магия обаятельного советского директора, с которым можно говорить по-русски, и не обязательно в специальной, так называемой протокольной, комнате. И кроме того, предприятие, хоть и совместное, но советское, как иностранный партнер оно не воспринимается.

Я не хочу сейчас обсуждать (и, тем более, осуждать) попытки устанавливать на продукцию цены, уравнивающие спрос и предложение. Все это не так просто и очевидно в стране, в которой восемь тысяч различных денег. (Наличные, безналичные, валютные рубли всех категорий, переводные, деньги на кастроительство, деньги на соцкультбыт и т. д., и т. п. Все они называются рублями, хотя часто не только не равны друг другу, но даже коэффициент перевода между ними оценить трудно.) Финансовая система, подобная нашей, в состоянии развалить любую экономику в считанные годы. И только несметные природные богатства позволили нам так долго продержаться.

Совместные предприятия и все, что с ними связано, — это тоже предмет отдельного разговора. Пока я хочу обратить внимание на семантическую сторону вопроса.

Совместное — на слух — это нечто хорошее. Означает — делать что-то вместе, дружно. И что-то не слышно, чтобы общественное мнение в праведном гневе обличало совместные предприятия, обзывало их спекулянтами, требовало закрыть торгово-посреднические совместные предприятия и, сверх того, обложить их лютым налогом.

А кооперативное — что-то непмановское, кулацкое, жлобское. И тот факт, что слово "кооперация" в переводе означает сотрудничество, — не помогает. Оно одним своим звучанием вызывает классовую ненависть и желание поставить к стенке. Рэкет потому и развился с такой стремительностью, что у населения и милиции любой случай нападения на кооператоров вызывал злорадство. Я просто не понимаю, как рэкетеры до сих пор не додумались называть себя "экспроприаторами экспроприаторов".

И только когда преступный мир обратил внимание на журналистов, писателей, композиторов, работников посольств, спортсменов и детей крупных чиновников, привозящих из-за границы персональные компьютеры и продающих их кооперативам по цене от 50 до 150 тысяч рублей, а иногда и выше, то тут уж общественность наконец забила тревогу по поводу "обнаглевшего преступного мира".

Посмотрите, как кооперативы всячески избегают слова "кооператив" или, по крайней мере, пытаются его облагородить. Многие предпочитают аббревиатуры НТК (научно-технический кооператив, а можно подумать и "комплекс"), ТЭК (торгово-закупочный кооператив) или простенькое слово "фирма".

Не надо преуменьшать значение этой проблемы. Мы сильно отстающая в развитии великая держава, и у нас нет ни времени, ни возможности хоть в чем-то себя обманывать. Любой самообман приводит к выбору не наилучших целей и методов общественного и эко-

номического развития. Неосознанный и несправедливый общественный гнев – для нас непозволительная роскошь.

Прокрустово ложе кооперации

Кооператором быть не престижно, а сейчас и просто опасно. Но совсем не обязательно срочно менять терминологию и искать замену слову "кооператив". Достаточно избавиться от одного явного самообмана. Большая часть кооперативов кооперативами не является.

Есть такое занятие – предпринимательство. Такое же веселое и азартное – как занятие политикой. Очень долго нас лишали и того, и другого, более того, сажали за это в тюрьму. Перестройка всколыхнула все наше общество и у людей инициативных, предприимчивых создала ощущение (или – иллюзию?), что жить становится интересно, что они нужны, что пришло их время.

И вот одни устремились в политику: появились народные фронты, политические клубы, живые депутаты, фракции, предвыборные батальоны. А другие – с талантом предпринимателя, финансиста, организатора, менеджера – устремились в кооперацию, потому что главная отличительная черта предпринимателя – острое желание иметь свое собственное дело, а не жажда наживы, как принято считать. (Нет, я не собираюсь преуменьшать роль этого мотива, но хочу обратить внимание, что желание разбогатеть для предпринимателя не цель, а средство для расширения своего дела.)

Но кооперация – довольно тесное поле деятельности для предпринимателя. Кооперация – это одна из архаичных и периферийных форм экономической организации общества. По своей сути она гораздо ближе к индивидуальной трудовой деятельности. Кооператив – это "индивидуальная" трудовая деятельность группы людей. Отличает кооператив от артели только одно – регистрация в качестве юридического лица. Есть ли у членов кооператива собственные орудия производства или они арендуют их, в данном случае не важно.

Система взаимоотношений между владельцами предприятия (акционерами), наемными руководителями, служащими, рабочими более сложная и переплетенная, чем в кооперативе. Но именно это позволяет решать более сложные экономические задачи, более эффективно использовать возможности и особенности каждой личности, в результате добиваться большей производительности труда.

Эффективность экономической системы в целом зависит не только от эффективности труда каждого, но и от эффективности экономических связей, точности и адекватности внутренней организации. Никакой напряженный труд не заменит хорошей организации труда.

Кооперативы с их примитивной экономической идеей могут быть эффективны только на фоне нашей еще более неэффективной экономики, в основе которой лежит простое рассуждение – "сядем, все вперед посчитаем, и никаких проблем". Мне могут привести в пример кооперативы со сложной разветвленной структурой – но это уже не кооперативы. И как показывает кризис, наступивший во многих известных мне кооперативах, это несоответствие формы и содержания обходится дорого им – и, как следствие, обществу.

Принципиальное различие

Вкратце разница между кооперативами и предприятиями следующая:

1). Члены кооператива выступают как индивидуальный производитель, одновременно являясь и владельцами кооператива, и его работниками. Они обладают правом на долю в доходе и могут получить его, только если доход будет. Наемный труд в кооперативе не используется, а эпизодически привлекаемые по трудовому соглашению оплачиваются авансом в счет будущего дохода.

2). Владельцы предприятия обладают правом на долю в прибыли. Работники предприятия, даже если многие из них являются совладельцами, получают фиксированную заработную плату (повременную или сдельную) независимо от того, будет ли у предприятия доход или нет. Находятся ли орудия производства в полной собственности предприятия или они арендованы, не столь важно. Важно, кто юридически ими распоряжается.

3). В тех странах, где главный источник пополнения бюджета — налог на личные доходы, а корпоративный налог выполняет лишь регулирующую функцию, разница между налогообложением кооперативов и частных предприятий, в этом смысле, не существенна.

В этом месте полезно объяснить, что если акции конкретного предприятия продаются на свободном рынке (на бирже), то такие компании называются "публичными", а если фирма объявляет, что акции будут принадлежать только конкретным, поименно известным владельцам, то они называются "частными". В первом случае государство имеет право настаивать на более глубоком контроле финансовой и хозяйственной деятельности, на большем корпоративном налоге, так как затрагиваются интересы большого числа людей, а предприятие вступает в более тонкие и сложные связи с экономикой.

У нас в стране ситуация иная. Налоги на прибыль предприятий и налог с оборота являются основными источниками формирования бюджета. (Напомним, что налог с оборота возникает вследствие разницы между той ценой, по которой государство рассчитывает прибыль производителю, и той ценой, по которой этот же товар приобретает потребитель.) Поэтому любое перемещение средств из прибыли предприятия в фонд оплаты труда приводит к уменьшению доходов государства.

До недавнего времени это не имело решающего значения, так как предприятия были жестко повязаны фондом оплаты труда и штатным расписанием. С появлением кооперативов, совместных предприятий, большей экономической самостоятельности госпредприятий ситуация изменилась. Поступления в бюджет сократились. Точнее, они растут медленнее доходов населения.

Введение прогрессивного налогообложения, постепенное уменьшение корпоративного налога, соответственное увеличение заработной платы, а как следствие и поступлений налогов, было бы экономическим решением проблемы. Некоторые шаги в этом направлении сделаны. Вводится прогрессивное налогообложение (самое прогрессивное в мире!). Теперь важно осознать и аккуратно прийти к положению, при котором корпоративный налог начнет уменьшаться, стремясь выполнять только регулирующую функцию.

Признать неотвратимое

Таким образом, кооперативы и предприятия – принципиально разные экономические образования. Особенно в нашей стране, в условиях нашего принципа формирования бюджета и нашего налогообложения. Все попытки уравнивать кооперативы и предприятия в правах обречены на неудачу. Но можно сделать иное: признать, что большинство кооперативов – это обычные акционерные или, если хотите, частные предприятия, находящиеся в двусмысленном положении, внутренняя структура и логика их экономического функционирования старается напоминать нормальное акционерное предприятие, а все внешние атрибуты и правила взаимоотношения с экономикой, банками, партнерами этому противоречат.

Как, частные предприятия в нашей стране?! Да, они уже существуют. Я даже не имею в виду кооперативы. Они, формально, не имеют права на использование наемного труда. Я имею в виду совместные предприятия. Это обычные акционерные предприятия, в которых доля частного капитала может быть любой, руководить предприятием может иностранец, зарплата сотрудников не ограничивается размером. Единственное, что пока их отличает от нормального предприятия, – это дискриминация граждан той страны, в которой они функционируют, то есть нашей. Совладельцем совместного предприятия на территории СССР может быть любой гражданин любой страны – кроме нашей. Для этого ему достаточно за пару сотен долларов (фунтов стерлингов, левов, форинтов, марок, юаней, иен) зарегистрировать себя в своей стране или в любой другой в качестве фирмы, которая и выступит зарубежным партнером совместного предприятия. Затем приехать в Советский Союз, подписать Договор и Устав с любым советским предприятием, кооперативом или общественной организацией, зарегистрироваться в Минфине в качестве юридического лица, открыть счета и начать хозяйственную деятельность. Например, ту же самую, за которую все кидаются на кооперативы: посредническую, торгово-закупочную, гостиничную, производственную и прочую.

Чтобы стать в любой западной стране предпринимателем (капиталистом), совсем не обязательно обладать своим собственным начальным капиталом. Я знаю одного молодого американского бизнесмена, который решил организовать совместное предприятие, но для этого требовалось вложить полмиллиона долларов. Он зарегистрировал свою собственную фирму – в США это стоит 200 долларов, – назначил себя ее президентом, подписал все учредительные документы с советским партнером, а затем, когда подошло время переводить деньги, нашел покупателя, – так называемый венчурный капитал, – которому за полмиллиона долларов продал 40% своей американской фирмы. Советский партнер этого и не заметил. С юридической точки зрения ничего не изменилось. Для него партнер – американская фирма как юридическое лицо, а не конкретные акционеры этой фирмы. Никакого жульничества здесь нет. Покупатель очень доволен, так как он купил половину фирмы, которая является участником уже существующего совместного предприятия, организация которого заняла год и которое, к моменту заключения этой сделки, уже существовало и функционировало. Все это стоит денег.

На мой взгляд, трудности с налогообложением советских кооперативов вызваны попыткой сделать корпоративный налог больше, чем налог на личные доходы. Главное в системе налогообложения - поставить производителя перед выбором: либо он забирает большую часть дохода себе на личное потребление, но тогда делится с государством, выплачивая прогрессивный налог, либо вкладывает деньги в расширение производства, то есть в экономику, но для этого корпоративный налог должен быть таким, чтобы ему это было выгодно. И речь не только о кооператорах. На мой взгляд, это одна из главных причин неэффективности предприятий, принадлежащих государству (но, к сожалению, не единственная).

Что же касается кооперативов, то как только будет разрешено организовывать собственные и акционерные фирмы, большая часть кооперативов исчезнет, превратившись в нормальные акционерные предприятия.

И это никак не помешает нашему желанию быть страной социалистической. Ибо, перефразируя известное выражение, социализм - это строй цивилизованных предпринимателей и акционеров. Швеция, Швейцария и многие другие социал-демократические государства тому яркий пример.

Существует мнение, что капитализм и социализм - это антонимы. По-моему, это заблуждение. Капитализм - это одна из форм хозяйствования, форм организации экономических связей. Социализм же - одна из форм общественного устройства.

Капитализм - это равноправие всех форм собственности. Антоним капитализму - примат государственной собственности и централизованного руководства и планирования экономикой.

Социализм - это вековая мечта человечества о справедливом устройстве общества. Исторически так сложилось, что достижение этой цели видели в организации экономики. И только история XX века показала, что организация общественного устройства на основе развитой парламентской демократии - фактически единственный путь к социализму.

"Необходимым условием, гарантирующим самостоятельное развитие производительных сил, остается при этом *свобода хозяйственной инициативы*. Эта свобода рождает *соревнование* (конкуренцию), стимулирующее творческий поиск. Хозяйственное соревнование само по себе - естественное и здоровое явление, и дело государственной власти следить лишь за тем, чтобы оно не вело к хищнической эксплуатации человека и природы.

Хозяйственная деятельность есть не только личное дело предпринимателя, но и *ответственное служение*. В новой России каждое хозяйственное предприятие, - государственное, общественное или частное, - есть ответственное хозяйство."

(Программа НТС, 1974 г., глава 19)

Условия реальной реформы

Б. ПУШКАРЕВ

Началась "перестройка" пять лет тому назад с лозунга "ускорение"; в те дни имелось ввиду ускорение работы командно-административной системы, а не ускорение ее демонтажа. Плана реальных реформ, сознания неизбежности перехода к рынку, на верхах не было: все сводилось к принципу "как изменить чтобы ничего не менять": машиностроение усилить, производство спиртного сократить...

Лишь 1987 год привел к концепции "умеренной реформы": расширение хозрасчета и самостоятельности предприятий - в рамках административно-плановой системы. Но вместо ускорения эти меры повели к развалу народного хозяйства, что, в свою очередь, повлекло за собой карательные налоги на кооперативы и прочие меры зажима независимой хозяйственной деятельности, как будто бы в ней корень зла. В результате за последние пять лет страна, в экономическом плане, была отброшена на много лет назад, возможность постепенной, упорядоченной подготовки перехода к рынку (а за пять лет много можно было сделать!) утрачена.

Мы предупреждали...

В апреле 1982 года, в документе НТС "Основы обновления народного хозяйства" ("Посев" № 4, 1982), на основании опыта предыдущих советских и венгерских реформ, говорилось:

"Опыт неудавшихся реформ свидетельствует о том, что существует объективный минимум децентрализации хозяйства, без которого рынок не только не заведется, но и даст результат, прямо противоположный ожидаемому". При этом "децентрализация власти контрпродуктивна, пока цены не начнут толкать директоров на решения, оптимальные с точки зрения общества в целом."

"Во всех странах советского блока коренные недостатки в системе цен не позволили достичь целей, к которым стремились авторы реформ"

"Введение лишь элементов рынка в директивную экономику противоречит ее внутренней логике и затрудняет, а не улучшает ее работу. Чтобы быть успешной, реформа должна быть радикальной, она должна установить внутренние последовательные, полностью рыночные отношения как потребителей с производителями, так и между самими производителями".

В последнее время произошло именно то, против чего предостерегал документ НТС 1982 года: административная, плановая дисциплина в центре была ослаблена, но не была заменена ничем; на ее место не стала ни дисциплина прибыли, ни конкуренция, ни угрозы банкротства. В результате - предсказуемый хаос, распад командно-административной системы на удельные княжества, споры о том, кому "подчиняются" предприятия, отказы одной области поставлять продукцию в другие. С точки зрения рынка все это полный абсурд: выступающее на рынке предприятие не может "подчиняться" никому, кроме потребителя своей продукции, которого оно ищет, не взирая на гео-

графические границы. Тем не менее, сторонники прежних порядков ухитряются выставлять виновником хаоса не себя, а рынок, чтобы опорочить саму идею реформ.

А если не так, то как?

Документ НТС 1982 года продолжал:

"Естественно, что такая коренная перестройка, по принципу - все необходимые для деятельности рынка изменения проводятся сразу - немыслима в масштабах всего советского народного хозяйства. /.../ Нарушая сложившиеся связи и отношения, любая реформа может вызвать временный спад производства. Если же такой спад произойдет в масштабах всего народного хозяйства, то он для инициаторов радикальной реформы может оказаться катастрофическим.

Кроме того, нельзя забывать, что необходимые для работы рыночного хозяйства институты в стране были ликвидированы шесть с лишним десятков лет тому назад. Современное рыночное хозяйство - не базар. Оно покоится на сложной системе отношений между торговыми, финансовыми, страховыми, исследовательскими и иными учреждениями, создание которых требует времени. Если же вводить рыночные отношения в рамках всего народного хозяйства постепенно, то мы неизбежно возвращаемся к проблеме половинчатых реформ".

"Предлагаемое решение заключается в создании еще при жизни экономики директивной параллельного рыночного хозяйства в относительно небольших поначалу масштабах. Этот рыночный сектор должен быть представлен группами взаимосвязанных предприятий, охватывающих по возможности все стадии производства, от добычи сырья до продажи товара потребителю. Такой подход делает возможным самообеспечение рыночного сектора и сводит к минимуму его контакты с сектором директивным."

"Конечная цель реформы - рыночные отношения в масштабах всего народного хозяйства и поэтому предлагаемый вариант предполагает более или менее длительный период, который позволит наладить работу необходимых рыночному сектору финансовых и торговых учреждений, привлечь кадры и наладить отношения с государственными ведомствами, в том числе специально для него созданными".

Затем документ 1982 года уточняет, какими именно правами рыночные предприятия должны обладать, как определять очередность перевода предприятий в рыночный сектор, какие последствия этот перевод может иметь, как с ними справляться и как подходить к вопросу о собственности. К ряду этих вопросов мы еще вернемся.

Последовательность перемен.

Когда НТС писал свой экономический документ, можно было полагать, что реформы народного хозяйства столь насущны, что они последуют в первую очередь: государство-партия в первую очередь вынуждено будет отказаться от хозяйственной монополии, а потом уже от монополий на информацию и на политическую власть. При этом было ясно, что "реформа потребует твердого волевого начала, так как встретит сопротивление тех групп населения, надобность в услугах которых будет отпадать по мере укрепления рыночных отношений". В дальнейшем "либерализация хозяйства существенно облегчит задачу демократизации общества в целом".

На самом же деле произошло иначе. Разговоры о реформе начались с экономики ("ускорение"), но остались разговорами. Государство-партия первым делом (частично) отказалось от монополии

на информацию, чтобы через "гласность" получить поддержку независимой общественности. Затем партия отказалась от международной экспансии и от защиты "завоеваний социализма" военной силой, чтобы получить кредит доверия во внешнем мире. Потом — пусть отчасти лишь формально — поступилась монополией на политическую власть, смирившись с возникновением многопартийной системы. И только в последнюю очередь, на шестом году правления Горбачева, всерьез стал вопрос о переходе к рынку.

Что это означает? Повидимому то, что материальная заинтересованность правящего слоя в сохранении государственной монополии на экономику оказалась куда сильнее, чем заинтересованность в сохранении идеологии и даже формальной политической власти. Возможность с позиций монополиста запустить руку в народный карман оказалась самой сильной скрепой режима; так своеобразно "восторжествовал" марксизм.

В политологии есть такой принцип: политики никогда не принимают факультативных решений. То есть, если какое-либо решение все-таки лишь желательно, оно не принимается. Принимается лишь то решение, от которого никак и никуда не уйти. Будучи политиком по призванию, Горбачев верно следовал этому принципу.

При этом, инициатива коренных изменений во внешней политике исходила от него — за это его на Западе так и полюбили. Что же касается коренных реформ в народном хозяйстве, то их инициатива исходила от независимой общественности, от специалистов. Горбачев к ней относился настороженно и неоднократно ее тормозил, лаңсировав, в частности, пресловутую "программу Рыжкова-Абалкина", отодвигавшую рыночные отношения в неопределенное будущее. Лишь почти единогласное принятие Верховным Советом Российской республики ускоренной программы реформ Шаталина-Явлинского 11 сентября вынудило его пойти на уступки.

Сопротивление реформам продолжается...

Тем не менее, позиция его остается сугубо двойственной: он вставил палку в колеса своей идеей референдума о частном владении землей и то и дело стремится одной рукой дать, другой взять. Чего стоит один президентский указ от 4 октября который, с одной стороны, требует перехода на договорные цены в оптовой торговле — шаг насущно необходимый — а с другой, обещает конфисковать всю прибыль от этой торговли, если она превысит некую государственную норму. Спрашивается: какой толк от договорных цен, если они не дают возможности заработать? Указ говорит, что это делается для "предотвращения необоснованного роста общего уровня цен", то есть для борьбы с инфляцией. Но для этой цели предназначены совершенно иные средства, а именно регулирование совокупного объема денежной массы, с которым у нынешнего правительства дела обстоят очень слабо. В исключительных случаях, особые налоги на то, что считалось "сверхприбылью", практиковались и в западных странах, но именно налоги, а не конфискация всей прибыли сверх директивно установленной нормы...

Против ускорения реформ были выдвинуты новые аргументы: нельзя, мол, их проводить без полного общественного согласия и восстановления порядка и дисциплины в стране. Что касается согласия,

то оно, пока что, в значительной мере налицо - в самом принципе перехода к рынку. Но нельзя его ждать в деталях и нельзя ждать, что оно останется, когда скажутся отрицательные стороны намеченных мероприятий. Следует вспомнить, что целый ряд успешных рыночных реформ - в послевоенной Германии и Японии, в Чили Пиночета - проводился путем вовсе недемократическим. И не даром документ НТС 1982 года писал о "твердом волевом начале". Что касается порядка и дисциплины, то время, когда реформу можно было проводить понемногу и упорядоченно - безвозвратно упущено. Теперь ее придется проводить в условиях разрухи - от этого никуда не уйти.

Ситуация в стране настолько бурная и сложная, любой план реформ - "500 дней" в РСФСР, "компромисс", представленный Горбачевым в Верховный Совет СССР 16 октября, - неизбежно претерпит изменения. Поэтому мы ограничимся лишь несколькими главными принципами, важнейшими критериями их оценки. По ходу событий, читатель сам сможет применять эти критерии и на этом основании оценивать предстоящие мероприятия.

Как оценивать предстоящие реформы.

Вопрос денег.

Материальная заинтересованность не может возникнуть, пока деньги "деревянные", мало чего стоят. И никто их не будет инвестировать, если цена их падает на глазах. Будут стремиться лишь к быстрой прибыли. Потому стабилизация рубля - в самом деле вопрос первоочередный. Удивительно лишь, что о ней всерьез начали думать только сейчас.

Что означает стабилизация рубля?

Прекращение выдачи государством "бесплатных денег" предприятиям. Быстрое развитие начатой создаваться сети независимых, коммерческих банков, выдающих ссуды под реальный процент, то есть такой, который выше инфляции.

Оставление за Госбанком единственной функции - центрального резервного банка, который выдает ссуды коммерческим банкам и этим регулирует объем денежного обращения в стране. До сих пор у нас такого регулирующего механизма не было, деньги печатались бесконтрольно. Центральный банк, подобно Верховному суду, не должен подчиняться никому - ни правительству, ни парламенту, хотя он, конечно, должен быть им подотчетен. В противном случае начнется вмешательство политиков в вопросы денежного рынка, а оно, как показал западный опыт, приводит к плачевным результатам.

Ликвидация дефицита государственного бюджета. Это, пожалуй, самый твердый "орешек", но возможности здесь есть, и они широко обсуждаются в прессе: сокращение расходов на КГБ, армию и иностранную помощь; прекращение дотаций и производственных капиталовложений со стороны государства (если незавершенное предприятие потенциально может принести прибыль, в его финансировании будет заинтересован коммерческий банк; если нет, то и достраивать его не нужно). Помочь ликвидировать дефицит госбюджета сможет продажа населению государственного имущества, о чем ниже.

Вопрос цен.

Это - центральный вопрос реформы. Здесь важно четко видеть конечную цель: все цены должны в конце концов стать договорными,

основанными на свободном соглашении продавца и покупателя в условиях полной конкуренции и возможно полной информированности договаривающихся сторон. Все цены – значит не только розничные цены на товары и услуги, но и оптовые, равно как и цены на землю, на капитальное оборудование, на деньги, на труд, на предпринимательский талант.

Только последовательная система договорных цен на все эти "факторы производства" даст правильные ориентиры для распределения ресурсов в стране, укажет предприятиям, что, как и где наиболее эффективно производить и в каком количестве. Только последовательно рыночные, договорные цены могут ликвидировать хронический дефицит, бесхозяйственную растрату природных и трудовых ресурсов и заинтересовать предприятия в модернизации и техническом прогрессе.

Другое дело, что невозможно все цены отрегулировать сразу. Если следовать концепции документа НТС 1982 года, то на время переходного периода в стране будут сосуществовать две системы цен, договорные и директивные. В какой-то мере договорные цены на розничном рынке всегда присутствовали в советском народном хозяйстве, но они никогда не были "чистыми". Они искажались всевозможными ограничениями правительства, невозможностью купить собственное капитальное оборудование на рынке, необходимостью давать взятки или воровать сырье.

Если же следовать концепции взаимосвязанных рыночных предприятий на всех уровнях производства и сбыта, то эти искажения отпадут. Да, цены в рыночном секторе будут поначалу высокие, но по мере расширения рыночного сектора и усиления конкуренции они будут падать. Пока этого не произойдет, малообеспеченные слои населения смогут по-прежнему покупать самое необходимое по государственным ценам.

Возможны, конечно, и другие варианты регулирования цен, – допустим, по группам товаров, как предлагает программа Шаталина-Явлинского. В первую очередь снимается контроль с товаров первой необходимости. Но цены эти не будут последовательными и не будут давать правильных ориентиров распределения ресурсов, пока не будет освобождена от контроля вся цепочка цен на комплектующие, полуфабрикаты, сырье, на труд, на землю, на капитал. В любом случае очевидно, что одни лишь манипуляции государственными, директивными ценами никакого отношения к рынку не имеют.

Вопрос собственности.

Горбачев в своей речи 17 сентября в качестве "центральной задачи" реформ выдвинул "многообразие форм собственности" и "смешанную экономику, в которой как равноправные субъекты будут действовать государственные и акционерные предприятия, кооперативы и предприятия, работающие на арендных началах. Также в определенных масштабах и частные предприятия". Опуская реверанс в сторону "стагнатов", где он эту задачу оправдал интересами социализма и преодолением "отчуждения" по-Марксу, слова эти напоминают Программу НТС 1974 года, где сказано:

"Соответственно видам собственности, народное хозяйство делится на три сектора: государственный, общественный и частный. Они взаимно связаны, что создает предпосылки для возникновения предприятий смешанного характера".

Но если в принципе здесь как будто бы разногласий нет, то осуществление этого принципа заслуживает комментариев. Прежде всего, сегодня в СССР различные виды собственности отнюдь не равноправны: кооперативы и частники повязаны уймой ограничений, для снятия которых потребуется большая юридическая работа, включая изменение Уголовного кодекса (см. документ НТС "Основы перехода к правовому государству", "Посев" №№ 5- 6, 1984). В частности, реформа Шаталина-Явлинского предусматривает снятие всех юридических ограничений на предпринимательскую деятельность как первоочередную меру. Одна эта мера, если она будет последовательно проведена, будет иметь сильный положительный эффект.

В парламентских дискуссиях и в печати остро стоит вопрос разгосударствления или приватизации. Кое что нам представляется бесспорным. Да, все квартиры надо, за символическую плату, передать в собственность живущих в них. Это сделает людей владельцами, создаст рынок недвижимого имущества и, вместе с отменой прописки, обеспечит подвижность рабочей силы.

Да, колхозы и совхозы должны стать независимыми предприятиями, владеющими своей землей, и быть обязанными выделять желающим выйти из них крестьянам причитающиеся наделы. Но не следует предаваться иллюзии, что одни лишь частные фермы спасут положение в сельском хозяйстве. В Польше частный сектор в сельском хозяйстве оставался весьма значительным во все годы коммунистического правления, но очевидных преимуществ по сравнению с другими странами соцблока это польскому сельскому хозяйству не дало. Решающими для всех видов собственности в сельском хозяйстве будут не формы собственности, а рычаги рыночных цен: оптовая торговля, заинтересованная в том, чтобы все собранное зерно в хорошем виде было доставлено потребителю; система торговли сельскохозяйственным оборудованием, удобрениями, стройматериалами, заинтересованная в том, чтобы хозяйства купили все то, что им требуется; сельские хозяйства, обладающие свободой самим решать, что им сеять и в каком объеме; самим заключать договоры с поставщиками и покупателями; самим решать вопросы о найме и увольнении, устанавливая заработную плату из своей выручки; самим решать вопросы о капиталовложениях и модернизации производства, занимая для этих целей деньги в банке.

Подобное же можно сказать и о промышленности и торговле. Да, естественно, что мелкие предприятия - допустим, с числом работников менее 200 человек (их примерно половина, 20 тысяч из общего числа 40 тысяч) - можно сравнительно быстро передать в аренду или продать с торгов рабочим коллективам, кооперативам, обществам или частным владельцам. В первую очередь надо начинать с тех мелких предприятий, которые ориентированы на потребителя и сразу почувствуют, как он голосует рублем. Эти мелкие предприятия играют незаменимую роль в хозяйстве, но по общему объему продукции не они делают погоду в современной экономике. Не они выпускают автомобили, телевизоры и прочие предметы массового потребления. Сравнительно простая приватизация мелких предприятий не решает вопроса: что делать с крупнейшими? Польша дальше всех продвинулась в процессе превращения их в акционерные общества, но вопрос упирается не только в отсутствие у населения акционерного капитала и элементарной информации о том, паи какого, собственно, предприятия оно приобретает (перспективного? или обреченного на

банкротство?), но и в то, кто этим предприятием будет руководить. Налицо возможность, что руководителями – а то и владельцами – станут все те же "партийно-мафиозные структуры".

Учитывая множество наших забот, в российских условиях надо ставить приватизацию крупнейших предприятий как конечную задачу, но с выполнением ее можно не торопиться. Важно, чтобы эти предприятия начали работать на рыночных, а не директивных началах, без дотаций и государственных капиталовложений, не подчиняясь никаким ведомствам. Крупные коммерческие фирмы, владельцем которых является государство, сравнительно успешно действуют во Франции, Италии, Канаде и других странах, которые не пошли по британскому пути приватизации.

Решающим в работе любого предприятия является процесс принятия решений: принимаются ли они на местах – или в центре? Направляются ли они сигналами рынка – или директивами? И кто принимает решения? Права собственности, сами по себе, мало о чем говорят. Они могут означать почти полный контроль над предметом собственности – или почти никакого. Отрыв принятия решений, находящегося в руках директоров-профессионалов, от формального владения множеством акционеров характерен для многих крупных предприятий на Западе.

Вопрос налогов.

Если с государства снимается задача ведения народного хозяйства, то оно не сможет больше присваивать себе отчисления от прибыли предприятий и торговых монополий, и должно будет отказаться от искажающего систему цен налога с оборота. С другой стороны, перед ним станут новые задачи социального обеспечения, которое сегодня, во-первых, мизерно, а во-вторых, маскируется в виде ненужной работы на убыточных предприятиях. Ясно, что на нынешние прямые налоги с населения (8% приходного бюджета) оно существовать не сможет. Необходима новая налоговая система, опирающаяся на равномерный для всех граждан и предприятий подоходный налог (порядка 15 – 30% дохода или прибыли, в зависимости от их уровня). Конечно, учитывая привитую 73 годами "социализма" привычку обманывать враждебное себе государство, проблема налоговой дисциплины – не тривиальна. Подоходные налоги принято считать наиболее справедливыми, но их сравнительно легко обходить всем, кто не получает твердой зарплаты. В какой-то форме, косвенные налоги потому должны остаться, например, по аналогии с применяемым в Европейском сообществе "налоге с добавленной стоимости".

Кроме того, чтобы обеспечить местным самоуправлениям реальную независимость от центрального правительства, им необходимо иметь свои собственные источники налоговых поступлений. Учитывая идущий сейчас пересмотр отношений между республиками и центральным правительством, в стране, по-видимому, сложится трехярусная система налогов: местного, республиканского и всесоюзного уровня, отчасти на манер США. Она может показаться сложной, но зато она дает налогоплательщику точную картину того, какой правительственный уровень с него сколько берет.

Вопрос социального обеспечения.

Переход на рыночные рельсы вызовет сокращение рабочей силы на многих предприятиях и закрытие убыточных. Поэтому требуется не

только созданы бирж труда и страхования по безработице, но, в первую очередь, системы переквалификации, которая поможет людям получить знания и навыки, пользующиеся спросом в рыночных условиях: в торговле, в сфере обслуживания, в финансах, в юриспруденции. Встанет проблема недопустимо низких пенсий и отсталого медицинского обслуживания. Решение всех этих вопросов – не из дешевых. В государствах с развитым рыночным хозяйством на социальные и медицинские нужды тратится добрая половина бюджета.

Но медицинское и пенсионное обеспечение использует не одни государственные каналы. Добровольные страховые взносы рабочих, служащих и предпринимателей представляют собой существенный источник накопления капитала. Страховые предприятия – частные, общественные и государственные – вкладывают этот капитал в акции и облигации, помогая таким образом финансировать рост народного хозяйства. Подобный источник накопления капитала необходимо будет создать и у нас.

Новое трудовое законодательство.

Свобода ценообразования предполагает свободу наемного труда и установление заработной платы свободным договором. Договор этот может быть индивидуальным, если множество мелких предприятий конкурируют между собой, чтобы привлечь нужную им рабочую силу. Но если на рынке труда начинает господствовать несколько крупных предприятий, способных диктовать условия найма, то их власть необходимо уравновесить организованной властью независимых профсоюзов. Забастовки лета 1989 года положили у нас начало возрождению независимого рабочего движения. Отношения новых профсоюзов с предприятиями, способ заключения коллективных договоров, способы решения трудовых конфликтов путем арбитража, а в случае необходимости и стачек, должны найти свое отражение в новом законодательстве.

Заключение

Итак, рыночные реформы – это не просто отмена государственных цен и разрешение свободной торговли. Это – создание новой системы общественных институтов, охватывающих все стороны жизни. Перечислив лишь шесть ключевых вопросов, мы даже не коснулись смежных вопросов государственной структуры, местного самоуправления, народного образования, охраны окружающей среды. Не коснулись и частных вопросов, таких, как пресловутая конвертируемость рубля (а злотый – то уже конвертируем!), обеспечения экономики реальными статистическими данными, создания юридической основы отношений предприятий между собой. Не коснулись и вопросов физической инфраструктуры, необходимой для развития рыночного хозяйства: развития надежной телефонной сети, расширения аэропортов и гостиниц, реконструкции железнодорожного транспорта и строительства шоссежных дорог, особенно в сельских местностях.

Да, "500 дней" могут положить начало. Но впереди длинный путь восстановления. И не в последнюю очередь, – человеческих отношений, на которых зиждется хозяйство, и которые коммунизм разрушал 70 лет.

"Круглый стол"

авторов "Посева", обсуждающих работу

А. И. Солженицына "Как нам обустроить Россию"

Статья А. И. Солженицына "Как нам обустроить Россию" вызвала и, безусловно, еще вызовет поток статей, дискуссий, писем, споров, реплик и т. п. Причины понятны. Ведь речь идет не только о всемирно известном писателе, лауреате Нобелевской премии по литературе, политическом изгнаннике из своей страны. Огромный и непрерывно растущий авторитет Солженицына покоится главным образом на том, что писатель никогда не шел на сделки и даже мелкие компромиссы с коммунистическими властями, всегда, в течение уже почти тридцати лет, он открыто и принципиально отстаивает свои убеждения. И время доказывает его правоту. Авторитет А. И. Солженицына чрезвычайно высок еще и потому, что всему миру известно его исключительное трудолюбие и верность принятому на себя долгу. Такого иступленного трудолюбия наша отечественная литература не знала уже давно, а может быть, и никогда. Но, пожалуй, особенно ценят писателя на его родине за преданную любовь к своей стране и боль за нее. Не чувствовать этого нельзя.

Не секрет, что на Солженицына уже давно оказывалось давление: отставить на время "Красное колесо" и высказаться по сегодняшним проблемам нашей страны. Подобные предложения шли к нему и из России, и из эмиграции. Не скроем, что наш журнал тоже был в числе "заказчиков". События в России идут исключительно быстро, и нам представляется, что было бы лучше, если бы эта работа А. И. появилась хотя бы год назад. Ее влияние на ход событий могло бы стать большим. Но она отнюдь не устарела и сегодня. Глубина и разнохарактерность поднимаемых проблем, смелость их постановки, искренняя заинтересованность — все это безусловно делает брошюру Солженицына еще долгим предметом обсуждения.

Этим номером "Посева" мы открываем новую рубрику — по названию работы Солженицына. Не сомневаемся, что наши постоянные авторы примут активное участие в ее обсуждении. Ибо сформулированный А. И. заголовок — это постоянная проблематика вот уже двух поколений посевских авторов. А сегодня она особенно актуальна.

В публикуемых ниже материалах "Круглого стола" по работе А. И. Солженицына "Как нам обустроить Россию" приняли участие: первый редактор "Посева", председатель Совета НТС Е. Р. Романов, многолетний автор журнальных статей и книг, вышедших в издательстве "Посев", Р. Н. Редлих, авторы, члены редколлегии и представители "Посева" в России, бывшие политические заключенные В. А. Сендеров (Москва) и Р. Б. Евдокимов (Петербург), главный редактор журнала "Посев" А. М. Югов.

А. Югов. Новая общественно-политическая брошюра А. И. Солженицына "Как нам обустроить Россию" издана в стране многомиллионным тиражом. В этом видится характерное знамение времени, так как предыдущие статьи, публицистические сборники и книги Нобелевского лауреата издавались в эмиграции и распространялись среди советских людей нелегально, с огромным трудом. Сейчас же с мыслями А. И. Солженицына о будущем страны смогут ознакомиться люди во всех ее глухих уголках.

Даже на фоне сегодняшних больших событий и перемен новая работа А. И. мне представляется какой-то вехой в нашем общественно-политическом развитии - и по содержанию, охватывающему главные большие вопросы современной России, и ввиду той особой роли, которую Солженицын занял в нашей жизни, в жизни нашей страны за последние десятилетия.

На страницы нашего журнала имя Солженицына вошло сразу же после опубликования "Одного дня Ивана Денисовича". В ноябре 1962 года эта повесть появилась на страницах "Нового мира", а уже в декабре "Посев", тогда еженедельник, отреагировал большой статьей Е. И. Гаранина; заголовком статьи были взяты слова писателя Григория Бакланова: "Повесть, после которой писать по-старому нельзя". Как бы прозревая будущее, Евгений Гаранин оценивал "Ивана Денисовича" не только как "хорошую, талантливую вещь, созданную рукой мастера", но и как "значительное политическое явление". Он писал тогда:

"Нашелся мужественный человек и рассказал правду о жизни в советских концлагерях, не бывших партийных вельмож, а рядовых советских граждан, больше и горше всего испытавших на себе страшный гнет сталинщины. Пусть рассказана еще не вся правда, другие ее доскажут. Но уже теперь о том, что творилось в местах заключения, люди будут говорить во весь голос. В этом большое, но не единственное политическое значение повести "Один день Ивана Денисовича". Написав ее, автор совершил подвиг мужества и обогатил нашу литературу. Спасибо ему за это".

А затем редко бывал месяц, когда на страницах "Посева" не появлялось произведений Солженицына или связанных с его именем политических событий. И так продолжается по сегодняшний день. Можно это назвать почти "тридцатилетней войной", войной с коммунистическим режимом и его бесчеловечной идеологией, которую "Посев" и Солженицын ведут бок о бок в одном строю. Публикаций, посвященных Солженицыну и его произведениям, в "Посеве" было так много, что в период с 1969 по 1976 год журнал ввел специальную рубрику "А. И. Солженицын" - факт довольно редкий в практике общественно-политических журналов.

Произведения Солженицына за рубежом впервые появились в журнале "Грани". Затем издательство "Посев" выпустило шеститомник произведений Солженицына, выпустило в те годы, когда ни одно издательство, ни советское, ни зарубежное, произведений Солженицына не издавало. Качество издания было высоко оценено самим автором.

Сегодняшнее обсуждение - далеко не первое, которое журнал "Посев" проводит по произведениям Солженицына. В 1974 году наш журнал поместил 9 статей в цикле "Обсуждаем «Письмо к вождям»

А. И. Солженицына". На сборник "Из-под глыб" в 1975 году "Посев" откликнулся четырьмя капитальными статьями таких авторов, как С. А. Левицкий, Р. Н. Редлих, А. Д. Сахаров, о. К. Фотиев. И каждое значительное выступление или пресс-конференция А. И. подробно излагались и комментировались нашими авторами.

В книге небезызвестного Н. Н. Яковлева "ЦРУ против СССР", неоднократно переиздававшейся чуть ли не миллионным тиражом, А. И. Солженицыну посвящена специальная глава. В ней историк-гебист пытался доказать, что Солженицын — не что иное, как ставленник НТС, продукт солидаристических идей. Яковлев приводил для сравнения цитаты параллельными колонками, желая убедить читателей в том, что Солженицын, собственно, повторяет программные положения НТС. Разумеется, это носило провокационный характер. С одной стороны, ГБ намеревалось принизить писателя, показать, что он всего лишь рупор антисоветской зарубежной политической организации. А с другой стороны, — вбить клин между Солженицыным и НТС, в надежде, что писатель будет вынужден доказывать, что он ничего общего с этой организацией не имеет. Надежды ГБ оказались тщетными, провокация не удалась. И отношения между Солженицыным и НТС остались доброжелательными, сердечными, солидарными. Такими они сохраняются на протяжении всех этих долгих лет, более четверти века.

В том, что высказывания Солженицына, цитированные Н. Яковлевым, совпадали с нашими, не было ничего удивительного, хотя, конечно, Солженицын ничего не перенимал. Его университетом были сталинские лагеря, окружающая советская действительность. В этом смысле и у Солженицына, и у НТС были общие "учителя". Вполне естественно, что у тех, кто боролся с коммунистической идеологией, и выводы звучали в унисон.

Вот и теперь: ничего удивительного нет в том, что многие положения из работы Солженицына "Как нам обустроить Россию" перекликаются с идейными программными положениями нашей организации, неоднократно публиковавшимися на страницах "Посева". И нашей сегодняшней задачей я бы видел не подчеркивание этих совпадений, которые, повторяю, совершенно очевидны и закономерны, а выявление различий, разных точек зрения. Тем более, что и внутри нашей организации, как организации живой, действующей, думающей, тоже существуют разные точки зрения, существует, как теперь любят говорить, плюрализм мнений. Поэтому я надеюсь, мы сосредоточимся на наиболее дискуссионных моментах работы Солженицына с тем, чтобы было интереснее и нам, и читателю.

ДАВАЙТЕ ИСКАТЬ!

Р. Редлих. Я не хочу говорить по поводу размышлений А. И. о национальном вопросе. Я готов разделить их полностью и безоговорочно. А вот о второй части его работы, "Подальше, вперед", есть что сказать.

Каков будет государственный строй будущей России? С этого А. И. и начинается, и правильно начинается, ясно указывая:

"Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ не власти. Жажда ее свойственна лишь двум процентам. А хочет прежде всего устойчивого порядка".

Верно. Это так. Это социологический факт. А вот и другой:

"Хотя в наше время многие молодые страны, едва вводя демократию, тут же испытывали и крах, именно в наше время демократия из формы государственного устройства возвысилась как бы в универсальный принцип человеческого существования. Почти в культ".

И еще:

"Ныне пришло к тому, что мы также не мыслим себе политическую жизнь без партии, как личную без семьи".

Эти исходные настроения современного мира, господствующие на всей планете, А. И. видит совершенно ясно. Вопрос в том, какой из этого сделать вывод, нужен нам или не нужен классический парламент?

Все, что пишет дальше А. И. о демократии, вся его критика, хорошо обоснованная и прекрасно выраженная, напоминает мне нашу организацию в то время, когда я в нее вступил. Это 30-е и 40-е годы, зарождение НТС, период войны и первые годы после войны, когда у меня лично было только два опыта — жизни в Советском Союзе при Сталине и жизни в национал-социалистической Германии при Гитлере. Что такое демократия, было мне, по моему личному опыту, просто начисто неизвестно. И также начисто неизвестно это было большинству тех членов Союза, которые вступили в него во время войны. На наших глазах привезли демократию на англо-американских танках только в Западную Европу, а Восточную отдали "доброму дяде Джо", к которому нас старались репатриировать. На глазах нашего поколения русская демократия спасовала перед большевиками, а европейская спасла Сталина. И критика демократии, как она выражена у Солженицына, была нам очень даже по сердцу. Вот позволю себе еще процитировать.

"Вообще всякое голосование при любом способе подсчета не есть поиск истины. Здесь все сводится к численности, к упрощенной арифметической идее, к поглощению меньшинства большинством, а это опасный инструмент: меньшинство никак не менее важно для общества, чем большинство, а большинство может впасть и в обман. «Не следуй за большинством назо и не рещай тяжбы, отступая по большинству от правды» ("Исход", 23-2). К тому же избирательные кампании при большой численности голосующих и незнакомых избирателей бывают столь суетливы, визгеливы, да при частом пристрастии массовых средств информации, что даже отвращают от себя значительную часть населения. Телевидение, хотя и выявляет внешность кандидата, манеру держаться, но не государственные способности. Во всякой такой избирательной кампании происходит вульгаризация государственной мысли. Для благоуспешной власти нужны талант и творчество. Легко ли избрать их всеобщим голосованием на широких пространствах? Сама по себе такая система не понуждает политических деятелей действовать выше своих политических интересов, и даже наоборот — кто будет исходить из нравственных принципов, легко может проиграть".

Критика справедлива. Но бьет она по порокам техники, а не по сути и замыслу демократии, не по принципам автономии личности и суверенитета народа. А. И. это подтверждает, демократия стала универсальным принципом, она не почти, а просто — в о з в е д е н а в культ, превращающий подданного в гражданина. И нам ли сейчас, когда рушатся остатки тоталитаризма в нашей стране,

капризничать и говорить, что нам демократия не подходит и мы будем искать какие-то новые, небывалые формы государственности?

Разумеется, но нужно совершенствовать формы именно демократии, а не так и и и так их и называть, от них мы никуда не уйдем. А поэтому так уж ее уничтожающе критиковать сейчас, мне кажется, несвоевременно и не нужно. Нам дай Бог объяснить нашим народам, как обращаться с тем инструментом демократии, который в культурных странах срабатывает не так уж и плохо. Правда, в малокультурных странах, которые за него берутся, не умея с ним обращаться, он может натворить бед и привести к тому, что А. И. называет крахом. Тут он прав, и эту опасность мы видим.

Второй факт – человек выбирает себе партию, говорит Солженицын, как выбирает себе семью (может быть, это несколько преувеличено). Да, конечно, многопартийные системы имеют чрезвычайно много недостатков, и перечислить их чрезвычайно легко, и желательна беспартийная демократия... Только скажите, как она делается, и как это опробовать, и как вы можете воспрепятствовать появлению партий, фракций, клик, групп и группочек, которые будут преследовать свои интересы? Здесь стоит вспомнить последнее письмо Вашингтона американскому народу: опасаться фракций и клик, которые вносят раздор. Против общественных организаций, особенно партийного типа, борьба велась и в США, и в Европе. Она ни к чему не привела.

Принцип многопартийности не есть идеальное решение. От него можно бы и отказаться. Но нужно тогда найти другой принцип. Люди не ангелы. Они всегда будут создавать группы для преследования общего интереса. Внутри каждого коллектива будут всегда образовываться фракции. Этот коллектив будет противопоставлять себя соседнему коллективу. И это происходит далеко не только в политике, но и в коммерческой жизни, везде, где идет конкуренция.

Словом, через то длительное время, сорок лет, молодой, зарождающийся тогда НТС, в который влились новые люди, советские люди, воспитанные при Сталине во время войны, уже обсуждал все эти вопросы, горячо их обсуждал, и искал – как бы это так наладить свою особенную солидаристическую демократию. Я и сейчас, на старости лет, не отказываюсь от этих поисков. Только я их вижу не на пути отрицания существующей демократии, а в попытке усовершенствовать демократические начала, и отказавшись от социального атомизма, может быть, даже усложнить эту демократию дополнительными Палатами, учтя драгоценные соображения А. И. о демократии малых пространств, земстве и ступенчатых выборах, соображения, нам отнюдь не чуждые. И тут хочется кончить его же словами: "давайте искать".

ВСЕ ЭТО УЖЕ БЫЛО

Р. Евдокимов. Мне кажется, что А. И. плохую услугу оказало несколько вольное обращение с античными источниками. Я занимался античностью и могу немножко сказать. Когда он говорит о том, что Платон и Аристотель выделяли три типа государственных устройств – монархию, аристократию и полиτείю, а несколько позже говорит о том, что полиτείю может вырождаться в демократию (власть толпы), и в скобках поясняет: мы теперь говорим "о-

лократию", то это, к сожалению, полнейшая путаница, которая, видимо, и привела отчасти или подпитала как-то его скептическое отношение к демократии. Политейя - это синтез, синтез положительных форм государственного устройства у греков, синтез аристократии, монархии и демократии. Отрицательные - тирания, олигархия и охлократия, термины, прекрасно знакомые самим древним. И эта самая политейя в сущности никогда не была реализована, всегда оставалась идеалом, а попытки ее сформулировать, в частности, у Платона, приводили к построению утопий, утопических государств, разительно напоминающих современные тоталитарные режимы.

В частности, то, о чем говорит А. И. по поводу выборов, что выборы не должны быть, по его мнению, - равными, тайными и т. п., - ведь все это было, все это было 2500 лет назад. И это приводило к совершенно очевидным последствиям, в лучшем случае перерождалось в ту демократию, как мы ее понимаем сегодня, с тем отличием, что она была действительно прямой. Или приводила к тираническим формам правления. И главное, неравенство в выборах вело к острейшей социальной напряженности, которую мы, конечно, не избежим и сейчас, попробуй мы воспользоваться этим советом. Что касается сложной, трех-, четырехступенчатой системы выборов на высшие государственные должности или в высшие управительные органы, которые А. И. предлагает (все это опять-таки есть в теоретических построениях древних авторов), в действительности способствует удивительной кастовости общества и, как это ни парадоксально, впрямую напоминает уже существующую несколько лет практику. Это - та же формальная структура советов. Но если для советов это формально, то для устройства власти КПСС - реально. И именно пресловутый демократический централизм, и выборы (или точнее - назначения) в высшие управительные органы коммунистической партии, - все это по такому принципу и проводится, который А. И. предлагает.

НЕ ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИК

В. Сендеров. Говоря об опыте Третьего Рейха, Томас Манн сказал приблизительно так: нет такого преступления, которое нельзя совершить именем народа; именем Бога, свободы, личности или права всё это было бы невозможно. Великие умы делали выводы, немислимые для демократического мировоззрения. Так почему бы сегодня не сделать выводы целым народам, в такой трагической ситуации, в которой мы находимся? Можно на это надеяться. Времени на раздумья нам отпущено не много. И мы обязаны, не боясь никаких упреков и ярлыков, немедленно взглянуть правде в глаза.

Демократия в ее стандартных формах в наших условиях уже дискредитировала себя. И не нужно говорить, что ее нет - не в этом суть. Чтобы игнорировать интересы людей и грызться за куски пирога, вовсе не обязательно быть у кормила. К счастью, это стало ясным прежде, чем наши новоиспеченные партии (имя коим уже легион!) до власти дорвались. На многое возлагают надежды: на религиозное возрождение и экономические реформы, на национальные ценности и контакты с Западом. Но кто хоть дату помнит очередных выборов? Хоть чего-то ждет от государственной мудрости травяных и ползковых?

Но — "по всему потоку современности мы изберем несомненно демократию". Как же все эти противоречия совместить? А никак — противоречий в сказанном нет. Губят нас, конечно же, не зачатки демократии. Но западное общество, где она устоялась веками, может позволить себе о ней особо не размышлять (пока гром не грянул). Нам же без серьезнейших раздумий о сути, в лихорадочной погоне за внешними атрибутами — пути в будущее отрезаны.

Статья Солженицына и предлагает нам задуматься, вспомнить, что демократия — не чудодейственный источник. А лекарьство тяжело больному с осторожностью принимать надо.

ДВЕ СТОРОНЫ ДЕМОКРАТИИ

Е. Романов. Да, в адрес нынешних демократий можно сделать серьезные нравственные упреки. Но посмотрите, в какое время: перед мировой войной, во время нее и после. И все это относится к внешней политике демократий, что чрезвычайно важно подчеркнуть. Все примеры безнравственного поведения, выдачи Сталину жертв — это внешняя политика. И сегодня внешняя политика демократий определяется исключительно интересами их народов, как правительства эти интересы понимают. С их точки зрения, это не эгоистические интересы.

Говорят об уступчивости, о слабости демократий. Но в критические моменты эта слабость кончается, наступает предел. Принципиальной разницы, с точки зрения соотношения сил, между отдачей Гитлеру Чехословакия и отдачей Польши, в общем, не было. Но где-то в сознании, ощущении, причем не только правительств, а и в сознании народов, дошли до рубежа, когда дальше отступать нельзя. Это подвинуло Англию и Францию на войну против Гитлера.

Потом они заключили союз со Сталиным, с тоталитарным режимом — почему не заключить: "мы хотим выиграть войну, выиграть меньшими силами, русские вложили 20 миллионов в эту войну, а мы вложили 300 тысяч, англичане — 200 тысяч". С точки зрения американской, английской, французской, они действовали в интересах своих народов.

Когда началась война, мы видели, какую проявила волю к борьбе классическая англо-американская демократия. Не будем забывать, что воинской повинности и в Англии, и в Америке в то время не было.

Нужно разделить эти две стороны демократий — внутреннюю политику, отношение к своему народу, — а народ и есть действующее лицо при свободной парламентской системе, — и внешнюю политику. Нам надо стараться это понять, потому что внешняя политика нашего государства отличается от внешней политики демократий. Возьмем действия наших государственных деятелей в прошлом, например, Николая I. Какой он ни был, надо признать, что он хотел блага для России, а не для себя лично и Царской семьи. Несмотря на это, он подавлял венгерское восстание 1848 года — вопреки государственным интересам России, но во имя защиты монархической идеи. Затем Россия воевала за братьев-славян, и эта война поддерживалась обществом, это не было решением только государственной власти. Отсутствие национального эгоизма, присутствие какой-то идеи всегда играло большую роль в нашей внешней политике.

Что касается развитых демократий, то и сегодня, в отношении перестройки, они руководствуются собственными интересами: разваливается – пусть разваливается, очень хорошо! Но они боятся хаоса, из-за себя боятся. Вдруг нажмут на кнопки и начнут бросать атомные бомбы?! Поэтому они поддерживают Горбачева как гаранта, поэтому они военный переворот – чтобы не было хаоса – будут считать положительным явлением для себя.

ВЛАСТЬ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

А. Югов. Я рад, что жанр "круглого стола" позволяет высказывать свои личные мысли, без опасения, что они будут восприняты как "новое направление" журнала или мнение организации. Считаю нужным это подчеркнуть, ибо далее буду высказывать сугубо персональное свое мнение, наверняка не разделяемое многими моими товарищами по НТС, даже за этим столом.

Хочу поспорить с Романом Николаевичем – и в отношении оценки демократии в переходный период, и в отношении позиции Солженицына. Дело в том, что это не первое высказывание А. И. на тему сильной власти, уже в "Письме вождям" были подобные идеи – и они очень похоже воспринимались. Вот и сейчас, когда Солженицын говорит о том, что "созданный статут п о т е н ц и а л ь н о (разрядка моя. – А. Ю.) сильной президентской власти нам еще на немалые годы окажется полезным", то это воспринимается как бы в отрыве от сложнейшего и противоречивого переходного периода. Позволю себе процитировать то, что я говорил уже по этому поводу в докладе на Посевской конференции 10 лет назад:

"Выводы Солженицына исходят из конкретного состояния страны, а не из абстрактного сравнительного ценника форм правления. Я, например, считаю себя убежденным демократом, даже в каком-то плане либералом, но размышления на тему «Россия и переходный период» тоже приводят меня к выводу, что авторитарная система была бы, пожалуй, самым безболезненным выходом из тоталитарного тупика.

Но, мне кажется, Солженицын, со свойственным ему темпераментом, совершает чисто тактическую ошибку, не подчеркивая в должной мере переходного-временный аспект авторитарной системы, ее вынужденную необходимость именно в данных условиях...

Я бы определил авторитарную систему в посткоммунистической России как своего рода гигантскую декомпрессионную камеру, призванную поднять страну из тоталитарной глубины, с ее огромными давлениями и внутренними напряжениями, на демократическую поверхность, поднять без разрыва ее национально-государственного организма. Десятилетия коммунистического режима погрузили Россию в такую бездну, в такую пучину развала всех нормальных социальных, политических, экономических, национальных связей и взаимоотношений, что подъем быстрый, резкий, неподготовленный неминуемо вызвал бы распад всего государственного организма, то есть всеобщий хаос со всеми вытекающими для людей последствиями" ("Посев" № 12, 1980).

А сейчас мы это "проходим на практике" – противоречие между абстрактным взглядом на авторитарность и демократию вообще и сегодняшним конкретным состоянием страны в этот тяжелый и, увы, уже можно прямо сказать, развалный переходный период. Не зря все больше людей склоняется к тому, что сейчас необходима твердая власть, об этом говорят не только простые люди в очередях, но и

интеллектуалы на страницах газет (А. Мигранян, И. Клямкин и др.). Вот только получится ли теперь эта "сильная президентская власть"? Бушует цепная реакция "национальных суверенитетов", быстро ведущая к атомизации страны. Со страшной силой взвыл политический плюрализм (а точнее — просто плюрализм разных мнений), искусственно подавляемый долгие годы. Бесконечно заседают многочисленные и многоголовые верховные и прочие советы, принимаются законы, которых никто не выполняет. Это — псевдемократия, если нет рычагов власти, нет, по сути, механизма управления. Наши Советы разных уровней громко называют "парламентом", но в них совершенно нет характерных для настоящих парламентов четкой расстановки политических сил, предвидения возможных решений и необходимых компромиссов. Не зря их авторитет и даже интерес к ним избирателей чрезвычайно быстро падают.

ОЩУЩАТЬ НРАВСТВЕННУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Р. Евдокимов. Я вижу любопытное противоречие в позиции Солженицына, завязанное как раз на вопросах авторитаризма и демократии. Дело в том, как правильно было сказано Евгением Романовичем, демократия эгоистична. А А. И., критикуя демократию, одновременно пытается стать и на позицию в общем-то национального эгоизма. В этом мне видится парадокс. Если исходить из интересов узко российских, интересов славянского массива, то как раз следовало бы в большей мере дать простор демократическим установкам, ибо именно они, как у нас, так и в других странах мира, приведут, должны привести, к приоритету собственных национальных интересов над любыми другими.

Но А. И. с позиций нравственных демократии критикует и склоняется к какой-то доле пусть даже не авторитаризма, но, по крайней мере, к сильной президентской власти, к многоступенчатости выборов, к критике многопартийной системы, парламентской системы. Все это соответствует скорее тем режимам, которые уделяют внимание именно общефилософским проблемам бытия народов, не ограничиваясь узко понятой пользой своего собственного народа.

Здесь хочется дополнить, сказать следующее. Мы, Россия, славянский массив минимум, как мне кажется, должны ощущать нравственную ответственность за то, что происходит у наших соседей, за те режимы, которые установлены там не без нашей помощи. И какие бы республики от нас ни ушли, как бы они ни самоопределились, если там начнется резня, и если там начнется очередной тоталитарный коммунистический режим или сохранится, как в некоторых других странах, то мы не сможем остаться в стороне ни по нравственным соображениям, ни по соображениям просто практической нужды, поскольку там проживает слишком много русских, которых в один момент, в один час оттуда не переселишь. И мы должны думать о судьбе всех тех, чей дом — Россия.

Авторитаризм, или по крайней мере определенные его разновидности, способны ставить перед собой такую цель. Здесь, конечно, следует только уточнить, определить совершенно точно, что ни в коем случае не имеется в виду авторитаризм нынешней модели и тем паче — конкретно личности Горбачева, предположим.

Как мне видится это развитие, мы действительно должны разойтись по разным национальным квартирам, у нас действительно должна победить достаточно последовательная демократия. Эта демократия, будем надеяться, приведет к повышению материального уровня наших народов, их духовного уровня. А вот через некоторое время такой последовательной демократии встанет вопрос: как быть дальше? И дальше-то придется, и очень быстро придется, переходить к такому своеобразному демократическому авторитаризму все-таки, который и сможет подумывать о нравственных ценностях и о судьбах наших соседей, может быть, больше внимания уделить отношениям с бывшими союзными республиками.

НАЧАТЬ С "ДЕМОКРАТИИ МАЛЫХ ПРОСТРАНСТВ"

В. Сендеров. Вот и предлагает А. И.: начать с земств, ибо это - лучшая и недавняя форма демократии, которую мы знали; начать с демократии малых пространств. Есть у нас и опыт скороспелой "большой" демократии, не подготовленной постепенным органичным развитием. Но - какой? К чему - с неизбежностью! - привели последние февральские месяцы, на которые сегодня не шибко знакомые с историей "чистые демократы" готовы молиться?

Главное же: политические идеи А. И. абсолютно реальны. При всей слабости власти неясно все-таки - куда же ее девать? Напрашивающиеся при "централистском" мышлении рецепты (в которых иные перестроечные интеллектуалы трогательно единогласны с простыми палачами) оптимизма не внушают.

Возьмем другую сторону вопроса. Свобода "тасовок" при выборах в центральные органы у режима почти не ограничена. Сколько сил тратится в пустых попытках изменить положение в Москве, в стране, - из Нижнего Тагила или Южно-Сахалинска! И сколько политически талантливых людей обреченно бездействуют, понимая бессмысленность этих попыток!

Местные же проблемы у жителей на виду, демагогия бессильна. Вот и обратить энергию на создание альтернативных "законным" Советам органов власти - земств. Увидят наглядно люди разницу - и никакие ухищрения не спасут строй от п о д л и н н ы х - на сей раз! - перемен. Прецеденты были, на счету у народа не один выгнанный в отставку обком. Так что идеи Солженицына в некотором отношении подытоживают стихийно начинающиеся процессы, осмысливают их, пролагают дальнейшие пути.

Впрочем, некоторые немаловажные замечания критиков Солженицына кажутся мне верными. Для А. И. западная демократия по сути эквивалентна "четырёххвостке": всеобщему - равному - прямому - тайному. Солженицын делает оговорки, но по духу статьи это все-таки так. Между тем, подобная система подверглась корректировке в развитых демократиях: в США, например, выборы Президента не прямые. От стандартно-"централистского" мышления многих занимающихся политикой людей все же никуда не уйти, не следует недооценивать психологические стереотипы. Глубокие умы и в "чисто демократическом" лагере нередко критически относились к многопартийности (В. Турчин и др.). Но деваться-то от нее все равно никуда.

Так что, думаю, царский путь лежит посередине: между идеями А. И. и серьезным изучением демократии Запада - устоявшейся, гибкой и многообразной.

Е. Романов. Относительно строительства государства. У А. И. это не совсем определено. Интересно, что наши работы над программами такого строительства отражали ту же неопределенность. Мы были за беспартийное государство, потом мы от этого отказались как от нереальности. Можно строить беспартийное государство, только запретив законом существование партий. Но как запретить существование партий? Это - свободные объединения личностей, которым гарантированы права гражданина и человека.

Что же касается многопалатности и, в частности, многоступенчатых выборов, это - правильно. Многоступенчатые выборы отражают силу местных самоуправлений, у А. И. это очень хорошо описано. Мы в свое время давали аргументацию и схему этого положения: одна палата, которая обеспечивает представительство местных самоуправлений на базе передачи личного доверия снизу вверх, на базе более квалифицированной избирательной системы. И если не отказываться от парламентской палаты, то есть палаты партий, то это всё станет на свои места.

Немецкий историк и социолог проф. Римша в свое время написал книгу, анализируя программы эмигрантских организаций, в частности Программу НТС, и идею такого многоступенчатого представительства он считал одним из больших идеологических достижений НТС, поскольку эта система соответствует стране, ее размерам и структуре.

Идея строительства снизу - можно назвать это земствами, - но дело не в названии, а в самом выводе, что строить надо снизу. Это правильная идея! Это подлинная альтернатива. В частности, НТС как организацию надо тоже строить снизу. Нам надо участвовать в строительстве альтернативных самоуправлений снизу. Правда, у А. И. нарисована несколько идиллическая картина, мол, будут отстраивать альтернативную власть в районе, а в городе будет сидеть сегодняшняя, потом власть отстраивается в городе, а в области еще сидит сегодняшняя, и так до верху. Это не будет происходить таким легким путем, сегодняшняя власть не сидит и не ждет, что ее сменят. У А. И. вообще ответа на вопрос, что делать с сегодняшней властью, - нет. Его положительные отзывы о сильной президентской власти в принципе правильны. Но ведь не о сегодняшней власти идет речь, не о коммунистическом президенте.

О МНОГОСТУПЕНЧАТОСТИ

Р. Евдокимов. У меня все-таки есть сомнения относительно такой многоступенчатой системы. Я согласен, что на низовых уровнях - район, город - эта система работает. Но я боюсь, что выдвижение из среды таких вот земских депутатов, представителей на третью или на четвертую ступень будет уже сопровождаться не тем идеалом, к которому мы бы хотели стремиться. А в конечном итоге все может скатиться опять-таки к варианту аппаратных игр. Трудно сказать, как этого избежать, потому что избрание по партийным спискам - это совсем не то, что хотелось бы сделать. Может быть, таким земствам, городского, скажем, второго уровня, следовало бы предложить просто кандидатуры на сле-

дующий уровень представительства? И в эту "земскую" палату все-таки выбирал бы уже народ, но из предложенных низовыми звеньями кандидатур?

Е. Романов. Если говорить о будущей государственности, то очень важно существование второй палаты ступенчатого представительства. Ступенчатое представительство может дать максимальное сближение трех элементов любого общества: элиты, ведущего слоя и правящего слоя. В идеале это должно было бы совпадать: самые элитарные люди должны обладать авторитетом, потому они ведущие. И у них должна быть власть, они и должны управлять страной. Это, конечно, утопия, такое полное накладывание – редкость. У элиты роль совести нации. Так же и в парламентской системе нормальной демократии накладывание ведущего и правящего далеко от стопроцентности. В то время, как при ступенчатых выборах эта палата могла бы дать максимальное совпадение этих трех элементов, потому что авторитет человека внизу – в районе, в городе, в селе строится на знании этого человека, на том, что он способен за собой вести людей, к нему есть уважение. Его избирают, и он становится одновременно и правящим человеком.

Р. Редлих. Мне думается, – и я уже писал об этом в моей книжке "Солидарность и свобода", – что человеческая жизнь никогда не проходит в одиночестве, но во всех ее областях, начиная с семьи и кончая высшими духовными функциями, имеет форму общественной жизни, совместного бытия и содружества, и это – необходимое выражение исконной солидарности, лежащей в самом основании человеческого бытия. Не потому человек живет в обществе, что многие отдельные люди объединяются между собой и заключают "общественный договор" на взаимовыгодных условиях. Нет, люди живут в обществе потому, что человек стал человеком, уже родившись в древнейшем и первичнейшем из всех сообществ – в семье, и не мыслим иначе, как в качестве члена общества, потому что он по природе "зоон политикон", во выражению Аристотеля, животное общественное.

Между человеком и государством лежит мощная сфера общественных объединений, ассоциаций, союзов, к которым в различной степени и в различных комбинациях принадлежат иногда совершенно различные, а иногда одни и те же люди. Разделение общества на разнообразнейшие союзы и коллективы, преследующие свои цели, защищающие свои интересы и образующие целенаправленные единства, никак не менее существенно, чем деление на имущественные классы.

Общественные союзы любого характера не получили еще в современной демократической государственности полноценного "права гражданства". Они в нем – признанный и терпимый факт; они дееспособные юридические лица. Но они до сих пор лишены прямого правового участия в определении судеб демократического государства. Они лишены политического голоса. Дать им этот голос – не легкая задача. Не думаю, чтобы ее можно было решить под зеленой лампой в кабинете теоретика. Ее нужно решать в свете солидаристического понимания общества как открытой органической системы, но решать в политической практике, путем проб и ошибок. Предложение А. И. начинать с земств и отсраивать "демократию малых пространств" мне тоже кажется плодотворной идеей, и многоступенчатое представительство тут, без сомнения, пригодится.

В. Сендеров. Об изменении форм власти, о радикально новых формах власти. Во-первых, что касается самих форм: здесь важен эксперимент. Грустно быть непредрежденцем не между Государем и парламентом, а между различным числом палат. Но при всей грустности это единственно реальный выход. Сейчас обсуждение этого вряд ли что-нибудь особо важное дает.

Я бы хотел сказать сейчас о неких вариантах происходящих перемен. Первое, что бросается в глаза, это изменения в существующей государственной структуре. Совершенно бесспорно, что верховные советы и другие органы власти во многом превратились в гайд-парки. И это, несомненно, полезно. Бесспорно также и другое: сегодня это уже не только гайд-парки, сегодня это органы, способные к обсуждению и даже к некоторым полезным решениям. Это может оказаться важной компонентой для будущего. Но давайте посмотрим, сколько важна эта компонента, отдельно взятая, может ли она на что-либо серьезно повлиять. Я думаю, достаточно сравнить скорости изменения наших парламентов (это слово уже входит в общий язык при его коренной неверности), то есть высших органов власти, и не только высших, со скоростями изменений, происходящих в стране, изменений далеко не в лучшую сторону, попросту говоря, - к катастрофе, чтобы было ясно, что перемены в существующих органах власти сами по себе ничего в стране изменить не могут.

Думаю, что призывы, которые раздаются сейчас, слава Богу, всё реже, - "вернуться к Советам", потому что советы, по идее беспартийные органы власти, - иллюзия очень опасная. Дело ведь не в формальной стороне. Советы в принципе могут быть без большевиков, на этом настаивали еще не задавленные кронштадтские матросы. Образованные люди приводят и более изысканные аргументы: есть, оказывается, какая-то страна, в которой демократические органы власти так и называются: советы. Мне, однако, кажется, что все эти доводы для нашего народа не особо существенны. Есть сложившиеся, устоявшиеся структуры, тесно связанные с КПСС и с карательными органами, с вполне заслуженной репутацией. Да, воля людей к переменам такова, что даже и в этих органах кое-что стало возможным. Но обольщаться насчет глобальности перемен не приходится, а происходящая "перекачка власти" - лишь банальная смена декораций.

ПЕРВИЧНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

А. Югов. Должен отметить несогласие с Солженицыным в одном пункте. А. И. пишет в своей брошюре:

"...государственное устройство - второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве - допустим любой добротпорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве - невыносима и самая развилитая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности - то это проявится при любом строе".

Здесь заложено противоречие. Озлобление и шкурничество у целого народа - это ведь не с неба падает, это тоже результат чего-то. И сам А. И. убедительно показывает - чего. В первую очередь, результат несправедливого, порочного общественного строя, день за днем выплавляющего из людей честность и справедливость. Разве

есть где-то в мире устойчивая демократия у нечестного и несправедливого народа? А вот тоталитарный строй продуцирует таких людей массовым образом. Особенно это заметно на примере разделенных стран. Сегодняшних "западных" немцев потрясает поголовное стукачество их соплеменников в бывшей ГДР. Откуда взялась там тьма не только шкурников, но и безынициативных иждивенцев, порой даже отучившихся добросовестно работать? Тех же немцев! А ведь это результат всего лишь 40 лет коммунистического режима, и не таких перемалывающих, как наши 70 с лишним. Так что ж тут причина, а что – следствие? И за счет чего разрывать заколдованный круг? Ясно, что только путем изменения государственного устройства.

ВЫНУЖДЕННЫ НАЧИНАТЬ С НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В. Сендеров. О национальном вопросе уже написаны горы. Когда слово оценивалось лагерными сроками, у многих из нас была иллюзия его всеисильности. Увы, последние годы показали, что это далеко не так. Сказать что-либо особенно новое в "теоретически-национальном плане", по-моему, трудно; да не в этом и дело. Важны не "откровения", важно другое: как четко работа Солженицына ставит всё на свои места:

"...берясь предположить какие-то шаги по нашему оздоровлению и устройству, мы вынуждены начинать не со сверлящих язв, не с изводящих страданий – но с ответа: а как будет с нациями? в каких географических границах мы будем лечиться или умирать? А уже потом – о лечении".

Как только ни облыгают патриотизм Солженицына, целые эмигрантские журналы на этом специализируются. А писатель подчеркивает приоритет ценностей общечеловеческих – и лишь отдавая дань охватившему страну безумию, вынужден начинать с национальных. И при исчерпанности, казалось бы, этой темы многое в статье ценно и важно. Предложения отделить Россию от обреченной коммунистической империи естественны, напрашиваются и раздавались они уже не раз. Солженицын предлагает проект славянской федерации, включающей, в частности, северные, заселенные в основном русскими, части Казахстана. Прав ли в этом А. И., не знаю, не компетентен. Но я хочу подчеркнуть продуманный, конкретный, а не декларативный подход к проблеме. Хотелось бы надеяться на такую же и реакцию: на взвешивание доводов писателя, на уважение не только к его гению, а и к той огромной работе, которая видна за его статьей. Возьмите хоть обилие использованных автором источников – и сравните с лихими рассуждениями на те же темы, которыми переполнена печать!

Но оснований для оптимизма пока мало. На тему "демократия – авторитаризм" в советской прессе появилась уже разумная, ценная статья (в последнем номере "Собеседника"; Михаил Соколов, "Парламентская Россия и Александр Солженицын"). А на темы национальные... Кто заботится о том, "не откатятся ли назад в общественном устройстве... некоторые российские соседи". ("Вечерняя Москва", 21 сентября). А у писателя – депутата Олейника другая печаль: Солженицын... топчет сапогами его национальное достоинство! ("Известия", 26 сентября, московский вечерний выпуск).

В национальном вопросе, как ни в каком ином, работа Солженицына важна прежде всего отчаянным призывом: задуматься, одуматься. Научиться уважать друг друга - а через то и себя. Отшвырнуть безумие, которое, в дополнение к объективным бедам, губит всех нас!

Р. Редлих. И не подменять задачу политического освобождения национальными распрями.

ЧТО СЕГОДНЯ "ЦЕНТР"?

Р. Евдокимов. Как не вспомнить слова престарелого Керенского: "Чем левее, тем подлее, - чем правее, тем глупее". К счастью, наша организация всегда стремится быть в центре.

А. Югов. Вот только что в этой крайне взвинченной ситуации назвать центром? В чем должна выражаться "центровая", компромиссно-сбалансированная позиция, если дело дошло уже до кровавых межнациональных конфликтов и массового бегства напуганных жителей? Вот Солженицын говорит об "отделении двенадцати республик" как о "кажущейся жертве России". Казалось бы, достойная антиимперская позиция. Однако уверен, что все равно будут недовольные со всех сторон - и среди украинцев, и среди казахов, и за "среднеазиатское подбрюшье" будут обвинять А. И. в национальном эгоизме. На фоне полного распада потребительского рынка и растущего в связи с этим озлобления людей национальные проблемы - иррациональны, они не поддаются сбалансированным решениям. И никакие "союзные договоры" уже не помогут, до них, боюсь, дело и не дойдет. Совершенно здравый в принципе призыв А. И. создавать комиссии экспертов и выработать условия государственных компенсаций переселенцам в нынешней ненормальной обстановке в стране уже может подхлестнуть потенциальных беженцев. А разве лучше ждать, пока гроза грянет? Где в этой перекрученной, иррациональной ситуации взвешенный и благоразумный "центр"?

А причины всё те же: рельсы перестройки завернули "не в ту степь". При неразвитой и диспропорциональной экономике, элементарно ненакормленном населении, при растущей преступности, заметно возрастающем озлоблении и ожесточении населения страна все время вынуждена шараться от одной горячей точки к другой и решать нерешаемые проблемы. Ибо в таких специфических условиях крайне мало шансов на решение их мирным, цивилизованным, компромиссным путем.

ЭТО ЕДИНСТВО НЕ ВЫДУМАНО

Е. Романов. О национальном вопросе. Дело не в сохранении "империи". Дело в том, что и у армянина, и у русского, и у украинца - у кого угодно - существует вторая часть души. Это единство не есть выдуманное единство, это исторически сложившееся единство, и считать, что его нет, - ошибка. Вы не можете выгнать армян, если они хотят остаться, как некоторые предлагают: "Не хотите - пошли вон". Это нереальная постановка вопроса. Это невозможно. Хотя с точки зрения эгоистической, так, казалось бы, и надо было поступить. Но дело в том, что этот эгоизм не сработает, а особенно, если говорить о том, что правильно Солженицын выделяет и что

мы называем "славянский массив". И попытка разделить этот славянский массив, во всяком случае для Украины, это – гражданская война. И какие русские будут занимать нейтральную позицию в гражданской войне на Украине за то, чтобы остаться в единстве? Так просто, как у Солженицына сказано, национальный вопрос не решается, но один принцип для нас общий: "Кто хочет, тот уходит". Хотя и в таком случае надо будет решить многие сложные вопросы.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ ПЕРЕСТРОЙКИ

А. Югов. Солженицын дает беспощадную оценку "перестроечным" итогам:

"Скоро шесть лет – а шумливая «перестройка» еще ведь и не коснулась целебным движением ни сельского хозяйства, ни промышленности. А ведь эта растяжка – это годы страдания людей, вычеркиваемые из жизни".

Констатация, которая на страницах нашего журнала давалась уже неоднократно. Экономические сдвиги в стране – лишь в худшую сторону. Зато только и слышно: "депутаты, кандидаты, делегаты, мандаты...". Пар перестройки уходит исключительно в свисток – гласности и псевдодемократических манипуляций. Горбачев и его команда все время ставят телегу впереди лошади, то есть, не повышая или хотя бы не стабилизируя народного благосостояния, пытаются наскоком осуществить национально-государственный "передел". А сейчас уже такое впечатление, взбухающий поток национально-сепаратистских движений несет Горбачева как щепку от водоворота к водовороту.

Конечно, переход от командной к социально-рыночной экономике – процесс сложный, воистину революционный, он проходит болезненно для всех стран бывшего соцлагеря. Тем не менее, некоторые из них (Венгрия, Китай, частично Польша) существенный участок трудного пути сумели пройти еще в рамках прежней системы: своевременно провели сельскохозяйственную реформу, приватизацию торговли и сферы обслуживания. Последовательность перехода – сложная, спорная тема, на страницах "Посева" мы о ней много дискутировали еще в 1982–83 годах. Советские специалисты сейчас во многом повторяют наши споры, но в обстановке резкого ухудшения буквально всех социально-экономических параметров. И это – тоже жестокая плата за тоталитарную закрытость и идеологический догматизм.

В уже упоминавшемся докладе на Посевской конференции 1980 года я говорил о безусловном, на мой взгляд, приоритете социально-экономического плюрализма перед плюрализмом политическим. От первого напрямую зависит повышение благосостояния народа, второй же – необходимый и важный регулятор жизни общества, но в условиях уже сформировавшейся, развитой страны, с нормальной экономикой, с четко действующими политическими институтами. И если за 6 лет в нашей стране нет, как говорит А. И., "целебного движения", то это в первую очередь потому, что нет реального сдвига в плюрализации форм собственности, нет максимально незатрудненного перехода к более эффективным формам собственности, дающим проверенно лучшие результаты.

Структура новосозданных кооперативов работает в целом с очень невысоким КПД, так как не хватает основных элементов – продовольствия, сырья, в первую очередь сельскохозяйственного, материалов, оборудования. Все это – в хроническом дефиците, что

толкает кооперативы на спекуляцию гостоварами и перекупочные махинации. Поэтому во многом кооперативы сейчас в глазах широких масс скомпрометированы, как и аренда. Уже и в политической области усиленным темпом идет компрометация демократических институтов, что опять-таки во многом следствие неправильного алгоритма перестройки, неправильной последовательности ее процессов, ее ходов.

ТОЛЬКО В УСЛОВИЯХ СВОБОДЫ

Е. Романов. Главная причина такого обострения обстановки в том, что никакое здоровое решение национальных вопросов у нас в стране невозможно при отсутствии свободы и права. Только если бы наступила свобода при сохранении права, решение национальных вопросов стало бы реальным, без крови. Вспышка национальных эмоций произошла, в частности, из-за того, что решение социально-экономических вопросов отстало. Это ухудшало все время материально-экономическое положение и стимулировало национальные конфликты. Одновременно происходило ослабление власти. Солженицын правильно ссылается на Маклакова. Он был противником Манифеста 1905 года. Тезисом последнего было, что провести реформы может только сильная власть. Император Николай II был слаб как личность и еще ослабил власть, что и привело к краху. Чем больше ослабевает власть, тем меньше у нее шансов безболезненно провести необходимые реформы, не только экономические, но и другие, которые необходимы для страны.

Замысел существует у сегодняшней власти, если говорить о Горбачеве, всех его советниках, Ельцине. И независимо от их противоречий. Я не верю в то, что все провозглашенные национальными республиками конституции произошли случайно. Ничего подобного. После того, как был провозглашен суверенитет РСФСР, все пошло как по инструкции: все республики, одна за другой, стали провозглашать свои суверенитеты, причем голосами коммунистов. Это могут украинские националисты приписывать себе, их в парламенте только 30% сидит, да и то неизвестно, кто из них полные сепаратисты, а кто неполные, а при голосовании в украинском Верховном Совете был один голос против и четыре воздержавшихся. Значит, весь блок КП Украины голосовал за суверенитет. Так же прошло по всем республикам. И как по плану, все 15 республик провозгласили свой суверенитет.

Единственная сила, которая охватывает все эти 15 республик, это опять та же КПСС, никакая другая. Коммунистическая партия, как она там ни расшатана, но она существует. И у нее есть армия, и у нее есть ГБ. Это - реальность. План - на этой базе соединить экономические реформы с союзным новым договором, в рамках президентского правительства, условно говоря, у Горбачева остается армия, ГБ, энергетика, пять-шесть министерств, Верховный Совет никому не нужен и разгоняется, а республики все занимаются экономикой на базе этого союзного договора.

По нашей Программе переходный период должен был строиться по совершенно иному сценарию: происходит революция, восстание, власть рушится и начинается переходный период. То есть власть другая приходит, и она проводит те мероприятия, которые нужны. Власть другая не пришла. Власть остается та же самая. Если говорить об отстройке авторитарной системы, то кто будет эту авторитарную систему от-

страивать? Идея А. И. — постепенная смена снизу всех структур. Это метод работы, это метод становления здоровых общественных сил. Но это не решает проблемы верховной власти, как она сегодня существует.

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Р. Евдокимов. Нынешняя власть сознательно и намеренно компрометирует и кооперативное движение, о чем говорил Александр Михайлович, и идею парламентской демократии. И намеренность эта, видимо, имеет своей целью как раз установление того самого авторитарного режима, но с "их" окраской — самого Горбачева и прочих. Установление того авторитарного режима, который способен, может быть, провести какие-то реформы, но это будут "их" реформы, не нужные народу, не нужные нам. А я надеюсь, действительно надеюсь, на то, что у них не осталось времени, что им не удастся установить такую авторитарную неодиктатуру.

На мой взгляд, Горбачев больше всего сейчас похож на ученика чародея, он разбудил силы, которыми хотел управлять, он надеялся, что с помощью этих сил он установит в конце концов свой авторитарный режим и проведет те умеренные реформы, которые считает нужным. Но ученик чародея не знает заветного слова, он в действительности недостаточно образован, а говоря попросту — малограмотен, и силы эти выбились из-под его контроля. И надеяться мы можем на то, что эти силы, после периода "разгула" демократии, как сейчас говорят, выдвинут новые, сегодня еще не известные или малоизвестные имена. И вот эти завтрашние люди и справятся с той задачей, о которой мы сегодня говорили. Но сегодня нет той силы, которая могла бы провести в позитивном плане реформы, обеспеченные твердой властью, в общем итоге — реформы сверху. И в то же время без этих сил невозможно выпутаться из ситуации для страны в целом. Значит, эти силы появятся. Вопрос в том, кто кого опередит. Опередят ли сегодняшние горбачевцы или же те гипотетические силы, о которых говорю я.

ВЫХОЛОЩЕННЫЕ СУВЕРЕНИТЕТЫ

Р. Редлих. Вчера в выступлении перед нашим собранием Валерий Анатольевич бросил так, мимоходом слово "выхолащивание". Я его очень хорошо расслышал. Сейчас Александр Михайлович бросил другое слово — "компрометация". Оба имели в виду выхолащивание содержания той или иной идеи, а путем этого выхолащивания — ее компрометацию. Произошел обвал всей сталинской системы фикций. Все знают, что то или иное утверждение было фикцией. Демократия при Сталине была фиктивна. Сейчас идет процесс ее выхолащивания. И тем самым ее компрометация. Александр Михайлович говорил, что компрометация кооперативов, выхолащенных по деловому содержанию, ведет к компрометации самой идеи свободной экономики. Точно так же сейчас нечестные выборы будут выхолащивать демократию. Замысел Горбачева-Ельцина, как его сейчас Евгений Романович подал, представляется так: вот они договорились, и пошли везде суверенитеты. Мне кажется, что в этом лежит как раз замысел выхолащивания самого понятия суверенитета. Эта мысль мне кажется очень верной. Новый союзный договор будет не

совсем фиктивный, но всем дадут суверенитеты в выхолащенном их состоянии.

Но ученик чародея действительно выпустил силы, с которыми ему не справиться, потому что у этих сил своя собственная движущая энергия, которая будет работать, как бы ее ни выхолащивали. В этом я вижу залог нашей победы.

МОЩНЫЙ ИНСТИНКТ ВЫЖИВАНИЯ

В. Сендеров. Здесь говорилось о мощных действиях режима по выхолащиванию и компрометации и подчеркивалось, что характер их не стихийный. Да, конечно, это так. Но кроме процессов стихийных и процессов четко управляемых, есть еще третий вид, как мне кажется, наиболее опасный. Он заведомо не стихийен, но он и не является чисто директивным. Отдача директив, приказов, распоряжений – это верхняя часть айсберга в действиях коммунистического организма, который сложился за 70 лет, а до того существовал в теории. Можно говорить о действиях, разумных для организма. Можно их называть стихийно-разумными. Можно называть органическими. Не стихия и не только приказ, а действия, направленные на самосохранение, в которых лишь, скажем, одна десятая является прямыми приказами. Это мощный инстинкт выживания, благодаря которому коммунизму не раз удавалось уцелеть, он выживал чудом, меняя довольно решительно свои формы, – причем, вряд ли будучи способным к этому на чисто логическом уровне. Но действуя органически, чудовище выживало. Как бы этого не произошло и на сей раз...

ФАКТ КОЛОССАЛЬНОЙ СИЛЫ

А. Югов. Заканчивая обсуждение работы А. И. Солженицына "Как нам обустроить Россию", мне бы хотелось сказать следующее. За этим столом было высказано много обвинений в адрес засидевшейся комвласти, много горьких слов в связи с положением, до которого эта власть довела нашу страну. Но давайте попробуем увидеть лучи света в этом темном царстве. Работа А. И. только "Комсомольской правдой" опубликована более чем 20-миллионным тиражом. И эта газета, в чьем названии все еще стоит слово "коммунизм", публикует уничтожающие обвинения писателя в адрес коммунизма! Цитировать сильнейшие фразы Солженицына нет необходимости, они перед глазами миллионов. И это вот – весьма отрадный факт, утверждающий необратимость процесса, неизбежность ухода в небытие и самого режима, и его идеологии. Если все еще коммунистическая власть под нарастающим давлением снизу была вынуждена предоставить трибуну своему противнику, политическому изгнаннику Александру Солженицыну, то это факт колоссальной силы, важная веха на пути дальнейших перемен в стране. То, что гневные обвинения и неподражательные, "бескультовые" мысли Нобелевского лауреата, полные искренней боли за свой народ, доходят до самого простого человека в любом уголке страны, – это чрезвычайно разрушительно для тоталитарной власти. И в этом огромная заслуга большого русского писателя, мыслителя и общественного деятеля Александра Исаевича Солженицына.

Земская опора

Андрей ОКУЛОВ

Эта статья уже лежала в редакции, когда газеты запестрели заголовками "Солженицын нарушил молчание", и мы смогли ознакомиться с программным документом писателя "Как нам обустроить Россию". Случайность ли, что земский опыт и принцип "демократии малых пространств", которому столько внимания уделяет Солженицын, перекликается с темой этой статьи? "Столыпин, ставший в 1906 г. главой правительства, был сторонником децентрализации России и считал, что выход - в разделении Империи на области, пользующиеся правами самоуправления и имеющие представительные органы", - писал наш журнал в 1984 году (Аркадий Столыпин. "Неосуществленные преобразования в период Думской монархии". "Посев" № 12). "Но главный противовес недостаткам массовых выборов в том, чтобы как можно больше демократических решений принималось головами в небольших группах: в местных органах самоуправления, в кооперативных и профессиональных организациях. В малых группах удельный вес каждого избирателя - значителен, затронутые интересы - всем понятны и ощутимы. Этим путем идет швейцарская демократия. Был такой опыт и в России: в крестьянском мире, в казачьих кругах, а позже - в земстве. Россия прежде сохраняла элементы низовой демократии даже в периоды усиления бюрократического правления на верхах", - говорит "Путь к будущей России", политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов, изданные четыре года назад.

Такое совпадение взглядов не только радует, оно - лишнее доказательство того, что мы на верном пути.

Плоды централизации

"Что ж, подошла осень, пора подсчёта «цыплят». «Революционная», срочная приватизация и фермеризация сельского хозяйства, на что уповали многие народные депутаты Ленсовета, не получилась. Да и не могла получиться вдруг. Отказ от, конечно же, плохого, но пока единственного выхода - от посылки горожан в помощь селу - привёл к тому, что город остался практически без овощей. Возникли небывалые за последние 45 лет перебои с мясом, молочными продуктами. Как сообщает газета Ленсовета «Вечерний Ленинград», над миллионами ленинградцев сегодня висит «меч наступающей деструкции и хаоса». Она же утверждает, что «малозффективным (во всяком случае в наших экстремальных условиях) оказался и сам институт Советской власти». В этих словах недвусмысленно признается факт отсутствия в регионе твердой власти".

Н. Волынский. "Правда", 9.9.90

Выводы прозрачные: не тянет, дескать, Собчак с командой, обещал демократию и "благограствование воздухов", а сам оставил город без овощей!

Саботаж партаппарата идет полным ходом. Оппозиция бросила все свои силы на Ленсовет – и выиграла. В городе. Но не в области: областной совет в большинстве своем состоит из "старых кадров". Добавьте сюда председателей совхозов, которые торгуют аренду, требуют, как и 20 лет назад, посылки студентов и рабочих на поля, а в ответ на отказ со стороны горсовета – сокращают посевные площади, и вы поймете, почему в Питере плохо с продовольствием.

Но и на городском уровне:

"Пока, к сожалению, не удастся добиться четкого разграничения между прерогативами районных и городских властей. Здесь надо понимать и районные Советы: в них избрали по двести депутатов, которые в принципе в таком количестве совершенно не нужны для осуществления власти на таком уровне... Наши же парламентарии районного масштаба по численности равны парламентам таких стран, как Швеция, Дания и даже Франция... Выборы проходили по неразумной системе, внутри которой была заложена мина" (Анатолий Собчак, "Литературная газета", 5.09.90).

На селе – совхозно-колхозные крепостники-председатели, в городе – ввевшийся во все клетки общества рак партаппарата, наблюдающий сквозь прорезь прицела обком, юридические и административные мины и разброд в рядах новорожденной демократии. А народ требует результатов у своих избранников...

Россия – страна централизованная. Так всем казалось. Еще в начале века Менделеев писал свой проект об экономической децентрализации страны как залого будущего прогресса. Весной семнадцатого в Петрограде не хватило двух-трех верхних государю полков – и вся Россия приняла Февраль. В октябре, пока Питер смотрел бенефис Вертинского, несколько тысяч большевиков и "примкнувших" в двух столицах повернули многомиллионную империю на путь в пропасть. Гражданская война началась позже, когда население в полной мере почувствовало на собственной шкуре продрозверсточно-чекистскую сущность новой власти. Но было поздно.

Что же изменилось сегодня? Оппозиция сделала ставку на столицы и промышленные центры, совершенно справедливо считая, что за кем Москва и Питер, – за тем и Россия. К тому же, несмотря на сильный антикоммунистический заряд в большинстве населения, профессиональных политиков, да и просто сильных лидеров, у оппозиции было слишком мало, чтобы "тратиться" на периферию. В результате, "белые" города оказались в красной осаде, со всеми характерными признаками – от продовольственной блокады до пятой колонны. "Тыл" помочь не может, поскольку его нет.

Выборные и по назначению сверху

"Где наши корни? Чьи мы наследники?" – задаются вопросом многие вчерашние неформалы, наскоро составляя уставы и программы новых партий. Кадетов? Эсеров? Народовольцев или думских деятелей? Белого движения или диссидентов 1970-х? А может быть, просто – российский эквивалент христианских демократов и либералов Запада? У монархистов ответ простой, да только эти корни, перерубленные в подвале Ипатьевского дома, уже не оживить: суррогатная монархия России сегодня не спасет. Омерзительный гибрид национал-большевизма – тоже.

На что же нам опереться?

"Земство творило великое культурное дело, то самое дело, в котором так нуждалась страна, только что освободившаяся от гнета крепостного права и требовавшая перестройки всего общественного и хозяйственного уклада жизни.

Постепенно налаживалась работа земства, постепенно перерождался самый уклад жизни, и всё более и более обрисовывалось значение земства как культурной силы. Дело заключалось не только в увеличении числа школ, врачей, агрономов и т. д., дело шло, повторяем, о постепенном перерождении страны. В деревне работали представители земства, интеллигентные силы, которым население всё более и более привыкало доверять.

И так мало-помалу общими усилиями вырабатывались, а затем и проводились в жизнь те основные начала, которые лежат в основе всей земской работы, это — начала равномерности (в общественном смысле слова) в удовлетворении земством главнейших нужд населения и общедоступности для последнего школ, больниц и проч." (Б. Веселовский. Пятьдесят лет работы (1864—1914 гг.), "Вестник Могилёвского Земства" № 1-2, 1914).

Почему никто не вспомнит про них?

"Земство призвано к благоустройению материальной и духовной жизни населения, — в пределах тех мероприятий, которые предустановлены. В целях этого благоустройства земство заботится о грамотности, о развитии, о здравии, о гигиене населения, о дорогах, о воде, об улучшении хозяйства, об увеличении доходности от хозяйства. В нашем земледельческом уезде целью всех забот земства является крестьянин. Земство подходит к нему со дня рождения, посылая земскую акушерку. Земский архитектор строит школу, в которой подрастающего крестьянина учит земский учитель. К нему же, когда он стал хозяином, идет земский агроном, у которого для крестьянина, кроме советов и указаний, имеются земские машины для очистки зерна, земские производители. Земский врач лечит крестьянина, внушает ему правила охранять здоровье; с той же целью земство печатает книги, листки о борьбе с причинами болезней, раздает эту литературу бесплатно. Для улучшения знаний, приобретенных в школе, земство устраивает библиотеки, музеи, а в последнее время Новоузенское земство стало уже простирать свои просветительные заботы и на народный театр. В безводном уезде земство принимает меры к доставлению хорошей питьевой воды. Одним словом, в центре всех попечительных усилий земства первое место занимает население, у нас, в нашем уезде — крестьянин" (Объединение земской работы, "Вестник Новоузенского Земства", январь-апрель 1915).

А некто Владимир Ульянов в 1901 году назвал земства "пятым колесом в бюрократической повозке"...

1 января 1864 года Императором Александром II был подписан указ о введении земских учреждений в 35 губерниях Европейской России и в Области Войска Донского (в Оренбургской губернии земство введено не было, а в Области Войска Донского оно упразднено в 1882 году; в результате осталось 34 земских губернии, перед первой мировой войной их стало 43), причем министру внутренних дел было "высочайше повелено войти с представлением, когда он найдет своевременным, о распространении Земского Положения и на другие губернии".

Для управления земским хозяйством были устроены губернские и уездные "комитеты" и управы. Распорядительная власть была предоставлена губернским комитетам (под председательством губернатора, в составе предводителей дворянства, 6 различных представителей губернской администрации и из гласных, по 2 на уезд, по н а з н а ч е н и ю министра внутренних дел).

В таком виде земское не выборное управление просуществовало до осени 1911 года, когда в шести западных губерниях (Могилевской, Минской, Витебской, Киевской, Волынской и Подольской) было сформировано выборное земство, на основании Высочайшего Указа 14 марта 1911 года, на началах общего Земского Положения 1890 года, с некоторыми от него отступлениями (например, представители различных национальностей были объединены в разные группы для выбора земских гласных).

Сфера земской деятельности

Правительство, опасаясь влияния земства, передало им только хозяйственные дела, касающиеся "польз и нужд" данной губернии или уезда (закон о введении земских учреждений и в волостях был принят Временным Правительством, но осуществить его на деле удалось лишь Врангелю на территории Крыма в 1920 году). Основой земского бюджета было обложение недвижимых имуществ: земель, домов, фабрик, заводов, предприятий и торговых заведений.

"Самая же сущность земского управления заключается в том, что оно само собирает деньги, само и расходует их. Эта особенность земского самоуправления так велика, что она делает земское хозяйство совсем непохожим на хозяйство казны. В самом деле, посмотрите, сколько насущнейших, необходимейших нужд успевают удовлетворять земство сравнительно на ничтожные средства.

Общая сумма расходов всех 34 земств России равнялась за 1903 год 105 миллионам рублей, тогда как наш государственный бюджет за этот же год определяется в 2.071.667 тыс. руб., то есть был в 20 раз больше. Правда, земства до сих пор у нас введены не везде, они обнимают только 34 губернии и только половину всего населения России. Но даже если увеличить вдвое расходы всех земств, т. е. представить себе, что они обнимают всю Россию, то и тогда их бюджет будет в целых 10 раз меньше общегосударственных расходов. На 1 душу населения всех земских сборов приходится в земских губерниях в среднем 1 р. 23 к., тогда как казна берет с каждой души крестьянского населения не менее 10 р. ... Посмотрим теперь, что делают наши земства на собранные деньги, на те 105 миллионов, что ежегодно притекают в их кассу? Самый большой расход, который делают земства, это - на медицину. На каждые 100 р. всех расходов на медицину приходится 28 р. 80 к. Затем идет народное образование - 18 р. 80 к. На дороги расходуется 6 р. 25 к. из 100 р.; на участие в расходах правительственных учреждений (обязательное устройство некоторых зданий, прогоны некоторым чиновникам и пр.) - 5 р. 49 к. На ветеринарию расходуется 2 р. 34 к.; на экономическое благосостояние (агрономия, земские склады, пособия кустарям и пр.) - 3 р. 39 к.; на общественное призрение (призрение подкинутых детей, душевнобольных) - 1 р. 79 к. Остальные расходы идут: на содержание земского управления - 8 р. 92 к., на составление дорожного капитала - 4 р. 88 к., на уплату долгов - 6 р., на устройство мест заключения - 82 к." (Алексей Смирнов. О деятельности земств, "Вестник Владимирского губернского земства", №№ 9-10, 1905).

В 1870 году земским учреждениям разрешено учреждать свою земскую почту: а) для передачи из почтового места простой корреспонденции и выдаваемых по повесткам заказных отправок; б) для передачи корреспонденции всякого рода из отдаленных местностей уезда в ближайшие почтовые учреждения и в) для пересылки всякого рода корреспонденции между местностями, лишенными почтового сообщения. В 1892 году земская почта существовала в 150

уездах 24 губерний. За 1892 год по российской земской почте было переслано 7285,4 тысячи почтовых отправлений. Там, где не справлялось государство, за дело бралось земство.

"Родная сестра Земства - Городская Дума - возникла так же, как и Земство, в эпоху великих реформ по воле Государя Александра II, явившись следствием освобождения крестьян от крепостной зависимости. Знаменательный день освобождения крестьян открыл собою новую эпоху в жизни русского общества. Этот законодательный акт 19 февраля 1861 года произвел коренную перестройку всех общественных отношений, благоприятно отразившись, между прочим, и на благосостоянии городов. С этим великим моментом истории связано начало развития просвещения и промышленности, особенно сильно отразившихся на росте и развитии городов.

Являясь главным органом городского самоуправления, Городская Дума должна заботиться: о капиталах и имуществвах города, о внешнем его благоустройстве, об обеспечении продовольствия и здоровья жителей города, о призрении бедных и других видах благотворительности, о мерах предосторожности от огня и других бедствий, о народном образовании, о развитии местных промышленности и торговли, о призрении сирот и вообще о всех местных пользах и нуждах... Те же заботы лежат и на земстве, только его деятельность шире, захватывает больший район - весь уезд с его значительным населением...

Общность целей Думы и Земства - служение населению, общность программ деятельности - обслуживание и удовлетворение всех насущных потребностей этого населения, несомненно должны указывать на дружную совместную работу этих учреждений. Сам закон стремится объединить город и земство. В земском собрании городской голова является обязательным членом собрания; в свою очередь, председатель земской управы является непременным членом Городской Думы. Но жизнь еще более объединяет эти учреждения... Устраивает ли, например, город среднее или специальное учебное заведение, и им пользуются не только дети городских жителей, но и уезда. Устраивает ли земство больницу, ею пользуются наравне с уездными жителями и горожане... Нуждаясь в городе как центре административного, судебного и др. управления, так и торгово-промышленного центре, земство стремится улучшить подъездные пути к городу, облегчая тем самым, с одной стороны, возможность более быстрого и удобного сообщения уезда с городом, а с другой стороны, косвенно влияя на улучшение экономического положения города" (Ф. Огарков. Что такое городская дума, "Вестник Усманского Уездного Земства", 19 июля 1913).

Чем еще занимались земские "горсоветы" того времени?

"И гласные, и члены управ еще радуются постройке высоких домов - своя-де Америка! С легким сердцем собирались в 1913 году в Харькове дозволить постройку шестизэтажных домов во всех частях города. В Москве идет упорная борьба против стремления части гласных урегулировать безобразную высоту домов, грозящую обратить светлые московские переулки в душные и темные щели... Если помехой на пути стоят законы, то надо дружно требовать и настаивать на проведении новых; если нет средств, их надо искать. Но в основе всего лежит воля к действию, вытекающему из отвержения действительности во имя новых требований... Нужно добиваться законодательства, дающего городам широкие права в области планировки и урегулирования строительства (безумна мысль установить однообразные ограничения для всей Империи, исходящие от законодательной власти), увеличения числа источников обложения и расширения бюджетных прав городов. Но, повторяем, нужно прежде всего иначе смотреть на вопросы строительства и планировки, чем это делали до сих пор, и признавать их громадное значение. Только тогда мы подойдем вплотную к объяснению причин дороговизны наших квартир и других вопросов, попутно подымаем ряд вопросов громадной важности и выдвинем ряд работников, которые теперь остаются без занятий, на которые, занимаясь одной стороной го-

родского дела, внесут в него вообще новый дух и ускорят смену деятелей прежнего типа новыми людьми" (Планировка, "Вестник Омского городского общественного управления", март 1914).

В связи с началом Первой мировой войны Земства и Городские общественные управления взяли на себя дополнительную нагрузку – помочь раненым, беженцам (через созданный в 1914 году Земский и Городской союзы), а также участвовали в мобилизации кустарной промышленности для снабжения армии вооружением и снаряжением, создав с этой целью 10 июля 1915 года объединенный комитет – Земгор. При всем трагизме тех лет трудно удержаться от того, чтобы не процитировать отчет о "думском суждении" в г. Томске ("Вестник Омского городского общественного управления" № 17, сентябрь 1914). В конце XX века, после всех войн и революций, коверкавших народное сознание, когда жалость к пленным и заключенным становилась редкостью, трудно себе представить, что русским земствам во время 1-й мировой приходилось заниматься вопросом военнопленных совсем в ином ключе:

"Гласный Д. Е. Лефельд. Ко мне как к гласному обращалось несколько лиц с вопросом, когда же будет приступлено к работам, когда военнопленные будут обучены в своих правах, т. е. не будут так лентяйничать. Мы видим, что они шляются по ночам по улицам с барышнями, обыватели возмущаются, и думе, которая является выразительницей желаний обывателя, надо несколько реагировать на это.

П. В. Вологодский. В Оренбурге изданы правила содержания пленных, и довольно строгие. Их можно найти в «Оренбургском Листке». Там все пленные в 9 ч. вечера должны быть на местах; им воспрещается гулять группами по главным улицам, никакие сборища около их мест не допускаются, и есть целый ряд других ограничительных правил...

Д. Е. Лефельд... Пленные по целым ночам вереницей фланируют по улицам. Нам, обывателям, неприятно смотреть на их развязность. Кроме того, некоторые барышни доходят до психопатства, они подносят пленным букеты, фрукты. До чего же мы дожили! Ведь это смешно...

К. Р. Эман. Поведение наших барышень и барынь – плод их недомыслия. Мне кажется, достаточно, если в эдешних газетах появится полное осуждение им. Может быть, те, которые не задумывались, поступая некорректно, задумаются и поймут, какое они делают позорное дело".

Пройдет четыре года. Земские учреждения будут ликвидированы большевиками, а вопрос с пленными на гражданской войне решится значительно проще...

Отношения с властью

Взаимоотношения земства и правительства были далеки от идиллии:

"В заботах об усовершенствовании государственного управления Возлюбленный Родитель Наш Император Александр Третий почел за благо теснее сочетать деятельность земских учреждений с установлениями правительственными и усилить участие в земском деле наиболее просвещенного круга избирателей. Широко приобщив вследствие такого преобразования силы свои к земской работе, неизменно отзывчивое к Монаршим предначертаниям дворянство и здесь внесло в общее дело самоотверженное, как всегда, служение благу наиболее нуждающегося в земской помощи населения, близкого сердцу нашему крестьянства" (Николай II, из "Высочайшего

рескрипта по случаю пятидесятилетия земских учреждений", в Царском Селе, 8 января 1914).

На деле это означало попытку Александра III усилить дворянский элемент и административный надзор за земством.

Справедливости ради стоит заметить, что в 1916 году лидеры Земгора практически находились в оппозиции правительству (вплоть до решения принять участие в дворцовом перевороте* и таким образом объективно содействовали развалу страны. Вина в том, что произошло в 1917 году, лежит на всех слоях российского общества, в котором, по словам Кривошеина, — "паралитики власти слабо боролись с эпилептиками революции". Если бы наследники Царя-Освободителя не тормозили распространение Земского Положения на все губернии империи и не препятствовали распространению деятельности земств на все области местной жизни, быстрее прошли бы и Столыпинские преобразования и была бы выбита почва из-под ног революционеров. Но... "Россия — это тот корабль, который затонул у входа в гавань", — скажет впоследствии Уинстон Черчилль.

"Согласно разработанному Кржижановским проекту, — писал А. П. Столыпин ("Посев" № 12, 1984), — значительная часть Империи должна была быть разделена на 11 областей — и в каждой из них образовано Земское собрание и областное правительственное управление. К управлению должны были привлечены местные деятели, а Земские собрания (образуемые на основаниях, принятых для земских выборов) получали широкое право местного законодательства по всем вопросам, не имевшим общегосударственного значения. Во главе каждой области должен был стоять не генерал-губернатор, а гражданский возглавитель...

В 1909 году этот проект, сопровождавшийся мотивированным докладом Столыпина, был представлен на усмотрение Императора, поскольку прежде всего необходимо было заручиться в таком деле поддержкой верховной власти".

Николай II одобрил предлагаемые преобразования, но решил отложить этот вопрос до выявления результатов сотрудничества с Третьей Думой.

"Оттяжка, — пишет Аркадий Столыпин, — оказалась равносильной отказу: после убийства Столыпина ни вопрос о децентрализации, ни другие проекты реформ на обсуждение больше не поднимались".

Значение земского опыта

Голоса из прошлого. Какое значение это имеет сегодня? Параллели здесь будут явно натянутыми: Горбачев на роль Александра III не годится, сравнивать упрямое русское дворянство с тупой номенклатурой, а оппозицию конца нашего века — с революционерами его начала — нонсенс. И все-таки — не вся свободомыслящая российская интеллигенция прошлого ушла в революцию или бездеятельность, были и они — "деловики", земские труженики. Те, кто не считал, что изменить к лучшему жизнь огромной империи можно лишь через "разрушение до основанья", те, кто начинал менять ее на уровне города, уезда, губернии. И трудно обвинять их в том, что не хва-

* В конце декабря 1916 года глава Земского союза князь Львов направил к вел. кн. Николаю Николаевичу посланника с целью убедить его свергнуть с престола племянника и провозгласить себя императором.

тило им 54-х отпущенных земствам лет, чтобы довести дело до конца. Но ими был накоплен огромный опыт переделывания (не хочется говорить "перестройки", хотя слово это в эпоху Александра II было весьма популярно) крепостнической страны в мощное современное демократическое государство, построенное на началах частной собственности, сильной центральной власти и местного самоуправления.

Сегодня борьба с уродливой централизацией часто выливается в формы сепаратизма - куда как проще, не углубляясь в суть коммунистической идеологии и мафиозного режима, обвинить во всем "русских империалистов" и под национальным знаменем броситься в борьбу за независимость Эстонии, Молдавии, Гагаузской республики, Нахичевани, Дальневосточной республики (знают ли последние, что из себя представляло это, просуществовавшее 2 года, искусственное буферное государство?). Сепаратисты перечисляют все беды, принесенные центром в их край, обвиняя метрополию - Россию, закрывая глаза на то, что российская глубинка живет гораздо хуже "угнетенных" Прибалтики, Закавказья или Западной Украины.

Российская оппозиция "заняла" несколько городов, забыв про провинцию, в которой живет большинство населения страны. Работа на периферии для современного политического деятеля и труднее, и неблагодарнее. Там и партаппарат все сильнее, и страха в народе больше, и пресса почти полностью подконтрольна местной красной мафии, и даже в случае успеха известность победившему "грозит" лишь в очень ограниченном кругу людей.

"Большая часть наших политических и культурных идеологий страдает централизмом. Всегда чувствуется какая-то несоизмеримость между этими идеологиями и необъятной русской жизнью", - писал в начале века великий русский мыслитель Николай Бердяев (книга "Судьба России" - сборник статей, написанный в России и эмиграции, вышедший в этом году в Москве).

Что часто удивляет при ознакомлении с неформальными изданиями "губернского и уездного уровня" в наше время, - это общая постановка проблем, не отличающаяся от таких же изданий столиц и крупных центров. Конечно, почти все современные беды страны так или иначе гнездятся в системе, не ограничивающейся областью или районом. Но выиграть опору в народе и завоевать сердца избирателей можно лишь детализированными, конкретными альтернативными предложениями и требованиями, направленными на борьбу с местными недостатками, пусть они и возникли по вине власти центральной.

Сегодня:

- недостаточно требовать закрытия экологически вредного предприятия, находящегося в данном регионе. Необходимо составить продуманный план его замены, перестройки в экологически чистое, трудоустройства работающих на нем;

- недостаточно критиковать местное руководство и его методы работы на своих постах. Необходимо создавать свою, четкую, понятную и выполнимую программу преобразований на местном уровне, в поддержку которой можно будет мобилизовать местные здоровые силы общества;

- необходимо быть в курсе местных проблем - через отстройку сети знакомств в среде местных специалистов в различных сферах

жизни региона. Информированность современного "земца"-оппозиционера должна быть лучше информированности ставленников номенклатуры. Любимый козырь партаппарата - обвинение противников в некомпетентности и дилетантизме - должен быть бит;

- необходимо отстраивать сеть местных независимых изданий, направленных не только на критику режима, но прежде всего - рассматривающих возможности решения важнейших проблем региона и предлагающих альтернативные существующим ныне пути его развития.

"Начавшись лет пятнадцать тому назад, - писал в январе 1915 года «Вестник Новоузенского Земства», - единичными попытками, в Вятском, затем в Пермском земстве, газеты и журналы в настоящее время насчитываются уже у большого ряда земств, возникают по одному, по два ежегодно, и не будет преувеличением сказать, что недалеко уже то время, когда не останется такого земства, где не имелся бы собственный периодический орган. И это вполне естественно: кому же, как не земству, стоящему в непосредственной близости к населению, и откликнуться на созревшую и гигантски растущую потребность этого населения в печатном слове. А потому и не может подвергаться сомнению рост и развитие этого нового фактора зрелой поры земства".

★

Потенциал для нового земского движения на российской периферии есть. Найти его, снабдить необходимой информацией, литературой, обеспечить минимальную поддержку через независимую печать центров - задача столичной оппозиции.

Не только с пропагандной предвыборной кампанией должны появляться в районных и областных центрах московские и питерские "демократы" - костяк оппозиции должен обрести "мясо" областей и районов. Только тогда мятежные центры обретут прочный тыл, способный выдавить из клеток нашего общества опухоль номенклатуры.

...Пылятся по книгохранилищам и чердакам земские журналы и газеты. Станут их пожелтевшие страницы лишь курьезом для историков, которые смогут в очередной раз вздохнуть: "Боже, какая была страна!", или найдутся люди, сумеющие отыскать в земском движении нечто более важное - корни движения за обновление и освобождение России?

"В основу создававшегося им «здорового ядра» русской государственности Врангель ставил два активно проводившихся мероприятия: земельную реформу, близкую по замыслу к столыпинской, и введение местного демократического самоуправления. Волостное земство, введённое в Крыму, он мыслил как первый этап строительства будущей России. Из волостного земства должно было в дальнейшем вырасти земство уездное, а из него - «областные собрания». Когда позволят обстоятельства, представители местного самоуправления соберутся в «Общероссийское собрание», которое и решит, какая власть будет руководить страной." (Николай Росс. "Политика генерала Врангеля", "Посев" № 8, 1983)

О Пражской конференции

Н. КАЛЯКИН, В. КРАСНОВ

С 4 по 6 июля в столице Чехо-Словакии Праге состоялась конференция представителей оппозиционных движений внутри СССР и видных правозащитников, оказавшихся в эмиграции. Главными организаторами конференции были американская консервативная организация "Национальный совет поддержки демократическим движениям в СССР" и ассоциация "Демократия и независимость", созданная в прошлом году в Париже группой эмигрантов. В последнюю входят такие видные правозащитники, как Владимир Буковский, Паруйр Айрикян, Айше Сейтмуратова и Ирина Ратушинская.

В числе гостей были представители оппозиционных движений большинства союзных республик: Армении и Азербайджана, Литвы и Эстонии, Молдавии и Украины, Белоруссии и России. Знаменитым временем было то, что конференция происходила не где-нибудь, а именно в Праге. Ведь девизом ее был "Мирный путь к демократии", а за прошедший год именно Чехо-Словакия стала лучшим примером мирного преобразования тоталитарного государства в правовое. "За период господства коммунизма в нашем регионе пролилось достаточно крови", - сказал в своем приветствии участникам конференции президент Чехо-Словакии Вацлав Гавел, сам бывший диссидент и узник совести.

Была ли конференция успешной? Судя по отзывам, появившимся в эмигрантской (ню-йоркское "Новое Русское Слово" и парижская "Русская Мысль") и американской печати (комментарии таких видных журналистов, как Роланд Эванс, Роберт Новак и Дон Федер), ответ должен быть вполне положительным. Собственно, нам тоже хотелось бы присоединиться к хвалебному хору, тем более, что конференция похвал заслуживает и похвалы у нас есть. Однако заслуживает она и критики. Именно заслуживает, потому что начинание это хорошее, но оно едва ли пойдет в гору без исправления недостатков, которыми и посвящено наше письмо.

В личном плане - конференция нам обоим очень понравилась. Было приятно познакомиться со многими умными, честными и мужественными людьми. Было отрадно видеть, как армяне и азербайджанцы, грузины и абхазы, русские и евреи, молдаване и украинцы, белорусы и литовцы мирно обсуждали чрезвычайно сложные проблемы. Доставляло удовольствие видеть демократию в действии, особенно когда по-деловому беспристрастно председательствовал Айрикян, отсидевший срок (неправый, конечно), выброшенный при Горбачеве за границу, а теперь заочно выбранный в Верховный Совет Армении. Мы восхищались красноречием Каспарова и Буковского, когда они разносили западные демократии за то, что те стали на сторону коммунистического режима, а не демократической оппозиции.

Должны сразу оговориться, что присутствовали мы на конференции не как участники, а в качестве наблюдателей от Конгресса Рус-

ских Американцев, культурно-просветительной организации американцев русского этнического происхождения. И хотя мы были "только" наблюдателями, но "сторонними" нас не назовешь. Один из нас, Калякин, родился и вырос в Праге, в семье русского морского офицера, вынужденного эмигрировать из большевистской России, а потом вывезенный немцами как "остарбайтер". Другой, бывший редактор Московского иновещания, беглец со "стажем", в бегах еще с "предзастойных" хрущевских времен. Разумеется, как и участники конференции, мы кровно заинтересованы в мирном раскрепощении и благоденствии нашей родины.

Главный недостаток конференции связан с вопросом о ее представительности. Были бы на конференции представлены главные оппозиционные и демократически настроенные движения, способные решающим образом повлиять на судьбу распадающейся Советской империи? Думается, что нет. Не беремся судить о нерусских республиках, но Российская федерация была представлена очень однобоко. Был "Демократический союз" (Сергей Скрипников), была "Демократическая партия России" (Гарри Каспаров, Георгий Хаценков и депутат СССР Геннадий Бурбулис), был представитель избирательного блока "Демократическая Россия", член Моссовета Дмитрий Катаев, был известный оппозиционный журналист Василий Селюнин. Были приглашены, но не появились по разным мотивам Юрий Афанасьев, Николай Травкин, Илья Заславский.

Но, к нашему большому огорчению, не было тех, кто, казалось бы, обязательно должен был быть. Не было представителей Российского Христианско-Демократического Движения (Виктор Аксютин, отец Глеб Якунин). Не было представителей ни Христианско-Демократического Союза (Александр Огородников), ни русского Христианско-патриотического движения (Владимир Осипов). Не было Игоря Огурцова, основателя ВСХСОНа (Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа), отсидевшего пятнадцать лет лагерей и находящегося сейчас в эмиграции. Не было даже представителей НТС (Народно-Трудовой Союз Российских Солидаристов), старейшей эмигрантской политической организации, посвятившей себя борьбе за освобождение России от тоталитарного строя. А ведь в рядах НТС есть и советские граждане, такие, как Валерий Сендеров, тоже отсидевший срок.

Все эти отсутствующие – настоящие борцы за свободу, говорившие правду о коммунизме в еще безгласную эпоху и заплатившие за это, как Буковский и Айрикан, тюрьмой и остракизмом из общества, в котором иные из участников конференции тем временем делали карьеру. Мы далеки от того, чтобы обвинять кого-либо лично из новоявленных демократов. Но, с другой стороны, мы не слышали на конференции ни одной покаянной речи, ни одного открытого признания в личном участии во всеобщей лжи, на которой система всегда держалась и сейчас держится.

Поэтому и вопрос: была ли эта конференция съездом героев сопротивления тоталитарной системе? Или форумом (и даже кормушкой, поскольку поездка для многих была оплачена организаторами) для попутчиков – сначала тоталитаризму, теперь демократизму? Съездом возникающей демократической оппозиции или сборищем оппортунистов, держащих теперь нос по демократическому ветру? Несомненно, первые преобладали. Но все-таки горько сознавать, что

многих людей, которые тюрьмой заплатили за то, что первыми явочным порядком осуществляли гласность и демократизацию, не было. Зато было много новоявленных демократов, которыми теперь, в условиях растерянности и развала режима, хоть пруд пруди. Мы сомневаемся не в благой воле устроителей и организаторов, а в их критериях для выбора участников.

Непредставительный (или однобокий) состав участников был особенно заметен среди Российской делегации. Не случайно, представитель ДС Скрипников отметил в своем выступлении, что в то время, как во всех окраинных республиках два главных течения политической оппозиции тоталитаризму – борьба за демократию и борьба за национальное самовыражение – быстро сливаются или уже слились в единый поток национально-демократической революции, в России этого отнюдь не происходит. Не происходит якобы потому, что русские националисты не находят общего языка с русскими демократами.

Возможно, так оно и есть. Но нельзя этот факт просто констатировать. Надо искать общий язык, чтобы стать на путь русского антитоталитарного единения. И задатки для этого есть. Во-первых, такие "просвещенные русские патриоты", как Аксютин и Якунин, входят в блок "Демократическая Россия". Во-вторых, никто из других вышеназванных русских патриотов (или "националистов") от демократии не зарекался. В-третьих, советская статистика подтверждает, что "имперское" сознание стремительно выветривается среди коренного русского населения, особенно когда речь идет о сохранении "Советской империи". Русские все больше внимают совету Солженицына сосредоточить свое внимание на исконно русской территории. Этот факт отразился в избрании Б. Н. Ельцина на высший пост РСФСР, а также в принятии Декларации о суверенитете России огромным большинством депутатов самых разных политических и этнических корней. Конференция в Праге могла бы помочь слиянию национальных и демократических сил России в единый антитоталитарный поток. Увы, такая возможность была не только упущена, но даже и не обсуждалась.

"Даешь демократию! Долой империю!" – теперь скажет каждый кому не лень. К сожалению, Пражское Воззвание, главный документ, принятый группой инициаторов конференции, отличается именно такой лозунговой демагогичностью. "Неспособные управлять и заинтересованные только в сохранении собственной власти, Горбачев и его коллеги по руководству вольно или невольно тащат страну в пропасть гражданской войны", – такая оценка положению в стране дается в Воззвании. Не нам защищать Горбачева, а гражданской войны мы и подавно не хотим. Но какую же альтернативу предлагают авторы Воззвания, обращаясь "в час смертельной опасности... к народам советской империи, ко всем движениям и организациям"?

"Независимо от вашей прошлой и настоящей деятельности, от ваших взглядов и мнений, объединяйтесь ради будущего в поддержку самых основных требований: независимости республикам, свободного рынка и демократии для всех". Такая альтернатива представляется нам не только беспринципной, но и по существу антидемократической. Беспринципна она потому, что призывает объединиться овец с волками в овечьих шкурах. Мы, может быть, и поверили бы в этот библейский идеал, да только на самой конференции мы не были свидетелями ни волчьих покаяний, ни попыток единения их жертв.

Антидемократична же она потому, что требует не национального самоопределения, а сразу же и независимости. Такая предрешенческая позиция малопредставительной группы авторов (воззвание подписали 22 инициатора из разных республик, всего же на конференции было более шестидесяти участников, не считая прессы и организаторов) сразу же ставит под сомнение их посулы "демократии для всех". Предрешенчески подходят они не только к национальному вопросу, но и к экономике, и к политике. Так, свободный рынок объявляется панацеей для всех республик, независимо от их исторических и духовных традиций или географических условий. Да и "немедленный роспуск Союза ССР", которого требует Воззвание, едва ли утихомирит межнациональные конфликты. Как бы такая "демократия для всех" не обернулась на самом деле "демократурой" новых догм.

Ни тот, ни другой из нас никаких особых просоциалистических симпатий не питает. Но мы оба сознаем, что, хотим мы этого или нет, разного рода социалистические и социал-демократические партии стали неотъемлемой частью общественных структур во всем мире и особенно в Западной и Центральной Европе. Не лучше ли объединяться вокруг экономической многоукладности, при свободном соревновании разных укладов и плюрализме их идейных обоснований? Надо по крайней мере уважать право каждого народа определить свой экономический уклад (или, что вероятнее, многоукладность). Для русских же, которых насильственно отучали от свободного рынка дольше других народов, не может быть и речи о достижении национального единства, если социализм как идеал социальной справедливости или как один из соревнующихся укладов (в форме ли артели, общинного совладения или просто социального страхования) заранее исключается из демократической игры. (Другое дело, если бы авторы оговорились, что они имеют в виду нынешний тоталитарный социализм, который, мы согласны, "нельзя ни перестроить, ни реформировать".)

Второй крупный недостаток Возвания в том, что оно обращено почти исключительно к национальным окраинам, а не к коренной России. Может быть, не случайно адресовано оно "к народам (не сказано «ко всем») советской империи". Хотя в нем нет прямых антирусских выпадов, тон его может быть воспринят как антирусский. Мы лично его так не воспринимаем, но некоторые фразы несомненно дадут повод для болезненной реакции среди русских читателей, даже тех, кто верит в "демократию и независимость" не менее горячо, чем его авторы.

Во-первых, весьма спорно утверждение, что "во многих случаях (межнациональные) конфликты создаются подстрекательством центральных властей". То, что режим старается переложить вину за такие конфликты с большой головы на здоровую, то есть с марксистско-ленинского национального нигилизма на справедливые требования национального самовыражения, это несомненно. Но утверждать, что он их создает, может вызвать только недоумение. Иные читатели спросят: а не демагоги ли наши новые демократы, как и предоктябрьские большевики, валившие все беды на центральные власти?

"В России та же политика (Горбачева? центральных властей?) проявляется в покровительстве (чьем?) откровенно антисемитских групп", - говорится далее в Возвании. И тут же, не переводя дыхания: эта "игра уже привела к взрывам насилия с сотнями убитых,

тысячами раненых и сотнями тысяч потерявших кров". Поскольку это единственное место в Воззвании, где говорится о России, создается впечатление, что коммунистический режим и русский народ пре-красно "сыгрываются" друг с другом в разжигании национальной розни и особенно антисемитизма. А о многочисленных бедах, кото-рые этот режим принес России и которые теперь признает даже советская печать, ни слова.

Мы далеки от того, чтобы отрицать рост юдофобии (антисемитиз-ма) или недооценивать ее пагубного влияния на всю страну. Но мы убеждены, что повсеместное выпячивание юдофобии при полном умолчании о разгаре русофобии и всех других национальных фобий про-изводит обратный эффект, то есть стимулирует рост юдофобии. Уж если согласиться с авторами Воззвания, что "центральные власти" с помощью КГБ создадут национальные конфликты (мы бы сказали, ма-нипулируют ими), "чтобы представить самих себя необходимым ин-струментом мира и спокойствия", то их самым несомненным успехом надо признать распространение на Западе и в СССР мифа о том, что русский народ - юдофоб и антидемократ по природе и что ни к чему лучшему, чем "Память", русское национально-религиозное возрождение привести не может. А отсюда делается вывод, что толь-ко "твердая рука" Красного Кремля является гарантом "мира и спо-койствия", так как она якобы удерживает русский народ от "экс-тремизма".

Вообще раздувание всех национальных фобий в интересах не только центральных властей. Они также в интересах адептов комму-нистической идеологии в окраинных республиках и на Западе. Осознав, что их идеология полностью обанкротилась, они спешно перестраиваются сейчас на "свободный рынок" и "общечеловеческие ценности", а в республиках примазываются к народным фронтам. Для них нет лучшего оправдания своего постыдного (а часто и преступ-ного) коллаборантства с Москвой, чем ссылки на "искажение" якобы вполне прогрессивного западного учения русскими и "прочими ази-атами". А их русские товарищи-коммунисты, в свое оправдание, спохватились очищать Ленинскую, якобы "русскую", революцию от влияния "сионистов" и прочих "нацменов". Ни те, ни другие не осме-ливаются публично признать, что сами верили и других заставляли верить в идеологию, антинациональную и антигуманную по своей сути. Поэтому нет лучшего лекарства от всех этих фобий, чем раз-облачение антинациональной сущности идеологии, над которой теперь все смеются, но которая продолжает отравлять сознание людей всех национальностей.

Это подводит нас к заключительному абзацу Воззвания. Отме-чая, что экономическая помощь Запада режиму Горбачева "способна лишь продлить его агонию и страдания людей", авторы выражают надежду, что западные демократии делают это "в силу недоразу-мения". Нам тоже хотелось бы так верить. Увы, сочинения некоторых ведущих западных советологов говорят о другом. Еще прошлым летом профессор Хью Рэгсдэйл, человек далеко не коммунистических убеж-дений, советовал американскому правительству перейти на свое "новое мышление", а именно: "изыскать методы сохранения и спасения Советской власти. От кого? Главным образом, от русских".

С точки зрения таких профессоров, русский народ представляют не те русские демократы, которые съехались в Праге, не те русские

патриоты, которых туда не пригласили, а "Память", за которой, по его мнению, стоят чуть ли не все "русские писатели", так как русским либерализм—де по натуре противопоказан. Интересно, однако, что договорившись до такой русофобии, он отнюдь не скрывал, что его мнение о других плененных народах еще ниже. Он даже сделал русским "комплимент". Ибо, по его мнению, именно русские войска под руководством Горбачева "поддерживают полудивилизованный порядок" среди "восточных европейцев" и "западных азиатов" (Кавказ и Средняя Азия) и таким образом "охраняют" западную цивилизацию от "бесконечного хаоса".

К сожалению, такие рассуждения влияют на западную политику, не говоря уж о влиянии на нее западных промарксистов. Запад оказался на стороне Горбачевской империи не "в силу недоразумения", а из-за бессилия западной советологии и изучения коммунизма вообще, завязших в тисках между Сциллой марксифилии и Харибдой русофобии. Поэтому подсоветские демократы не должны уповать на помощь западных правительств, хотя часть западной общественности им несомненно симпатизирует. Но больше всего они должны полагаться на собственные силы. А для этого они должны бороться против любых проявлений национальной розни, в том числе и против русофобии. Патриотически настроенные демократы окраинных республик должны найти общий язык с демократическими настроенными русскими патриотами. Только совместными усилиями они смогут мирно преодолеть тоталитарный режим, будь то в форме "Советской империи" или в форме фактического единовластия КПСС.

Один из американских устроителей, Роберт Райли, правильно заметил, что демократии грош цена, если она не опирается на исторически сложившуюся в каждой данной стране морально-этическую основу. Для России такой основой он назвал христианство. К сожалению, никто из советских участников конференции даже близко не подошел к вопросу о связи между нынешним обвалом системы и банкротством атеистической идеологии. Как русским американцам, пользующимся полной свободой совести в Соединенных Штатах, нам хотелось бы услышать на будущих конференциях серьезный разговор о связи демократических процессов с национально-духовным возрождением всех народов, выходящих из-под ига первой (и, надеемся, последней) в мире откровенно безбожной империи.

*Калифорния, США
август 1990*

"Все народы России равноправны; никто из российских граждан не может подвергаться ограничениям в правах вследствие своей принадлежности к тому или иному народу.

Законом пресекается пропаганда национальной ненависти, дискриминации отдельных народов и призывы к насильственному разрушению единства Российского государства.

Конституция Российского государства предоставляет каждому народу свободу развития самобытной культуры, изучения родного языка и употребления его в местных учреждениях, школах, театрах, в печати, на собраниях и т.д." (Программа НТС, 1974 г., глава 16).

О национальной символике

А. КОЛИН

В тех общественно-политических процессах, которые образуют содержание радикальной и генеральной "перестройки", происходящей ныне в нашей стране, наряду с экономическими, организационными и другими важными факторами, заметную роль играют также факторы психологические, которые, в частности, находят свое отражение в национальных, государственно-политических символах. Их утверждают или отрицают, воскрешают или предают забвению, созидают или разрушают, и это придает массовый размах общественным движениям, поскольку символы не только отражают идеи и эмоции, но и мобилизуют, формируют, сплачивают ряды единомышленников.

К таким символам, в первую очередь, относятся флаг, герб, гимн. И можно было наблюдать, как в восточноевропейских странах, при низвержении коммунистических режимов, жгли флаги или вырезали гербы из национальных флагов, сбивали гербы со зданий, предавали забвению бравурные гимны.

Обычно в новую эпоху создают новые символы. Но в наше время люди обоснованно испытывают аллергическое отвращение к социально-новаторству и больше склонны к поискам стабильных решений из опыта мировой практики или собственной истории.

Небезынтересно коснуться этих поисков.

Флаг

Общественные собрания и демонстрации в столице и других городах России проходят ныне под российским государственным флагом, каким он был до Октябрьского переворота. Он создан в 1699 году Петром Великим, и в советской прессе можно найти публикации клише собственноручного начертания Петром флага из трех горизонтальных полос с надписями (сверху вниз): "белое, синее, красное" (в геральдике предпочитается светло-синее). Там же/1/ - проект военного-морского "андреевского флага": на белом фоне синий косой крест ("знак умножения"); по преданию, на таком кресте был распят апостол Андрей.

Под трехцветным бело-сине-красным знаменем сражались русские войска в Полтавском, Бородинском сражениях, на фронтах первой мировой войны, и душе простого солдата был близок его пейзажный характер: встречались картинка, изображавшие берег в цветущих маках, синее море и светлооблачное небо. В годы советско-германской войны антикоммунистические отряды сразу же поднимали российский национальный флаг. И лишь особые внешние обстоятельства побудили потом принять военный андреевский флаг, но и тогда кое-где в него добавляли красную полосу вдоль древка. Недавно издана внушительная книга о символике и эмблематике, с солидными геральдическими сведениями/2/, но тут много иррационального, с наслоениями историко-традиционного порядка.

Бело-сине-красный флаг есть российский национальный флаг, не связанный с монархической формой правления (монархический флаг другой), и он оставался государственным знаменем после Февральской революции, вплоть до захвата власти большевиками.

Кое-где были попытки использовать андреевский флаг в качестве знамени для этнически-русского движения; но неизвестно, насколько это практически нужно, а различные течения в этой части политического спектра грешили шовинистическими нюансами, внося лишний раздор в ряды реформаторского фронта. С другой стороны, высказывались намерения предложить андреевский флаг для предполагаемой конфедерации или ассоциации по проектам разрабатываемого нового Союзного договора; но практика Британского содружества и Франко-африканского сообщества обходится вывешиванием флагов всех стран-участников.

Так или иначе, но для Российской федерации проблема знамени решена однозначно: им стал исторически-традиционный трехцветный бело-сине-красный флаг российской государственности, который уже веет над массовыми демонстрациями, вдохновляя и сплачивая граждан, и даже появляется на столах депутатов в Верховном совете РСФСР.

Герб

Совершенно очевидно, что нынешний, советский герб не отвечает ни степени развития тех социальных идей, которые в нем заложены, ни падению престижа самих этих идей. Его давно уже пора убрать из парламентских залов, с фронтонов общественных зданий, с бланков официальных бумаг - как это сделано в бывших "странах народной демократии".

Центральный знак герба - серп с молотом - носит социологически устаревший классовый характер и символизирует две общественных группы физического труда, которые в социальной стратификации асимптотически сокращаются, уступая место работникам умственного труда, интеллигенции. Даже в духе классового подхода уже пора было бы добавить, скажем, перо как символ умственного труда или, по меньшей мере, циркуль как символ технической интеллигенции, что было сделано в гербе покойной ГДР.

Но в советском гербе узкоклассовый символ еще наложен на земной шар, отражая интернационалистский вселенский замысел коммунистического тоталитаризма, и всё обмотано лентой с архаичным лозунгом из прошлого века "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Эти идеи никак не соответствуют ни времени, ни настроениям народа.

Новая, федеративная Германия, избавившись от ига идеократического тоталитаризма, обратилась к собственной истории и приняла старый имперский символ - орла, изъяв корону и пр. Думается, и у нас есть основания обратиться к истокам и принять двуглавого орла в его первоначальном виде, без позднейших нагромождений (вплоть до рассеянных по крыльям провинциальных гербов Царства Казанского, Царства Астраханского и пр.). Двуглавый орел, перенятый у Византии, символизировал биконтинентальный, европейско-азиатский, западно-восточный характер государства. Это остается действительным для нашей страны и поныне.

В 1472 году его привезла в Москву наследница византийского престола царица Софья, вышедшая замуж за великого князя москов-

ского и всей Руси Ивана III, который принял его в качестве герба нашего государства. Этапы вековой его эволюции описаны в литературе/3/. Но интересно, что его первоначальный вид (рис. 1) был почти точно воспроизведен на первых банкнотах Временного правительства в 1917 году (рис. 2), а потом, с некоторыми незначительными атрибутами, повторялся на деньгах различных территорий (фронтов) Белой армии.

Рис. 1

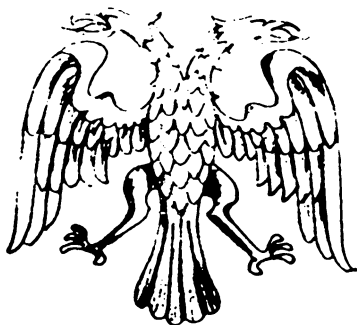

Рис. 2

Принятие его для новой России было бы оптимальным компромиссным решением, отвечающим требованиям истории и момента.

Гимн

С 1917 по 1943 год советским государственным гимном служил "Интернационал" — "международный пролетарский гимн" (текст французского поэта Эжена Потье, музыка бельгийского композитора Пьера Дегейтора). В 1943 году был распущен Коминтерн, военное напряжение требовало мобилизации патриотических чувств, и с 1 января 1944 года по радио зазвучал Государственный гимн СССР (текст С. Михалкова и Г. Эль-Регистана, музыка А. Александрова); "Великая Русь" была связана с именами Ленина и Сталина. После смерти Сталина вскоре гимн превратился в "песню без слов": звучала только мелодия. В 1977 году, под руководством партийного идеолога М. Сулова, первоначальный текст был скорректирован в духе победоносного шествия к светлому будущему под водительством компартии, но теперь и это не годится, а оставшаяся же мелодия напоминает мотив песни про "партию Ленина, партию Сталина, мудрую партию большевиков".

Нынешняя "песня без слов" как бы символизирует нынешний "Союз без республик", где отчленяющиеся республики обращаются к собственным решениям. И в мае текущего года Совет министров РСФСР образовал "Комиссию по созданию Государственного гимна РСФСР"/4/ из 38 человек, включая С. Михалкова, соавтора старого гимна СССР ("Нас вырастил Сталин").

Но в общественности уже высказывались предложения поискать материал в прошлом, и идеальным было бы найти его у классиков русской поэзии и музыки.

Идея государственного гимна, вообще говоря, не такая древняя. Англичанин Кэри в XVIII веке первым написал национальный гимн

"Боже, храни короля", и в то монархическое время в европейских странах стали возникать гимны на его мелодию. В России текст написал академик А. Востоков, но его отгеснил гимн "Коль славен наш Господь" М. Хераскова с мелодией Д. Бортнянского. Лишь в 1833 году, по заданию царя Николая I, придворным композитором А. Львовым был создан гимн "Боже, царя храни" на слова В. Жуковского; ему суждено было звучать до 1917 года (в эмиграции генерал Врангель тоже считал его исполнение "неуместным").

В начале нэпа в рязанских средних школах учитель музыки и пения разучивал, среди прочего, избранные строфы поэмы И. С. Никитина "Русь" по упрощенным нотам композитора Э. Ф. Направника:

Широко ты, Русь,
По лицу Земли,
В красе царственной,
Развернулася!
У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

Но вскоре уроки отменили, и учитель исчез.

Имеется еще "Гимн свободной России" композитора А. Т. Гречанинова на английский текст Кларенса Лукаса (фраза из него служит позывными для русских передач радиостанции "Свобода").

Но наиболее приемлемой кажется "Патриотическая песнь" М. И. Глинки - нотный набросок отечественного гимна, написанный им в том же 1833 году, что и гимн А. Львова. В "Литературной газете" (28.2.90) Б. Годовкин подробно писал об этом произведении и даже упомянул о тексте, подготовленном к 800-летию Москвы, но это было при Сталине (1947).

Немецкий ученый Ульрих Рагоцат в 1982 году издал книгу "Национальные гимны мира", где изложены (в немецком переводе), анализированы, снабжены историческими справками, иногда и нотами, гимны всех стран для того времени/5/. В подавляющем большинстве они воспевают родную страну, ее красоты, народ и культуру, верность духовным и социальным ценностям. Трудно сыскать прославление партийных доктрин и вождей.

Очень элегантно вышли немцы из политических потрясений: они ограничились лаконичными строками последней, третьей части старого гимна:

Единство, право и свобода
Для немецкой родины!
Будем все к тому стремиться
Братски, телом и душой!

Единство, право и свобода
Будут счастья залог -
Процветай же в блеске счастья
Цвети, немецкая земля!

Думается, для России нужно было бы воспеть просторы, красоту и богатства страны, многообразие и единство народов и культур, идеалы правды, добра и духовного расцвета, принципы человеческих прав, гражданских свобод и вольного труда.

Что же касается потребностей момента, то наиболее подходящей представляется маршевая песня из старого арсенала освободительной борьбы:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!
Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой,
Братский союз и свобода –
Вот наш девиз боевой!

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали –
Час искупленья пробил.
Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И учредим всей землёю
Строй прав, свобод и труда!

(В изначальном варианте конец другой: "И водрузим над землёю красное знамя труда!"; но это надо изменить, придав слову "земля" значение страны.)

Эта песня, с той же мелодией, поется при демонстрациях европейских трудящихся, и пение ее у нас будет вызывать симпатии за пределами нашей родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Журнал "Наука и религия" № 10, 1971.
2. В. В. Похлебкин. Международная символика и эмблематика. Москва, 1989
3. В. Новиков. Русский государственный орел. Париж, 1966.
4. Собрание постановлений правительства РСФСР № 15, 1990.
5. Ulrich Ragozat. Die Nationalhymnen der Welt. Freiburg in Breisgau, 1982.

К гражданам России

Ассоциация "5 клуб", омская группа Народно-Трудового Союза российских солидаристов, клуб "Солидарист" проводят всероссийскую акцию под девизом "Знамя России".

Цель этого мероприятия:

1. Возрождение и утверждение в правах исконно русского государственного флага (бело-сине-красное полотнище) и принятие его государственным флагом России.
2. Основание Института государственного флага, цель которого - пропаганда и популяризация российской символики.
3. Изменение названия государства. Вместо Российской Советской Федеративной Социалистической Республики принять название Республика Россия или просто Россия.

Просьба ко всем гражданам государства Российского принять посильное участие в этой акции. Ваша помощь заключается в личной поддержке мероприятия, пропаганде российской символики, сборе подписей в пользу исконного государственного флага с последующей отправкой их в органы власти, в личном обращении каждого гражданина России в российское правительство с просьбой о возвращении истинных цветов на флаг государства.

Проведение этой акции возродит дух гражданственности, разбудит совесть и честь народа, сплотит все нации нашей республики вокруг российской святыни.

Должно же быть хоть что-то святое у нас в это бурное время!..

Один человек не может ничего, народ может все!

Сплотимся же вокруг Священного Знамени и превратим отсталую Россию в Великую Державу, какой ей быть должно!

РОССИЙСКОМУ ФЛАГУ БЫТЬ! ("Советская молодежь", 11.10.1990)

К. В. Фотиев

За истекшие 60 лет через НТС – именованный в 1930-е годы Союзом “нового поколения” – прошло несколько поколений, вплоть до нового сегодня поколения, родившихся в России в 1970-е годы. Основатели Союза принадлежали к двум поколениям: тех, кто участвовал в Белой борьбе, и тех, кто для участия в ней был еще слишком молод. После Второй мировой войны в Союз вступило третье – сравнительно немногочисленное – поколение тех, кто был еще слишком молод, чтобы участвовать в работе НТС военных лет. Именно к этому поколению и принадлежал К. В. Фотиев.

Скончавшийся 28 августа 1990 года Кирилл Васильевич Фотиев родился в Москве 11 ноября 1928 года. Его отец, Василий Васильевич Фотиев, театральный критик и режиссер, болел туберкулезом. Мать, Екатерина Сергеевна, урожденная Юдина, тоже заразилась туберкулезом и стала быстро угасать. Опасаясь за жизнь своего младшего сына Кирилла (жили они все вместе в сырой, полуподвальной комнате в Денисовском переулке), она решилась на крайний шаг: отправить его за границу к своей сестре Наталии, жившей тогда в независимой Латвии. Старший брат обеих сестер, знаменитый хирург Сергей Сергеевич Юдин устроил это, казалось бы, немислимое в советских условиях дело через каких-то своих сановных пациентов. Таким образом, шестилетний Кирилл навсегда расстался с родителями и попал в 1934 году к своей тетке в Либаву. Чувствительный мальчик нелегко пережил это; душевные шрамы и скрытые внутренние конфликты остались у него до конца жизни. Общался он больше со взрослыми, чем со своими сверстниками; после прихода советских войск в 1940 году он стал прислуживать в церкви.

Весной 1941 года, когда среди русских в Латвии шли повальные аресты, семья тетки удалось выехать к родственникам в Германию. Кирилл поступает в немецкую гимназию в Любеке, но бомбы разрушают дом, в котором их приютили; семья переезжает в Бреславль, где ее в июне 1944 года Гестапо арестовывает за связь с НТС. Кириллу опекают знакомые из Латвии и вывозят в 1945 году в западную Германию.

Уцелевшие члены семьи поселяются в лагере для беженцев Менхегоф под Касселем, где Кирилл в 1946 году кончает русскую гимназию и поступает на философский факультет университета в Гамбурге. В 1947 году он вступает в НТС. Весной 1949 года его приемная семья эмигрирует в Марокко; он следует за ней и идет на заработки на землемерные работы. Но уже в ноябре 1949 года он получает стипендию в Православном богословском институте в Париже и переезжает туда. Здесь начинается самый яркий период его жизни: еще живы столпы нашей богословской науки – проф. А. В. Карташев, прот. Василий Зеньковский, епископ Кассиан, прот. Николай Афанасьев, архимандрит Киприан, искусствовед Владимир Вейдле и другие. Кирилл окунается в живую традицию русских духовных академий, глубоко проникаясь ее знаниями и мироощущением.

Его дипломная работа "Попытки украинской автокефалии в XX веке" выходит из печати в Мюнхене в 1955 году.

По окончании института в 1954 году Кирилл переезжает в Рим, где разворачивается работа НТС по встречам с начавшими выезжать из СССР туристами. Он совмещает союзную работу с академическими занятиями. Из Рима организация его направляет в Германию, где он работает в редакции радиостанции НТС "Свободная Россия", участвует в разработке учебных материалов НТС, в сношениях с иностранцами, пишет статьи в союзную прессу (частично под псевдонимом Сергей Сокольников), выступает на конференции "Посева" 1959 года. В это же время, и до конца жизни, он становится членом Руководящего Круга НТС.

Затем, как почти три десятка других членов Союза, он решает посвятить себя высшему призванию и принимает в 1962 году сан священника, в редкой для православной церкви форме celibата. Как священник отец Кирилл сначала получает направление в Монреаль, а потом в Нью-Йорк, где работает сперва при управлении Американской метрополии, а потом получает приход в Бруклине.

В Нью-Йорке отец Кирилл быстрее, чем кто-либо из местных членов НТС, находит общий язык с начавшей туда приезжать "третьей эмиграцией". С 1977 года он участвует в создании "рабочей группы Посева", потом ее преемника "Русского Исследовательского Фонда", привлекая к их работе новейших эмигрантов. Он устраивает выступления на собраниях НТС своих друзей из духовенства - прот. А. Шмемана, прот. И. Мейендорфа, о. Меерсона-Аксенова. Кроме того, он читает религиозные передачи по "Голосу Америки". В 1985 году возвращается в Европу и последние пять лет своей жизни ведет религиозные передачи по радио "Свобода" из Мюнхена, оставаясь членом редколлегии "Посева".

В январе 1990 года у него обнаруживается рак; за ним смотрят и его опекают преимущественно его молодые друзья из новейшей эмиграции - порой специально прилетая из Нью-Йорка. Накануне праздника Успения Божией Матери о. Кирилл причастился св. тайн у своего однокурсника по институту прот. Михаила Фортунато и на следующее утро скончался. Похоронен он, по своему желанию, на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем. Свое единственное имущество - отличную библиотеку - он завещал новосозданной духовной академии в Минске.

По своему призванию отец Кирилл был в первую очередь учителем и богословом. Не было такого вопроса по церковному учению или церковной практике, на который он не мог бы сразу исчерпывающе и компетентно ответить. Православная традиция не мешала ему ценить традиции западного христианства: даже внешность его вне богослужения была по-западному гражданская, за что друзья его любя называли Padre. Церковь для него была прежде всего вселенской: он не терпел использования Церкви в этнических целях, как не терпел любого низведения Духа к земным или вещественным ценностям.

Зато он ощущал дыхание Духа отнюдь не в одной только Церкви, но в каждой подлинной культуре. Человек удивительной для наших дней эрудиции, он любил и детально знал и итальянское искусство эпохи Возрождения, и французскую литературу, и, естественно, отечественную. Он особенно ценил поэзию и, в частности, был специ-

алистом по Вячеславу Иванову, выступая не раз на международных симпозиумах о нем.

Помимо стилистически тонкого знания русского языка, он в совершенстве владел – и устно, и письменно – французским, итальянским, немецким и английским. Францию и Италию он нежно любил и каждый год старался провести какое-то время в Париже или во Флоренции, где он часто служил в Церкви.

Сквозь всю грусть радостей земных перед ним всегда маячила Россия – будущая, та, что должна быть. Ради нее он читал проповеди по радио, ради нее редактировал катехизис "Жив Бог" (1988), ради нее был верен Народно-Трудовому Союзу. В Россию все еще советскую он ехать не спешил; ему, как Набокову, органически отвратен был большевизм, как, впрочем, и антисемитизм, и любое хамство – в первичном, библейском смысле этого слова. Он зорко следил за происходящим в стране, часто встречался с выезжающими оттуда, особенно с духовенством. Но его трагическое восприятие жизни не позволяло ему думать о том, чтобы дожить до исполнения мечты.

Б. П.

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Из статей о Кирилле Фотиева

"Человек никогда не примирится с тем, что смысл жизни в том, чтобы непрерывно бежать, все ускоряя темп, по замкнутому биологическому кругу до тех пор, пока смерть не остановит эту ненужную гонку. Жизнь осмысляется лишь через отдачу ее на служение истинному благу, несомненной и немеркнущей ценности. Такой ценностью не может быть ни наслаждение, ни власть, ни даже нравственное добро, ибо в отношении всех этих ценностей каждый мыслящий человек неизбежно должен будет поставить вопрос: «для чего они, в чем их вечное и немеркнущее, неподвластное смерти оправдание?». Истинным благом может почитаться лишь то, о чем никто не может спросить: «для чего оно?» – и только такое благо есть совершенство, лишь оно может до конца напитать и успокоить мятущуюся душу человека".

(Предрасветный крик. "Посев" № 17 (780), 23 апреля 1961 г.)

"Человек непоследователен и боится ответственности. Ему бесконечно трудно жить в соответствии с тем, во что он верит или хочет верить, и, может быть, в этом подлинная причина тяги к неверию, к тому, чтобы оставить центральные, ответственные проблемы «под вопросом», избежать того бремени, которое накладывает на человека решение этих проблем или даже искреннее желание приблизиться к такому решению. Человек ищет себе «уютный угол» или, по меньшей мере, лазейку: ведь быть героем трудно, но и подлецом себя признать не хочется... Отсюда – расщепление истины на «точки зрения» с сознанием допущенного лукавства, виноватая улыбка, умол-

чание там, где молчать нельзя, псевдосмирненное причисление себя к «маленьким людям»».

(Высокая человечность. К столетию со дня рождения А. П. Чехова. "Посев" № 5(716), 31 января 1960 г.)

"«Человек – это звучит гордо», – таких чревовещательных, самодовольных «истин» Чехов никогда не произносил, они могли его только корчить. Чехов почти не говорит о Боге, но он и не творит кумира из человека, особенно такого человека, который, будучи «освобожден» от идеи Бога, почему-то сумеет построить социальный рай и утвердить в нем «разумный порядок»».

(Высокая человечность. К столетию со дня рождения А. П. Чехова. "Посев" № 5(716), 31 января 1960 г.)

"Человек и его возможности ограничены, но одновременно и безмерны. Весь вопрос в том, как человек использует и защищает присущий ему дар свободы – для сознательного самосужения и материалистического идолослужения или для выхода к глубинам собственного духа, который есть очевидное доказательство первородства, избранности и богосыновства человека. Этот вопрос стоит как перед отдельным человеком, так и перед целыми народами и историческими эпохами как призыв к духовному самоопределению. Наша эпоха с особым рвением служит идолам бессмысленного прогресса и бездуховной научности и платит за это жестоким самоистязанием и чувством тоски и оставленности. Суждено ли нашим современникам услышать обращенный к ним столь же простой, сколь и вечный вопрос Евангелия: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»».

(Предрасветный крик. "Посев" № 17 (780), 23 апреля 1961 г.)

"Современные богоборцы мало чем отличаются от тех, чей образ дан нам в Евангелии. И те, и другие с презрительным любопытством ожидают от Христа внешних, магических чудес как доказательства Его всемогущества. Они неспособны понять, что всякое длинное чудо сокровенно, как вифлеемское Рождение, и проявляется лишь в способности человеческого сердца до конца быть верным «видению, непостижному уму». Богоборцы всех времен начинают с доказательства благородства своей миссии и возвышенности своих целей. Ведь они хотят избавить человечество от вредных предрассудков! С наивностью дикарей богоборцы оперируют очередным набором гипотез и мнений. Они всеми силами стремятся доказать «ненаучность» негодных им взглядов, как будто то, что по самой своей природе сверхъестественно, подсудно их обедненному и плоскому умствованию. Когда же им не удастся переубедить верующих, богоборцы прибегают ко лжи, к угрозам и к физическому насилию. При этом они теряют облик благородных миссионеров «разумного мировоззрения» и становятся откровенными палачами. Очередной цикл гонений оканчивается моральным поражением гонителей. Победа остается за Галилеянином и Его учениками».

(Путь в Вифлеем. "Посев" № 1-2 (764-765), 7 января 1961 г.)

"В чем сущность религиозного равнодушия? В абсолютной вере в видимый мир и в неверии в иной, невидимый мир. В погоне за благом жизни и в забвении истины жизни. Религиозно-равнодушный человек поражен внешним миром вещей и соблазнен им. Он стара-

тельно заглушает в себе способность верить в иную действительность, в духовное бытие. Он проникнут недоверием к чужой вере. Равнодушный предпочитает религиозной вере суеверие - оно не противоречит его привычкам и легко уживается с ними. Трагедия нового времени в том, что даже катастрофы, которые суждено было пережить человечеству, оказались бессильны победить религиозное равнодушие большинства людей. Даже те, что пережили крушение всех привычных форм жизни и смотрели в лицо смерти, в своем большинстве остались равнодушны к Евангелию и лишь увеличили арсенал своих суеверий. Призванное породниться в духе и любви, большинство современного человечества предпочло породниться в равнодушии и скептицизме".

(Путь в Вифлеем. "Посев" № 1-2 (764-765), 7 января 1961 г.)

"Христианство монотеистично, но не в том смысле, как понимает единобожие Ислам. Бог, явленный нам в новозаветном Откровении, един по существу и троичен в Лицах. В недрах триединого Божества, поскольку мы можем говорить об этой, превосходящей наше разумение, тайне, - не только совершенное единство любви, но и диалог: отцы Церкви говорят, что самому акту творения предшествовал «совет Пресвятой Троицы». Этой предвечной истиной - любви и диалога - окрашено и все библейское Откровение: от призвания Авраама и синайского богоявления до проповеди Христа и Его вольной жертвы Бог делает человека Своим собеседником и другом - свободным как принять Откровение, так и отвергнуть его".

(Побеждать злую разобщенность мира сего. "Посев" № 6, 1986 г.)

"Христос, когда начинал Свою проповедь призывом к покаянию, не говорил, что приблизилась к вам Церковь. Он говорил: покайтесь, ибо приблизилось к вам Царствие Божие. И вся диалектика, весь трагизм исторического развития Церкви в том, что порою институция заслоняла собою конечную цель. И в тех случаях, когда это происходило, Церковь из корабля спасения превращалась в идола. Плоды этого заблуждения мы сейчас вкушаем. Ибо такое восприятие Церкви как самоценности, как конечной самоцели ведет прежде всего к предпосылке, которой руководствовались почти все владельцы всех времен. А именно - использовать Церковь для государственной цели или для национальных задач. Подлинную природу Церкви заслоняет также идолопоклонство, порождающее другую, противоположную точку зрения... Это мысль, что Церковь якобы нужно сохранять любой ценой, что все средства хороши для того, чтобы эта институция функционировала, для того, чтобы храмы были открыты. К чему ведет подобная установка, - имеется много примеров. Такая установка, ставши абсолютной и как бы единственной, привела бы, в пределе, к тому, что, говоря по-человечески, мы защищали бы пустой орех. Церковь, которая служит только самосохранению - даже для того, чтобы ее двери оставались открытыми для верующих, которые ищут у нее утешения, - такая Церковь неизбежно приведет к измене Царствию Божию и как таковая перестанет плодоносить. Это будут пастыри, которые по слову пророка Исаии, пасут сами себя".

(Судить ответственно и осторожно. "Посев" № 12, 1979 г.)

"На вопрос, в чем состоит, согласно новозаветному и святоотеческому учению, служение в Церкви мирян, можно ответить с предельной точностью: во всем, что составляет жизнь Церкви, кроме таинств, которые со дня Пятидесятницы совершались предстоятелями

общин – апостолами, призванными самим Христом, и их преемниками, призываемыми на это служение Духом Святым. Все остальные формы и проявления "созидания Церкви" – обновление ума и воли для новой жизни во Христе, молитва, объемлющая собою весь мир, учительство и совместное возрастание в разумении истины и в послушании ей – все это есть удел и призвание мирян в той же мере, как и священства, а социальное служение и созидание жизни общества в согласии с новозаветным откровением о мире и человеке составляют обязанности мирян в первую очередь".

(Русская Церковь сегодня: духовенство и миряне. "Посев" № 9, 1981 г.)

"Для христианина может существовать только одно отношение к истории своей поместной церкви и своего народа – покаянное. Мы скорбим о грехах наших и хорошо сознаем, что именно по причине нашего недостойнства русский народ, наша родина уже почти семь десятилетий обречены жить под властью воинственно-безбожной. Уже несколько поколений русских людей имеют лишь ограниченный доступ к благовестию Евангелия и к Церкви – источнику воды, текущей в жизнь вечную. Но вопреки кажущемуся всесилию вооруженного всеми техническими достижениями и всеми возможностями внушения монопольного атеизма, живая поросль веры множится и в этой пустыне – по молитвам мучеников, столь многочисленных в России XX века".

(Крещение и христианизация в исторической судьбе России. "Посев" № 5, 1988 г.)

"Церковь всегда учила, что все люди, в конечном смысле, равны между собой, и этот дух всеобщего равенства людей глубоко укоренился в сознании верующего народа. Церковь, особенно восточная, всегда сурово осуждала какую-либо дискриминацию по принципу социальному или расовому. В таком осуждении любых форм дискриминации проявилось самосознание Церкви, как «народа Божьего», живущего по своим собственным законам, в корне отличным от законов «мира сего»".

(Побеждать злую разобщенность мира сего. "Посев" № 6, 1986 г.)

"Церковь со всей ясностью заявила, что она призвана служить, в первую очередь, обездоленным и нуждающимся, то есть именно тем, кто, в иерархии социальных благ и преимуществ, находятся ниже всех остальных. Эта милующая и спасающая любовь к обездоленным неразрывно связана в сознании Церкви с образом страдающего Христа, Который, по Его собственным словам, «не имел, где приклонить голову», а, на пути к пасхальной победе, прошел через крайнюю степень унижения и отверженности.

Поэтому социальная устремленность Церкви всегда была обращена на немедленную и жертвенную помощь тем, кто в ней сегодня нуждается. Чуждая утопия, сознавая невозможность для себя изменить жесткую практику и законодательство государственной власти, которая осталась, в основе своей, языческой и после императора Константина, Церковь не занималась разработкой схемы «идеального общества будущего», а спешила на помощь тем, кому она могла и обязана была помочь. Идея «земного рая» никогда не стала церковной идеей – она родилась на почве гуманизма, ставшего безбожным: мы знаем, сколько зла и страданий принесли человечеству все попытки добиться установления социальной справед-

ливости «немедленно» – путем стремительной ломки всех доселе принятых форм человеческого общежития». (Побеждать злую разобщенность мира сего. "Посев" № 6, 1986 г.)

"...Православные сознают, что исторически они повинны в том, что западная часть христианского мира встала на путь конфессионального дробления. Занятый внутренними делами – особенно же защитой чистоты вероучения против различных еретических течений древности – христианский Восток «проглядел» развитие римского церковного централизма, который, к концу первого христианского тысячелетия, успел сложиться в законченную систему. Последовавший разрыв между Востоком и Западом повлек за собой развитие и укрепление в лоне Западной Церкви тех явлений, которые привели к реформации. Сознание своей ответственности за судьбу оторвавшихся от церковного единства братьев побудило православных выйти навстречу поискам протестантизма, чтобы свидетельствовать о богатстве неповрежденной религиозной традиции, вверенной православным".

(Московская Патриархия – в Мировом Совете Церквей. "Посев" № 51 (814), 17 декабря 1961 г.)

"Восточная Церковь не может принять западного учения, постепенно разлившегося во второй половине первого христианского тысячелетия, согласно которому епископу города Рима должно принадлежать в Церкви исключительное, центральное место. Восточная Церковь – как в древности, так и теперь – готова признать епископа Рима старшим среди братьев-епископов, «первым среди равных», и эта готовность выразилась в том, что уже в первые века христианства епископы различных христианских провинций обращались в Рим для того, чтобы получить авторитетное суждение «старшего брата» по спорным вопросам. Но учение о римской кафедре, как о некоем мистическом и административном центре христианского мира, нашедшее свое крайнее выражение в учении о «непогрешимости» папы в вопросах веры и морали (это учение натолкнулось на большое сопротивление даже в лоне самой римской Церкви во время Первого ватиканского собора) – неприемлемо для православного сознания, которое считает его несовместимым с природой Церкви. Все православное учение о Церкви построено на том, что она есть не монархически-централизованная организация, а свободный, благодатный союз местных церковных единиц, единство которых осуществляется лишь через общность вероучения и взаимообщение в любви и молитве".

(О единении христианских церквей. "Посев" № 35 (902), 30 августа 1963 г.)

"Никогда, со времен Петра, авторитет Церкви в России не был так высок, как в эти страшные и славные годы первого десятилетия после революции. На короткий исторический миг Церковь в России оказалась до конца верной своему призванию – она до конца была «в мире», она укрепляла этот мир проповедью, утешением и давала ему пример мученичества за веру, но она была и «не от мира» в смысле той свободы, с которой она произносила свой суд над его неправдой".

(Живой корень. "Посев" № 1 (712), 7 января 1960 г.)

"Лояльность руководства Церкви к советской власти, начало которой положил своей декларацией митрополит Сергей в 1927 году,

не спасла Церковь от почти полного уничтожения к началу Второй мировой войны, а надежда, что сталинский компромисс, заключенный в военные годы, останется нормой в отношениях между властью и Церковью в СССР, была разрушена хрущевскими гонениями на Церковь и теми актами произвола, которые происходят сегодня. Стало очевидно, что речь может идти лишь о временных, тактически обусловленных, передышках: от своего намерения уничтожить, выкорчевать Церковь власть не откажется никогда. Новозаветное учение есть вызов всей идеологии советского режима, а в существующих в СССР условиях Евангелие может заполнить собой ту духовную пустоту, которая с неизбежностью возникает «в сердцах, восторженных когда-то», по мере того, как официальная идеология осознается как обманувший кумир».

(Русская Церковь сегодня: духовенство и миряне. "Посев" № 9, 1981 г.)

"Сложившийся за два тысячелетия строй христианской Церкви не всегда способствует подлинной встрече с Богом. Слишком велика опасность принять весь сложный и прекрасный строй культурной жизни за нечто самодовлеющее, успокоиться на том чувстве благоговения и покоя, которое вызывает в нас возвышенный язык богослужения, пение, лики икон.

Но культ еще не есть религия – то есть та личная, интимная связь с Богом и жизнь в Нем, сознание своей постоянной близости к Нему, как Источнику света, радости и смысла. Культ родился из этого чувства новой жизни, которую принес в мир Христос, и вне этого питающего источника он теряет свою силу, становится внешним действием, обращенным к эстетическому чувству, а не к «сокровенному сердцу» человека, к той последней глубине личности, где рождается и светит нам знание о нашем богосыновстве, о нашей примиренности с Богом..

Уничтожить культурную жизнь коммунисты не могут, опровергнуть вероучение они не в состоянии".

(Вечный Источник Света, Радости и Разума. "Посев" № 1 (816), 7 января 1962 г.)

"Мы живем в век взаимного сближения всех христиан и верим, что юбилей 1000-летия христианства в России приблизит тот день, когда все христиане, преодолев вековую отчужденность различных культурных форм жизни и забыв об исторических обидах, придут к вероучительному единомыслию и к венчающему его общению в том великом таинстве Евхаристии, которое установил для всех нас Господь Иисус Христос".

(Крещение и христианизация в исторической судьбе России. "Посев" № 5, 1988 г.)

"Обращаясь к тем, кого богоборческой власти удалось оторвать от живой христианской традиции, кто входит в храм не как в привычный дом Отца, а как в место непонятого культа, мы хотим сказать – оглянитесь вокруг!

Всмотритесь в лица молящихся!

В этих лицах вы прочтете то, по чему не может не томиться каждый человек: вы увидите отблеск вечности, то тихое облако божественной славы, которое осенило пастухов в ночь Рождества". (Вечный Источник Света, Радости и Разума. "Посев" № 1 (816), 7 января 1962 г.)

Отец Звездоний на новгородском вече

Михаил ГОРБАНЕВСКИЙ

Во дворике новгородского кремля, у входа в собор св. Софии, обычно бывает много народа. Тут вам и фарфоровозубые западные туристы, обещанные фотоаппаратурой, сводящей от слюны скулы у местного "бытовика", который безуспешно приглашает граждан "сфоткаться" у памятника 1000-летию России. Тут и юные бизнесмены пионерского возраста, овладевшие богатым опытом своих московских и ленинградских коллег по "толканию" иностранцам (на их жаргоне - "фирме") значков с безмятежным ликом дедушки Ленина, солдатских ремней и погон. Увидите вы здесь и мучающихся по утрам от приступов исключительно творческой головной боли удалых ребят из кинокоманды, снимающей на фоне древних новгородских строений фильм про князя Серебряного. Деловым шагом пересекают дворик родные отечественные экскурсанты - они по доброй традиции обследуют памятники других городов до мелочей, но свои собственные пенаты обычно знают плохо.

В один из хмурых августовских деньков я вышел из лаборатории приятеля-реставратора (работающего в местном музее) в этот двор, к могиле Гаврилы Державина - подышать свежим воздухом, постоять у врат Софии. И тут увидел человека, который явно выбивался из о б щ е й массы. Это был не посетитель, не работник музея или преподаватель расположенного неподалеку музыкального училища. Кто же? Уверенная поступь хозяина. Холодный тусклый взгляд поверх голов. Строгий дорогой костюм. Добротная обувь. Очки из далеко не рядового магазина "Оптика". Гладкая (до синевы) выбритость и крашенные волосы (привычные признаки надежды пожилого мужика-аппаратчика на отзывчивость молодых функционеров или буфетчиц). "Какой-то исполкомовский или обкомовский работник, но не рядовой, хотя и без свиты, заглянул к св. Софии с негласным досмотром", - решил я и забыл о незнакомце. Но то была лишь первая встреча с новгородским отцом Звездонием...

Тут необходимо сделать для читателей небольшую оговорку. Я был бы рад в своих заметках привести примеры из ставшей сразу же "бессмертной" антиутопии Владимира Войновича "Москва 2042" - дабы те, кто ее еще не читал, поняли, о каком же это отце Звездонии идет речь. Однако, господа, ничем помочь не могу: видимо, вам придется искать это повествование самим - искать книгу о том, как полный впечатлениями застойного времени советский писатель Карцев переносится на машине времени в Москву. Попадает он в год 2042-ой, в то самое светлое будущее, о котором так долго говорили большевики. Частью образцового коммунистического з а в т р а является, по мнению Владимира Войновича, и православный священник (разумеется, особый!) о. Звездоний. Но вот беда - текста под рукой у меня нет! Еще в первых числах июня мой французский друг Пьер отправил почтой бандероль с романом Войновича из западногерманского города Кель в Москву. Однако, оказывается, что несмотря на широкий жест президента СССР - возвращение В. Войновичу советского гражданства - до истинной демократии и возвращении его произведений нам далеко: книгу мне так и не вручили, а отправили пылиться куда-нибудь на полку спецхрана (хотя даже и отрывок из

нее в советской прессе уже опубликован - в "Литературной газете", в начале августа). Правда, думаю, что она попала скорее в книжный шкаф (личный) кого-нибудь из гэбэшных спецтаможенников: как давно уверяют злые языки, именно такую "антисоветскую" литературу после доброй стопки сухого "Мартини" или мокрой "Пшеничной" эти с п е ц и а л и с т ы очень уважают полистать в домашней обстановке. Ну, это уже к слову...

Через несколько дней я поехал из Новгорода к другому приятелю, который руководит поисковой экспедицией "Долина" - в печально известный Мясной Бор. Там до сих пор лежат незахороненными десятки тысяч наших солдат - со второй мировой войны. Советская власть, с и с т е м а, за которую они полегли, не нашла возможным предать их земле, похоронить по-христиански, по-человечески. Теперь это делают ребята-поисковики, годящиеся по возрасту мертвецам во внуки. В тот раз, в конце августа 1990 года, в о ч е р е д н о й братской могиле в Мясном Бору мы похоронили 993 человека... Всего за два месяца до того в Новгород был назначен на епископскую кафедру новый иерарх - епископ Новгородский и Старорусский Лев. Руководители экспедиции "Долина" пригласили владыку отслужить у братской могилы панихиду по погибшим борцам знаменитой 2-ой Ударной армии. Было холодно и дождливо. Свечи на ветру гасли. Или же их тушили обильные слезы женщин, так по-русски причитавших над могилой совсем не знакомых "сынков"?

Молясь с другими об упокоении душ солдат, чьи останки под воинский салют мы предавали земле, я вдруг увидел давешнего незнакомца из новгородского кремля. На этот раз он был в... лиловой камиллавке и с наперсным крестом. "Кто это?" На мой вопрос друг-новгородец удивленно поднял брови: "Так ты его еще не знаешь? Это же наш главный церковный аппаратчик - секретарь Новгородского епархиального управления отец Михаил Елагин!"

Так вот каков Михаил Михайлович! Да, о Елагине я слышал немало - и от знакомых священников, и просто от верующих и неверующих новгородцев: слова эти говорились либо с опаской, либо с насмешкой, а то и с гневом. Вот только доброжелательных отзывов в адрес протоиерея Елагина в доверительных разговорах я почти не слышал... "Да ты разве не знаешь, что он у нас на Новгородчине "правит" уже десятка два лет - так сросся со всеми о р г а н а м и и общественными "организмами", что епархиальное управление до последних месяцев действовало едва ли не на правах сектора идеологического отдела обкома КПСС!" - закончил свою реплику о Михаиле Михайловиче мой знакомый новгородский журналист.

Каюсь: поверил я ему не сразу. И те слова, что только что процитировал, это, мягко говоря, парадоксальное суждение отнес на счет хмурого атеистического детства и невоцерковленности своего приятеля. Хотя не могло не насторожить то, что на панихиде в Мясном Бору протоиерей Елагин вел себя скорее как на м е р о п р и я т и и, за что уже в самом конце получил короткий устный выговор от владыки Льва. "Нет! Все же это - преувеличение: не может же в 1990 году пастырь быть я в н ы м "советским попом!" - примерно так я размышлял.

Если помнят постоянные читатели журнала "Посев", в первом его номере за 1990 год была опубликована статья члена редколлегии протоиерея Кирилла Фотиева, которая называлась "Русская Право-

славная Церковь в 1989 году". С о. Кириллом, к сожалению, я не был знаком, однако с сердечной радостью внимал его беседам в западном эфире, знакомился с его статьями в "Посеве", перечитываю семейный катехизис "Жив Бог", предисловие к которому также написал о. Кирилл (да и весь перевод с французского, если не ошибаюсь, был выполнен под его редакцией). Печальная весть о его кончине... Упокой, Господи, многострадальную душу о. Кирилла!

В статье говорилось в том числе и о попытках советских властей разложить церковь изнутри. Протоиерей Кирилл Фотиев цитировал "Московские новости" и о. Михаила Ардова:

"В 70-е и 80-е годы... была предпринята другая попытка советской власти "подмять" под себя Церковь. Это было стремление создать некий феномен "советского попа" - священнослужителя, который христианские суждения соединял бы с марксистскими... Эксперимент этот потерпел полное фиаско, создать подобный феномен оказалось невозможно, зато сравнительно легко было вырастить значительное число беспринципных священнослужителей".

Это - так! Но должен просить прощения у о. Михаила Ардова (а о. Кирилл, судя по всему, разделял мнение своего российского собрата и сослужителя): не могу согласиться с ним полностью. Конечно, многое зависит и от того, что вкладывать в понятие "марксистские убеждения" - глубинные философские вопросы или законы каждодневной жизни по брежневскому образцу. Я скорее склонен думать, что словосочетание "беспринципный священнослужитель" включает в свой смысл и идейные основы "советского попа", соединяющего христианские убеждения с бытовыми марксистскими. Не в этом ли как раз и состоит одна из главных сторон его беспринципности?

Как бы то ни было, мы должны признать, что Владимир Войнович ошибся лишь в хронологии: отцов Звездониев на земле Руси немало кормится уже сейчас, в 1990 году, а не в 2042... В том числе - и в Новгородском крае.

Третья моя встреча с протоиереем Елагиным, на сей раз очень короткая и заочная, произошла снова в новгородском кремле, в зале новых поступлений Государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. В застекленных стендах выставлены дары музею от частных лиц - редкие книги, монеты, статуэтки, иконы, миниатюры, произведения прикладного искусства. Так-так-так! Вот и большая, хорошо известная памятная медаль, выпущенная к 1000-летию крещения Руси. А что это за скромная надпись стоит под этим экспонатом? А-а-а... "Дар М. М. Елагина". Непосвященный вспомнит дарителя (в ряду других меценатов) добрым словом. А посвященный? Он призадумается: насколько уместно и пристойно секретарю епархиального управления, распоряжающегося абсолютно всеми поступлениями в Новгород по линии Русской православной церкви и Московской патриархии, называть передачу музею такой памятной медали своим личным даром? Конечно, это лишь штрих, вроде бы - мелочь, но...

В четвертый раз встретился я с товарищем Елагиным уже лично - в приемной епархиального управления: там мы с коллегой-журналистом, руководителем экспедиции "Долина", ожидали аудиенции у епископа - владыки Льва. Приемная была полна приходских батюшек, приехавших к преосвященному с разнообразными заботами и ходатайствами. Однако в кабинет Елагина они почти

все входили едва ли не с большей опаской и пиететом, чем в аппараты епископа...

В какой-то момент из кабинета величественно выплыл сам Михаил Михайлович с пачкой тоненьких бело-синих брошюр в руках и начал раздавать их священникам. Батюшки к пачке потянулись поначалу радостно, заинтересованно: патриархия не слишком балует провинцию литературой.

"Эх! А мне-то он брошюру не дал. У кого бы ее попросить?" - пронеслось в голове. Но тут глаза стоящего рядом знакомого молодого священника (я его помню еще недавно дьяконом в Георгиевской церкви Старой Руссы) буквально поползли на лоб: первая строчка на обложке брошюры, которую он получил из холеных рук епархиального секретаря, торжественно гласила - "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Ниже, в центре было обозначено и название сего "богословского труда": "Информационный вестник. Журнал идеологического отдела Новгородского обкома КПСС. Август 1990 года. № 16".

Недоуменные восклицания в приемной епархиального управления переросли в легкий гул. Однако разгадку дал все тот же знакомый мне молодой батюшка: "Вот оно что! Смотри - на последней странице журнала опубликована статейка "Во славу и благоденствие". Автор ее - сам Елагин!"

Действительно, в шестнадцатом номере журнала, который до февраля 1989 года назывался "Политическая агитация" (и принадлежит действительно профессиональным комиссарам-идеологам из новгородского обкома капзэс), протоиерей Елагин опубликовал небольшую заметку о "миротворческой деятельности" Новгородского епархиального управления и о встречах с зарубежными гостями. Не будем касаться того факта, что со стилистикой русской речи у Михаила Михайловича явные проблемы, - это уж кому что Бог дал... А по сути? Медногласно пишет он о том, что "приходы, выполняя свой патриотический долг, делают отчисления денежных средств в Советский фонд мира". Борьба за мир - дело благородное, спору нет. Если только она не являет собой советское м е р о п р и я т и е. И если не делается в интересах и по указке ЦК КПСС, КГБ и иных умудренных жизнью "инженеров человеческих душ". Хорошо известно (и об этом вам могут рассказать многие честные служители Церкви в различных уголках современной России), что "добровольные" отчисления в Фонд мира, выражающиеся в десятках тысяч рублей с прихода, являются чаще всего завуалированной и узаконенной формой п о б о р о в с наших православных храмов и церковных общин, формой еще одного налога. Такие п о ж е р т в о в а н и я напоминают скорее послевоенные "добровольные" государственные займы, - когда человека заставляли подписаться на сумму в целый его оклад, а то и полтора оклада. И ведь не приведи Господи было отказаться от такой "помощи" государству - могли зачислить чуть ли не во враги власти, уволить с работы. А у колхозников - так могли и имущество стропитивого человека описать (почитайте, например, Федора Абрамова). Да, недаром еще с начала 20-х годов, когда новым режимом изымались церковные ценности - якобы для борьбы с голодом! - власти искренне полюбили такой "доступный источник" средств, как церковный карман.

И все же главное откровение было еще впереди. На следующий день мне в руки попала газета "Вече" - шестнадцатистраничный спецвыпуск Новгородской писательской организации (за февраль-

март 1990 года). Перелистывая ее, я наткнулся на колонку в рубрике "О душе и духовном". Название заметки заинтриговало: "Пора осознать...". Статья эта предвзялась благоприятной фотографией бритобородого священника на амвоне с распятием в руках, а заканчивалась подписью - "...протоиерей Михаил Елагин". Ахти мне, опять вас не узнал, уважаемый Михаил Михайлович! Видно, быть вам богатым...

Как вы увидите сами, господа, статью Елагина редактор газеты по идее должен был бы поместить в другую рубрику - "Россия перед выбором", среди материалов, посвященных избирательной кампании в РСФСР. Но понять его можно: это было бы слишком откровенным подтверждением того, кто и почему уважаемого товарища Елагина п о п р о с и л написать именно такую статью...

Начинает свое сочинение епархиальный секретарь вроде бы и издалека, впрочем тут же берет быка за рога:

"Православная церковь всегда принимала живое и деятельное участие в исторических судьбах России. (? - М.Г.) И ныне она освящает сегодняшний знаменательный процесс - гласности и перестройки в нашем обществе (не торопитесь пить сердечные капли, прочитав о таком "освящении", это еще - цветочки... - М.Г.), в основе которого стоит человек, чтобы он жил, развивался умственно и нравственно, чтобы его голову посещало вдохновение не праздного гуляки, а доброго труженика, любящего свое дело, свое отечество".

Далее протоиерей Елагин в своем пастырском слове уходит в философские выси:

"Нам всем дарован драгоценный дар свободы... Величие и счастье свободного народа достигается взаимным уважением, честным и бережливым отношением к чужой собственности, настойчивым производительным трудом, а всего больше - повиновением закону (? - М.Г.), добрым трезвым поведением".

И хотя затем автор походя обличает алкоголиков, на самом-то деле речь он ведет о другой, более важной для заказчиков его статьи трезвости - политической.

Ага, вот абзац, из которого уже и уши видны... Причем они - вовсе не заячьи:

"И теперь, во время избирательной кампании (! - М.Г.), много находится учителей, которые берутся за исправление непорядков, обещают водворить счастье и доволство в нашей жизни, много говорят и много обещают (вы, вероятно, догадались, под "учителями" подразумеваются кандидаты в народные депутаты. - М. Г.)... Они бранят правителей, руководство области и района (как откровенно Елагин исполняет социальный заказ "верхов"! - М.Г.). Они ищут и указывают виновных в наших непорядках. Они возбуждают к ним злобу и ненависть. Об одном они молчат, что мы все погрязли в пороках. Что злобой, клеветой, ложью, ненавистью не достигнешь общественного блага. (Как же нужно было напугаться Системе после неудачных выборов в народные депутаты СССР, печально закончившиеся для первых лиц из Новгородского обкома КПСС, чтобы год спустя, при выборах народных депутатов РСФСР, учтя горький опыт, откровенно подключить к делу епархиального секретаря! - М.Г.). В эпоху гласности и свободы мы должны открыто сказать о том, что нравственность пала в нашем обществе до низкого уровня. Пороки разрастаются со страшной силой".

С последним тезисом спорить не берусь, ибо е д и н е н и е Елагина с его покровителями из здания Дома советов в Новгороде служит прекрасным примером падения нравственности. Я не преувеличиваю - давайте обратимся к продолжению статьи протоиерея Михаила.

Честно говоря, следующая сентенция верноподданного священника способна лишить душевного равновесия даже такого советского человека, который за долгие годы существования тоталитарного режима привык к тому, что бумага никогда не краснеет:

"Церковь совместными усилиями с идеологическими работниками (выделено мной. - М.Г.) способна укрепить нравственные устои нашего общества".

Вот так! Ни больше, ни меньше. И откровенно...

Правда, немного жаль, что протоиерей Елагин не назвал фамилий особенно дорогих ему "идеологических работников". Кто это - Медведев? Лигачев? Крючков? (Статья, напомним, опубликована в феврале 1990 года.) Или же "новые лица" - типа Положкова с Макашовой? Или же кто-то из новгородских партийных духовников Елагина?

Принцип диалектики о том, что нет хорошей теории без проверки ее практикой (по Ленину), Михаил Михайлович усвоил, видать, прочно. Посему далее он переходит к *практическим задачам* своей паствы:

"Изыскивая способы оздоровления жизни, мы должны не забывать главного (выделено мной. - М.Г.) - это вести активно борьбу со злом. Уважать старших, начальство, умудренное многолетним опытом (по разваливанию страны и новгородского края... - М.Г.), престоющих во власти, которые дено и ношно трудятся во благо нас с вами. ...Соединяясь узами одной и той же нравственности (так и слышится перед этим словом прилагательное - коммунистической или ленинской. - М.Г.), будем мы составлять одно тело, один священный союз".

Сразу хочу вас успокоить, господа. Настойчивые увещания протоиерея Елагина, судя по всему, дали в душах христиан Новгородского края не слишком обильные всходы. Об этом говорят результаты выборов народных депутатов РСФСР и местных советов. Результаты, которыми не очень доволен Его Величество Партийный Аппарат.

Политическая ситуация в стране и в Новгородской области, в частности, отличается остротой, напряженностью. Поэтому епархиальный секретарь, скорее всего, обдумывает сейчас и готовит "совместными усилиями с идеологическими работниками" свои новые публицистическо-пастырские работы для газеты "Вече". Например, статьи против "богомерзской рыночной экономики"... Или против "раскольнической деятельности" блока "Демократическая Россия"... Или... О конкретной теме судить з а к а з ч и к а м - столь любимому Михаилом Михайловичем идеологическому отделу Новгородского обкома КПСС. Поэтому, господа, если вы, прочитав роман Владимира Войновича, не захотите ждать пришествия 2042 года, а возжелаете познакомиться с отцом Звездонием прямо сейчас, не стесняйтесь, звоните! По телефону 3-54-13 в Новгородском епархиальном управлении вам ответит он - протоиерей Михаил Елагин.

Если товарищу Елагину попадетя в руки этот номер журнала "Посев" (что в принципе возможно, ибо слабые волны новой экономики разносят ксерокопии "Посева" по всей России-матушке, правда - уже за червонец, а не за пять рублей, как я писал раньше...), он такому "признанию" со стороны *идеологического противника* наверняка возрадуется и гордо продемонстрирует мою статью своим к у р а т о р а м из обкома КПСС или областного управления КГБ. Что же при этом скажет Михаил Елагин?

Видимо, что-то в стиле его любимых авторитетов. Например: "Перифразировав слова великого русского поэта, скажу: в диком крике озлобленья я слышу крики одобренья". Или: "Нападки идейных

противников чту за хвалу". Однако авторство первого экспромта запатентовано Егором Кузьмичем Лигацевым на XIX всесоюзной конференции КПСС (да, да, в том самом памятном, антиельцинском выступлении). А под вторым экспромтом свой значок "копирайт" поставил на сентябрьском камлании съезда компартии РСФСР Иван Кузьмич Полозков. Так что уж придется протоиерею Елагину изобретать что-нибудь новенькое, свеженькое...

Главный персонаж повести неподражаемого Андрея Платонова "Сокровенный человек" - некий пролетарий паровозных дел по фамилии Пухов. По ходу развития сюжета он возымел желание служить в Красной Армии - но "не абы как", а в качестве "специалиста". Для этого ему необходимо пройти целый экзамен - на общее развитие. Диалог комиссара на экзаменационной комиссии и товарища Пухова, выписанный с уничтожающим платоновским сарказмом, касается, в том числе вопросов веры и атеизма:

"Что такое религия? - не унимался экзаменатор. - "Предрассудок Карла Маркса и народный самогон". - "Для чего была нужна религия буржуазии?" - "Для того, чтобы народ не скорбел".

Почему я вспомнил об этой повести Платонова? Чтобы подчеркнуть, насколько "изменилось" отношение нынешних правителей России к Церкви. Для чего же нужна религия перестроечной "коммунистической буржуазии", явно заигрывающей с разными кругами Русской Православной Церкви и усиленно вскармливающей своих отцов Звездониев? Чтобы народ меньше с к о р б е л ?

Вероятно, и для этого. Ведь теперь в наших магазинах плохо стало уже и с хлебом.

...Хлеб наш насущный даждь нам днесь?

Постскриптум. Когда я заканчивал редактирование очерка, поздно вечером в воскресенье зазвонил телефон и голосом Владимира Батшева сообщил жуткое известие: "Рано утром по дороге в церковь зарублен топором отец Александр Мень..."

Господи! За что?!

Дикая, тупая жестокость и желание, чтобы мы содрогнулись от ужаса, от страха? Казнить проповедника, б а т ю ш к у, как всегда ласково и сердечно величали приходского священника на Руси, это - то же, что убить беспомощного младенца или больного старика.

За что убит отец Александр?

Вряд ли в скором времени мы узнаем всю правду. Но даже вне зависимости от какой-то конкретной о ф и ц и а л ь н о й причины трагедии могу предположить, что смерть протоиерея Александра Меня должна быть любя Ее Величеству Советской Системе. Ведь в течение долгих лет отец Александр был прямым антиподом кремлевско-лубянских отцов Звездониев...

Я дописываю очерк на девятый день с момента мученической смерти отца Александра Меня. О нем уже было сказано много чистых, высоких, мудрых и искренних слов. Но разве может быть для христианина даже самое доброе слово о покойном важнее молитвы?

"Упокой, Боже, раба Твоего Александра, и учини его в рай, идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко светила; усопшего раба Твоего Александра упокой, презирая его вся согрешения..."

Москва, сентябрь 1990 года

Две "Столицы"

Петр ПАЛАМАРЧУК

Недавно в Москве было создано издательство московской организации Союза писателей России "Столица", сразу обратившее на себя внимание. Заведующий одной из редакций издательства, уже известный нашим читателям писатель Петр Паламарчук (см. "Посев" № 4, 1990) присутствовал в октябре 1990 г. во Франкфурте-на-Майне на юбилейном собрании в связи с 60-летием НТС. Мы попросили его рассказать подробнее об издательстве и его планах.

Из десяти тысяч человек, числящихся "членами Союза писателей СССР", более двух тысяч - то есть каждый пятый - живут в Москве; но вплоть до 1990 года у них не было ни своего журнала, ни издательства. Вопрос об их создании поднят был давным-давно; но он так и продолжал висеть в воздухе вплоть до начала второго тысячелетия христианства на Руси. Именно тогда, в 1989-м, удалось наконец добиться его положительного разрешения. Были проведены свободные тайные выборы главных редакторов: журнала "Московский вестник" - им стал критик и прозаик Владимир Гусев, и издательства - прозаик и Китаевед Леонид Бежин, а также большого редакционного совета. А со 2 января нынешнего года мы приступили к работе на улице Писемского, ранее звавшейся Борисоглебским переулком, в самой середине столицы.

Хотя "Столица" существует всего десять месяцев, мы уже выпустили пять книг, которые полностью распроданы. Это наш первенец - "История города Москвы" Ивана Егоровича Забелина (два завода по сто тысяч экземпляров), Библия для детей, переизданная с дореволюционной, иллюстрированной гравюрами Дорэ (в то время, как даже Московская Патриархия выпустила чуть подредактированную американскую протестантскую со слащавыми комиксами) - также два завода по сто тысяч, которые были закуплены вперед, в основном православными приходами и монастырями. За ними последовал первый выпуск возобновляемого "Столицей" славного в прошлом альманаха "Русский архив", а также переиздания "Москвы купеческой" П. Бурышкина и сборника Н. Клюева "Медный кит".

В производстве находится еще около полустотни книг, составлен план и на следующий год, доходящий уже до сотни названий.

Издательство возглавляет директор, прозаик Петр Алешкин - кстати, отрывок из его романа об антоновском восстании на Тамбовщине напечатан в последнем, 157-м номере "Граней".

Готовят книги пять творческих редакций.

Самая обширная - редакция прозы, здесь запланированы новые однотомники В. Личутина, А. Кима, А. Битова, первые книги обещающих молодых прозаиков, сборники "историй" - начинают их

"Странная история" и "Страшная история", единственное как в стране, так и за рубежом издание воспоминаний первой жены Константина Бальмонта - Андреевой-Бальмонт, переиздание известных книг русского расейяния - романа А. Зиновьева, напечатанного "Посевом" романа В. Максимова "Семь дней творения" и других.

Вторая редакция называется несколько необычно - "московская". В ней работаю я и двое моих молодых сотрудников, а готовим мы книги, связанные не с узким "московедением", но с идеей Москвы как сердца русской мысли и государственности - недаром ведь некогда точно обмолвился Михаил Катков: "Москва это не город, а принцип!". Здесь и оригинальные новые работы - "Жития московских святых", составленные монахом-насельником Троице-Сергиевой Лавры совместно с прозаиком Ярославом Шиповым; "Москва Патриаршая" протоиерея Льва Лебедева (сборник его лучших трудов); историософское сочинение архитектора Михаила Кудрявцева "Москва - Третий Рим" (замечу в скобках, что сам не являюсь сторонником этой теории, и даже следующая моя книжка будет озаглавлена "Москва или Третий Рим?", ибо православной мне представляется идея Нового Иерусалима, - однако "пусть будут среди вас и разномыслия, дабы выявились искуснейшие", как сказал апостол Павел...), "Московский некрополь" М. Артамонова.

Особо следует отметить специально для нашего издательства подготовленное исследование Михаила Назарова "Миссия русской эмиграции"; впрочем, оно будет предварено уже находящимся в производстве и составленным тем же автором сборником "Русское Зарубежье в год Тысячелетия Крещения Руси", в котором среди прочего впервые в Отечестве официальным издательством тиражом в сто тысяч появится программный документ НТС "Путь к будущей России".

Среди переизданий - избранная "Надежда", также выпускавшаяся впервые "Посевом", почти полностью уничтоженная большевиками брошюра еп. Нестора Камчатского "Расстрел Кремля в 1917 году", "История храма Христа Спасителя" Мостовского, "Московский сборник" К. Победоносцева, "Воссоздание Святой Руси" А. В. Карташева, биография святой великомученицы Елизаветы Феодоровны, написанная жительницей Австралии Любовью Миллер, переработанная и снабженная предисловием Виктора Тростникова, "История России в XIX веке" проф. С. Г. Пушкирева, знаменитое самиздатское произведение "Отец Арсений", по которому в Москве уже поставлен спектакль.

Для занимательного чтения - сборники "Тайники и подземелья древней Москвы", "Иностранцы о древней Москве", составленные М. М. Сухманом, забавнейшее описание уголовной хроники XIX столетия - конволют "Московские скандалы и безобразия. Московские прелести".

Несколько детективная история произошла с таинственным сочинением "Черная книга", опять-таки выпущенным некогда в свет именно "Посевом". Появилось оно безымянно; так же в точности мы и хотели сперва его переиздать на Родине, но на всякий случай решили поискать автора. И наша разведка сработала почтище кагебильов: вскоре издательство собственнлично посетил Генрих Гунькин, доподлинный сочинитель замечательной повести. Это он же, как оказалось, был автором появлявшихся в "Континенте" очерков под псевдонимом Геннадий Русский, а также издававшихся в России краеведческих книжек о русском Севере - под другим псевдонимом,

Г. Гунн. Теперь сложилась из полного текста той повести и еще двух других большая "Трилогия московского человека", написанная великолепным сказовым языком – чего стоит только глава про соловецкий лагерь и его создателя, называющаяся "Про Френкеля поганого".

Кратко скажу также о серии воспоминаний – например, одного из двух оставшихся в живых насельников прежнего Даниловского монастыря М. И. Макарова "Даниловцы", и об альманахах – составляемом молодыми историками "Московские были", а также более зрелыми "почвенниками" – "Москвитянин".

В отличие от государственных издательств прошлых лет, мы проводим гибкую политику, и, если вдруг появляется насущная книга, стараемся – пусть ее и не было прежде в плане – выпустить ее как можно скорее. Таковы сборник отца Д. Дудко "На реках Вавилонских", "Царствование Императора Николая II" С. С. Ольденбурга, "Европа и душа Востока" В. Шубарта – вместо предисловия к последней помещена беседа с В. Поремским, переведшим книгу в Германии в годы войны для советских военнопленных, чтобы поднять их веру в Россию, который был посажен за это нацистами в тюрьму и приговорен к смерти, но все-таки спасся (см. эту беседу в "Посеве" № 5, 1990).

...Третья редакция, возглавляемая драматургом Владимиром Малягиным, – критики и литературоведения. И здесь решили начать с подлинных основ, заложив серию духовных писателей, первыми в которой идут избранные сочинения Игнатия Брянчаникова, "Не случайный дар" митрополита Филарета (Дроздова), "Мои дневники" архиепископа Никона (Рождественского), "Наши новые христиане" Константина Леонтьева. Редакция переиздает критиков Зарубежья – первым Г. Адамовича, и, конечно, печатает современную критику – "Московскую школу" Владимира Бондаренко, "Путь к древу бессмертия" Светланы Семенович и других.

Редакция поэзии (возглавляет ее поэт Борис Романов) начала с переиздания "Москвы кабацкой" Есенина, планирует сборник "Поэзия русского Зарубежья" (по страницам "Современных записок"); печатает также и ныне живущих отечественных стихотворцев – "Поэмы о русской святости" Виктора Мамонова, сборник Геннадия Ступина и других; книгу избранных стихотворений предложил живущий в Мюнхене Юрий Кублановский. Замечу кстати, что при хороших отношениях между редакциями функции их не столь строги, как обычно, и иногда переплетаются. Когда мне удалось отыскать совершенно уникальный роман в стихах Алексея Бердникова, написанный в не поддавшейся еще ни одному поэту технике "корон сонетов" – он пошел по "московскому" отделу...

Наконец, пятая редакция – детских и "малых книг" (поэт Владимир Бояринов), первым делом запустившая в производство... "Толковое Евангелие" М. Гладкова.

В настоящее время мы ведем переговоры с самой известной в Западной Европе книготорговой фирмой "А. Нейманис". Названные мною первые пять книг зарубежные читатели уже могут там заказать.

*

Недавно возник еще и журнал "Столица", рекламируемый радио "Свобода", - и некоторые полагают, что это тоже мы...

Однако это, так сказать, две совершенно разные "Столицы". Наш журнал, работающий, впрочем, независимо от издательства, зовется, как я уже говорил, "Московский вестник". Он имеет тираж в сто тысяч, в этом году выйдет девять номеров, а в следующих уже по двенадцать. Есть у нас и "независимая русская газета «Воскресение»".

Но уже после появления нашего издательства критик А. Мальгин, написавший две книжки - о пролетарской поэзии и о стихотворчестве Роберта Рождественского, - заявил, что в современной литературе писать более не о чем, а засим сделался депутатом Моссовета и основал его журнал, который назвал тем же именем, что наше издательство. Я далек от того, чтобы видеть в этом новое доказательство древней пословицы о том, что дьявол - это обезьяна Бога; тем не менее, у нас в стране права на названия не защищены. Что ж, пусть читатель сам выбирает по вкусу и направлению. Касательно же направления позволю себе выразиться образно. Дело в том, что "Столица"-*тень* поселилась как раз через дорогу от нас, близ того же Калининского проспекта. Но ежели ехать из Кремля, то она будет по левую руку, а мы - по правую.

"Самодеятельность общественных групп и отдельных граждан в вопросах общественной и государственной жизни есть необходимое условие для существования и развития солидаризованного общества и государства.

Наиболее важные сферы общественной самодеятельности охватываются местными самоуправлениями, этническими, трудовыми и политическими организациями. Все эти линии сходятся в общегосударственной законодательной системе.

Общество, в важнейших сферах своей организации, на высших ступенях тесно связано с государственной властью и участвует в законодательном творчестве, а на низших ступенях решает вопросы, связанные с непосредственными нуждами народа.

Государство, основанное на общественной самодеятельности, заинтересовано в беспрепятственном развитии и таких общественных организаций, как профессиональные, культурно-просветительные, благотворительные и т. д. Оказывая им поддержку, оно не вмешивается в их деятельность, если она не противоречит существующим законам."

(Программа НТС, 1974 г., глава 8)

Крушение тоталитарных идеологий

Паоло БАРБИ

Тот, кто прожил достаточно долго в нашем веке, непосредственно видел и начальный триумф, и заключительное, окончательное крушение двух тоталитарных идеологий, фашизма и коммунизма, и их политики. И тот, кто эти идеологии не принимал, — будь то принципиально, будь то по причине их практических следствий, мог с удовлетворением наблюдать их закат гораздо раньше, чем этого можно было ожидать или на это надеяться.

Интересно отметить, что такие критики были в меньшинстве и что им надо было противостоять напору общественного мнения, поддерживавшего эти идеи, сначала под давлением страха перед диктаторскими методами их носителей, а позднее — вследствие их истинных или кажущихся, но, во всяком случае, хорошо рекламируемых успехов. Но надо также отметить и то, что обе идеологии — как фашизм, так и коммунизм — нашли теоретическую и культурную почву, опирающуюся непосредственно на философские течения, и вообще европейскую культуру, характерных для предыдущего, XIX века.

В самом деле, как в период между мировыми войнами, так в течение трех десятилетий после второй войны было гораздо легче найти критиков политики тоталитарных государств, пороки которой и катастрофические ее последствия были очевидны, чем противников их соответствующих идеологий. Последние были в драматическом меньшинстве. Большинство же, даже среди людей высокого культурного уровня, сложилось под влиянием тех же теоретических основ и питалось из тех же культурных корней, из которых выросли идеи и практика тоталитарных идеологий.

Перед войной были противники фашизма, критиковавшие его не только потому, что фашизм разогнал все демократические партии и установил однопартийную систему; не только за роспуск профсоюзов и всех других свободных объединений; не только за проповедь автаркии, расизма. Но прежде всего потому, что они видели в этой политике логическое следствие, практическое осуществление ошибочной философской теории, порождающей иррациональный, бесчеловечный взгляд на человека и общество. Отмечали, что принимая субъективизм, имманентность, историзм Гегеля, XIX век создал теоретическую предпосылку для возникновения фашистского и национал-социалистического тоталитаризма.

Паоло Барби — член Сената Италии, бывш. председатель фракции ППЕ (Европейской народной партии) Европейского парламента, один из руководителей отдела внешних сношений Христианско-демократической партии Италии.

Если нет объективной реальности, от которой разум может привести нас к Богу, к трансцендентному; если нет Бога, абсолютных ценностей за пределами человеческого опыта и повседневной реальности; если нет человека, а есть лишь сформированные Историей "субъекты"; если новый Абсолют - История (которая никогда не справедлива, но всегда всему находит оправдание); если верить - догматически, против всякой очевидности - что "все реальное (то есть всякий исторический факт) - разумно"; если это все принять, логично неизбежны выводы. Тогда - не существует неизменного морального закона, основанного не только на Божественном откровении, но и на самой природе человека, и следовательно "всякая реальность - оправдана"; тогда ничто не соединяет одного человека с другим, так как солидарность не может быть основана на субъективизме, а требует объективной реальности другого, предполагает метафизику реальности.

Из гегельянского идеализма (или столь же имманентного позитивизма) не может произрасти ничего, кроме безудержного индивидуализма, превозвышения успешного, побеждающего, самоутверждающего субъекта ("сверхчеловек" Ницше). А выигрывает не тот, на чьей стороне правда, а тот, у кого сила. Поэтому тот, кто сумел обуздать силу, - человек высшего сорта, он вправе владеть низшими, - пользуюсь при этом любыми, даже самыми неприглядными средствами. "Когда цель велика, - учил Ницше, доводя максимализм до его крайнего выражения, - человечество больше не считает преступление таковым, даже если оно совершается самыми ужасными средствами." Но если цель оправдывает средства, то что оправдывает цель? Кто устанавливает, что "эта цель - велика"?

Итак, были во времена фашизма и такие, кто говорил, что "освобожденный" от Бога и "моральных предрассудков" человек остается в жутком одиночестве и начинает воспринимать другого человека уже не как "брата", сына единого общего Отца, не как "ближнего", разделяющего с ним общую природу и общее предназначение, а как орудие, которым можно пользоваться, или как противника, которого нужно уничтожить. И что, следовательно, диктатура одного человека или группы - естественное политическое выражение такой философии. А порабощающий тоталитаризм - ее неизбежное следствие во всех сферах жизни: от политической и экономической до культурной и религиозной.

Порабощающий тоталитаризм

Те, кто осуждали философские ошибки, оправдывавшие (или прикрывавшие) ужасы нацизма/фашизма, входили в конфликт не только с административно-политической мощью режима, но и с господствующими взглядами - в университетах и вне оных, в кругах официальных и среди инуюмомслящих. В самом деле, не одни только фашисты (искавшие у Джентиле, Ницше или у Эвола теоретических обоснований для своего режима и своих дел), но и многие антифашисты, опирающиеся в своем видении будущего на Кроче, Маркса или

Лабриола, считали такую критику философских положений (а следовательно, и отрицания их политических последствий) несущественной, необоснованной и уж во всяком случае "немоверной".

Поэтому режиму было сравнительно легко найти общность и поддержку в той культурной среде, из которой он и происходил. Противник режима в этой среде должен был основывать свое противостояние не на философских взглядах и общественном видении, а на утверждении таких ценностей, как свобода, равенство, справедливость, солидарность. То есть ценностей, живущих в общественном сознании, но никак теоретически не укорененных в общепринятом мировоззрении.

И наоборот, когда и если люди из христианской среды, — сформированной в культурном отношении под влиянием "классической философии", то есть критического реализма и признания непознаваемого, — шли служить режиму, то делали они это из практических соображений — из оппортунизма, для выгоды или удобства, — но в прямом противоречии с их собственным мировоззрением, собственными взглядами на реальность, на смысл человеческой жизни. Горьким же должно было быть для них последующее признание, что их близорукий оппортунизм так плохо послужил их эгоистическим интересам!

Но в те годы — двадцатые и особенно тридцатые — фашизм торжествовал. Кто мог предвидеть, что он рухнет через лишь несколько лет? Рухнет под грузом следствий собственной политики — автаркии, империализма, захватнической войны. Под грузом результатов собственной философии — поклонения силе, успеху, идее расового превосходства, отрицания ценности человеческой личности (каждой личности). Кто мог предполагать, что циничное, но последовательное проведение в жизнь этой идеологии, столь губительной для всех именно ввиду своей теоретической ошибочности и, следовательно, по своему бесчеловечному существу увлечет в крушении (и так скоро!) ее служителей и фанатических сторонников?

Тем не менее, это свершилось.

Роковая идеология

Дальнейшие события свидетельствуют о том, что не только фашизм и нацизм, но и всё аналогичное, основанное на тех же принципах, так же бесчеловечно и губительно. И так же обречено на провал.

Тем же путем развивалось другое явление нашего века: сначала успех, неудержимое распространение (и, следовательно, привлечение сонма оппортунистических сторонников), широкая общественная опора. Потом, и намного раньше, чем можно было предвидеть, — быстрое разложение и развал — следствия собственной политики, практических результатов собственной идеологии.

Распространяясь во всем мире после второй войны, как он распространился в России после первой, марксистско-ленинский коммунизм стал довлеющей идеологией. Решительно и беспристрастно применяя эту идеологию во многих странах, численно незначительные фракции силой захватывали власть, безжалостно пользовались ею и

удерживали ее любой ценой, установив жесточайшую диктатуру над обществом.

Коммунистические режимы - все без исключения коммунистические режимы в любой части света - применяли диктатуру и тоталитаризм с еще большей последовательностью, чем нацисты-фашисты. Применяли ее не только в политике (установление однопартийной системы, уничтожение оппозиции, контроль над средствами информации), но и в экономике (захват государством всего хозяйства), и в культуре (полное подчинение политическим целям всякой культурной и даже религиозной деятельности).

А так как тоталитарная идеология иррациональна и бесчеловечна, эта, еще большая, чем в Германии и Италии последовательность, привела коммунизм к полному, вопиющему банкротству даже без военного поражения (хотя коммунизм и считал войну необходимой для "взрывного распространения революции" и ее торжества во всем мире).

По моему убеждению, причину этой "большой последовательности" в практике коммунистической диктатуры следует искать в марксистском атеизме. Не были действиями и нацисты/фашисты. Имманентность и историзм (идеалистические, Гегеля, или позитивистские, Спенсера) также отрицают Высшее Существо вообще и христианского Бога в особенности, как и материализм Маркса-Энгельса. Но коммунизм перенес атеизм из философии в область политики: с несомненной последовательностью, с железной решительностью, с твердым намерением навязать его всем, безжалостно и любой ценой. В убеждении, что атеизм - необходимое условие для создания "нового человека". В твердой уверенности, что это историческая необходимость.

Именно так. Потому что новый Абсолют, заменяющий Бога, для марксизма (как и для всякого историзма гегельянского происхождения) - История, со своими точными диалектическими законами, своим детерминизмом, своей неизбежностью, необходимостью. "Освобожденного" от Бога человека подчиняют Истории. Для Маркса не человек - со своим разумом, чувствами, гением и ошибками, величием и страданиями, и в первую очередь со своей свободой - творит историю, а История делает человека и определяет его природу. Естественно, что отдельные личности полностью подчинены Государству.

Таким образом, даже когда коммунисты говорят о свободе, справедливости, о братстве "социалистического гуманизма", то, что они вкладывают в эти понятия, радикально отличается от христианского и вообще общечеловеческого их понимания.

Интересно, что такой поэт и мыслитель, как Камю, не глазами христианина или метафизического реалиста, а изнутри современной философии рассмотрел глубинные корни трагедии, наложившей печать на наш век в произведенной историзмом отмене высших ценностей и общих моральных норм, и поставил нацизм и коммунизм на один теоретический уровень. И тот, и другой заявляли, что свершили революцию (причем свою революцию коммунизм объявил окончательной).

Но "чтобы творить, - писал Камю, - революция не может обойтись без моральной или метафизической нормы, которая бы была противовесом историческому бреду". Поэтому "восстание

выражает в человеке отказ считаться вещью и быть сведенным к одной лишь истории" ("Восставший человек"). Это может помочь нам понять то, что мы пережили вместе с Камю, а именно - крушение фашизма. И то, что мы переживаем сейчас, после его трагической кончины в 1960 году: вопиющий провал коммунизма, который Камю предвидел. Оба этих режима были построены на идеологиях различных, но объединенных философскими принципами имманентности и историзма.

Стремительный распад

Это родство также объясняет, почему оба режима так скоро распались. То, что не отвечает природе вещей (и тем более природе человека), не может долго жить: действительность сильнее любых иррациональных построений, и в конечном итоге всегда побеждает.

Другие империи, царства, республики длились долго, века или даже тысячелетия. Фашистская империя и нацистский "рейх" просуществовали лишь годы, коммунистическая империя рушится после нескольких десятилетий. А ведь именно эти режимы, построенные на претендующих на окончательность философских учениях, были убеждены в своей непреходимости.

Фашизм представлял себя строителем новой эры, восстановителем Римской империи. Была даже попытка заменить нумерацию (арабскими цифрами) христианской эры исчислением (римскими цифрами) "эры фашизма"! Эта "эра", однако, закончилась на XXIII году, оставив после себя Италию побежденной и униженной.

Нацизм уверенно предвидел тысячелетнее владычество германской расы. Продлился он немного дольше десятилетия, под конец пытаясь увлечь немецкий народ в апокалиптический акт коллективного самоубийства.

Камю иронически признает за коммунизмом "величие интуиции". Но "жертвы", превозносившие своих "палачей", о которых говорит французский писатель и которыми полна трагическая история советской России, явно не обладали чувством юмора, ощущением неосуществимости и абсурдности коммунистических планов. Наоборот, именно "научная" уверенность в исторической неизбежности создания "нового человека" толкала и сопровождала их на плаху. Коммунизму мало было "новой эры" и тысячелетнего владычества: он решил переделать человека. Изменить его окончательно и навсегда. Причем не в духовном и моральном смысле, как учит христианство, а в смысле материалистическом. Не содействуя, через лучшее общественное устройство, дальнейшему развитию человека, но подменяя один ("исторически сложившийся") тип человека другим - новым, счастливым, совершенным, естественным ("историческим") продуктом новой системы производства.

И вот, именно эта новая система производства, попытка создания которой стоила миллионы человеческих жизней, - провалилась окончательно, с шумом, в короткий срок. Более короткий, чем могли себе представить даже самые дальновидные критики.

Почему же? По той, теперь очевидной причине, что коммунизм - как нацизм и фашизм - основан на видении человека, не отвеча-

ющем его истинной природе, что бы ни говорили об этом все "субъективисты" и "истористы", хоть идеалистического, хоть материалистического толка. И еще потому, что жизненные силы этой человеческой природы, ее потребности, стремления, поиски, сильнее любой "воли власти", сильнее и непобедимее всех претензий "сверхчеловека".

Действие этих жизненных сил свободно и непредсказуемо, несмотря на все "детерминизмы" и все "научные" конструкции нового, абстрактного человека. Потому, что "жажда свободы и человеческого достоинства, которая живет в сердце каждого человека", не может быть удушена никаким диктатором, никаким "Старшим Братом", не может быть утолена никаким экономическим благосостоянием, никаким материальным пресыщением.

Сумеет ли мы осознать, что концепции, характеризующие и определяющие современные философские течения, имели огромное влияние на драматические события нашего века? Поймем ли мы, что одно - сознавать, что человек, существо несовершенное, может опуститься до насилия и преступления, и совсем другое - оправдывать такие моральные падения тем, что это - законы реальности (диалектики), явления, исторически неизбежные и необходимые? Одно - убить (обмануть, предать) в припадке гнева, другое - утверждать, что человекоубийство (и ложь) разумны, оправданы идеологией, исторически неизбежны. Одно, когда преступление подлежит власти закона, другое - преступление, ставшее законом, возведенное на уровень государственного строя. Сумеет ли мы различить, что эти теоретические конструкции, к тому же представленные "научными", порождают - и уже порождали - самый циничный, самый разрушительный фанатизм? Что извращенные идеи страшнее и опаснее извращенных действий?

Боюсь, что нет. Потому что врачевать последствия акта легче, чем последствия идеи. Ведь и помимо nazизма-коммунизма, и даже противостоя им, субъективизм-имманентность-историзм все еще среди нас. Эти идеи, столь длительно проповедуемые с таких авторитетных трибун, по умственной лени пережевываемые обществом из-за их наркотического, успокоительного действия, продолжают давать философское обоснование для "секуляризации" общества. Все это - следствия иллюзий о самостоятельности человека, его претензии "обойтись без Бога", изгнать из жизни даже малейший намек на трансцендентное. Эти идеи продолжают опровергать и высмеивать тягу к непознаваемому, к священному, к Абсолюту, выходящую иногда на поверхность, особенно среди новых поколений, и дающую новое содержание понятиям свободы, терпимости, мира, человеческого достоинства.

Эти идеи продолжают подводить теоретическую базу под бесчисленные проявления анархического индивидуализма, безудержного эгоизма, примитивного и уничительного сексуализма, под поглощающий все силы круговорот производства и потребления, которые отравляют нашу общественную жизнь, ущемляют и наше достоинство, и столь громогласно поднятые на щит права человека.

Продолжают - с вполне предсказуемыми, печальными последствиями.

Два портрета

Аркадий СТОЛЫПИН

Советские историки и писатели всегда изображали российских государственных деятелей до Октябрьского переворота по неписанному шаблону. Все они представляли людьми слабыми, неумелыми, ограниченными, получившими свои должности не по знаниям и опыту, а по личному благорасположению Царя. Да и в последние годы делается исключение разве что для П. А. Столыпина, о других по-прежнему добрых слов не говорят. К тому же и знают мало: правдивые книги периода Думской Монархии стали раритетами, мемуары и подавно.

Разумеется, в такой одноцветной картине нет ничего истинного. Государственные деятели дореволюционной России были сильнее или слабее, прогрессивнее или консервативнее, с политическим размахом или добросовестные исполнители. Но в целом это были опытные и знающие специалисты, преданные делу служения Отечеству. Думаю, что они в среднем ничем не уступали государственным деятелям ведущих стран Европы, а возможно, широтой взглядов и превосходили их. Те из российский эмигрантов, которые позднее встречались с вершителями европейских судеб, могли бы это подтвердить. И уж конечно, они были на несколько голов выше коммунистических правителей, в том числе нынешних, — по знаниям, культуре, воспитанию, чувству долга и служения своей стране.

Я хотел бы ниже набросать портреты людей, которых мне довелось знать в далеком детстве, а потом неоднократно встречать во время бурных событий в России и в период эмиграции.

Владимир Николаевич Коковцев

Россия обязана В. Н. Коковцеву восстановлением экономического благополучия после потрясений 1905 года. Народные деньги он оберегал ревностно, быть может, даже сверх меры. В Совете министров он огрызался: "Вы предполагаете, очевидно, что я способен изгтовлять деньги из невской воды и из петербургского воздуха?!" — и урезывал, где только мог, кредиты. Обидчивый по натуре, он не ладил с некоторыми своими коллегами, в частности, с министром сельского хозяйства Кривошеиным. Это доставляло моему отцу дополнительные хлопоты при осуществлении аграрной реформы. "Все министры люди любезные и сговорчивые, — говорил Кривошеин, сядя у нас за чашкой чая. — Вот только имеется одна злая цепная собака: министр финансов".

Однако эта "злая цепная собака" обладала широтой взглядов и подлинным государственным умом. Владимир Николаевич доказал это в ходе многочисленных переговоров с государственными деятелями Франции, Англии, да и кайзеровской Германии и вновь сумел поставить престиж России после потрясений первой революции на

надлежащую высоту. А во время поездки осенью 1909 года в Маньчжурию он нашел общий язык и с представителями японского правительства и подготовил соглашение о сотрудничестве между Россией и Японией, подписанное затем 21 июня 1910 года.

Будучи министром финансов, а затем и главой правительства, Коковцев наладил успешное сотрудничество с Третьей, а затем и с Четвертой Думой. Был он хорошим, обстоятельным оратором, которого слушала с вниманием даже социалистическая оппозиция. Вынужденная отставка Владимира Николаевича в начале 1914 года, на пороге Первой мировой войны, нанесла несомненно вред интересам России. К чести Коковцева надо сказать, что он принял свою отставку достойно и безропотно.

Знал я его с раннего детства, но ближе познакомился во время Первой мировой войны. Освобожденный от государственных забот, он чаще нас навещал. Он был предан друзьям, верен памяти моего отца.

Запомнился его рассказ о поездке, осенью 1916 года, в Закавказье. После ряда встреч с командованием наших сухопутных сил и нашего военно-морского флота Коковцев – по природе пессимист – был охвачен надеждами на близкую победу. Возможность второй революции ему не приходила в голову. Впрочем, как и многим деятелям того времени. В том числе и Ленину...

Октябрьский переворот застал Коковцева врасплох. Долголетний деятель царской России, он стал вдруг плохо улавливать суть происходящих событий. В начале 1918 года он вернулся, без особой необходимости, из Кисловодска в Петроград. Вскоре органы начали его вызывать на "задушевные беседы". О своем разговоре с Урицким, состоявшемся 9 июля 1918 года, он рассказывал мне уже в эмиграции. Однако я предпочитаю процитировать самого Коковцева, поскольку он пишет об этой встрече в своих двухтомных воспоминаниях "Из моего прошлого", опубликованных в Париже в 1933 году.

Урицкий задал ему вопрос: "А Вы не думаете, что бывший Император был просто сумасшедшим?"

На это Коковцев дал тому следующую отповедь:

"До самого моего ухода, в начале 1914 года, я видел Государя постоянно. Он быстро схватывал всякое дело, обладал прекрасной памятью, очень бодрым и быстрым умом... Потом я видел его всего два раза, в последний раз 9 января 1917 года... Не выдавши его перед этим целый год, я был поражен происшедшей в нем переменой. Он похудел до неузнаваемости, лицо его осунулось и было изборождено морщинами. Все выражение лица... оставило во мне впечатление глубокого душевного страдания и тревоги. Все это было несомненно последствием выпавших на его долю переживаний того времени".

Это свидетельство опровергает упрек в бесчувственности последнего царя, который бросают ему порою недоброжелатели.

Супругам Коковцевым в конце 1918 года удалось бежать из Петрограда в Финляндию. Оказавшись вне пределов страны, Владимир Николаевич поставил себе единую цель: добиться мощной поддержки Белым армиям со стороны наших бывших союзников – держав Антанты. В Лондоне, а затем в Париже он приложил к этому немало усилий. В Западной Европе были еще у власти государственные деятели, с которыми Коковцев был знаком ряд лет и с которыми сотрудничал. О результатах своих попыток он пишет в своих воспоминаниях.

"Две недели, проведенные в Лондоне до 22 декабря 1918 года, были началом того политического разочарования, которое усиливалось с каждым днем... Состояние, при котором видишь с очевидной ясностью, что предпринимать что-либо совершенно бесполезно... Вас никто не слушает, вы всем неприятны, на все ваши аргументы или просто молчат, или кивают один на другого... Впоследствии пришлось убедиться даже в худшем - в сознательной или бессознательной поддержке советской власти культирным миром, на собственную погибель".

Несмотря на первые неудачи, Владимир Николаевич не сдался. Перебравшись в Париж, он совместно с некоторыми другими стал добиваться, чтобы делегация, представлявшая Россию, была допущена на мирную конференцию в Версале. Присутствие русской делегации должно было, по его мнению, в какой-то мере смыть пятно "похабного" Брест-Литовского мира. Белые армии занимали тогда значительную часть российской территории, и требование соучастия русской делегации в мирных переговорах имело вполне легальное обоснование. Однако в этом вопросе деятели Антанты заняли уклончивую позицию, вследствие чего Коковцев заявил с горечью:

"Если союзники не пустят нас открыто на конференцию, то всякая форма участия - совещательная, подготовительная, так сказать, сидение в последней - совершенно недопустимо".

После этих бесплодных переговоров Коковцев отстранился от политической деятельности. Он отказался участвовать в Первом монархическом съезде, собравшемся в начале двадцатых годов в немецком городке Рейхенхале. Не присутствовал и на Зарубежном съезде, созванном несколько позднее в Париже, которому первая эмиграция придавала большое значение. Как он мне не раз говорил, всякая политическая деятельность в эмиграции после окончания белой борьбы казалась ему бесполезной. Бывший премьер-министр царской России, пожалуй, и не мог рассуждать иначе.

Свое более чем двадцатилетнее пребывание в эмиграции Коковцев посвятил созданию и благоустройству зарубежной России, пусть оторванной от Родины, но начавшей жить своей особой религиозной и культурной жизнью. В этом деле наши соотечественники ему обязаны многим. Он помог удержать в руках зарубежного духовенства парижский собор св. Александра Невского. Он способствовал созданию Свято-Сергиевского подворья и организации там Богословского института, существующего по сей день. Он занимался оказанием материальной и юридической помощи нашим соотечественникам, оказавшимся в беде. Никогда не искавший личной выгоды, он не раз в своих заботах о соотечественниках обращался за помощью к бывшему президенту французской республики Пуанкаре - одному из редких иностранных друзей России.

Погруженный в эмигрантские дела Коковцев, однако, не утратил до конца своих дней способность мыслить в государственных масштабах. В начале тридцатых годов он в моем присутствии поделился с группой французских депутатов своими опасениями касательно будущего. Речь шла о гитлеризме, который усиливался в Германии. "Гитлеризм, - сказал Коковцев, - прокатится ураганом по всей Европе". Как это бывало и в других случаях, слова многоопытного политика были встречены с вежливым скептицизмом. Своей зарубежной деятельности Коковцев сам подводит итог в своей книге.

"Моя жизнь протекала на виду у всех. Может быть, когда-нибудь кто-либо из свидетелей моей жизни, из состава русской эмиграции, отметит добрым словом то немалое, что было сделано мною на пользу тех, кто вместе со мною делит долгие годы изгнания".

Скончался граф Владимир Коковцев в Париже летом 1943 года. В его лице ушел в иной мир последний крупный представитель прежней России.

Александр Иванович Гучков

Первые воспоминания об Александре Ивановиче Гучкове относятся к моему детству. Он меня баловал и поэтому из посетителей министерского дома на Фонтанке был мне особенно люб.

Однажды вечером, в последний год жизни отца, я прокрался в нижний этаж министерства. Приоткрыл дверь кабинета, в котором не раз решались судьбы государства. Отец и Гучков сидели друг против друга, погруженные в страстный разговор. Думается мне, что это было в марте 1911 года, в дни правительственного кризиса. До моего детского слуха донеслись слова, которые я твердо запомнил. Отец говорил: "Вот я уйду. Но боюсь, что без меня государство забредет в болото: одну ногу вытянет, завязнет другая".

Болото... Тогда это слово показалось мне забавным. Лишь позднее понял я весь ужас этого предсказания.

Потом грянул в Киеве выстрел Богрова, убийцы моего отца. Началась Первая мировая война. Как и другие деятели Государственной Думы, Гучков был в приподнятом настроении. Прислал моей матери большой букет красных роз с пожеланиями быстрой победы. Другие близкие люди – в том числе бывший премьер-министр Коковцев – были настроены далеко не так восторженно.

Потом, в течение тяжелых военных лет, наша связь с четой Гучковых оборвалась до первых дней февральского переворота, когда столица впервые оказалась во власти толпы, и в наш обиход стали заглядывать для самочинных обысков какие-то штатские лица, а с ними неряшливые солдаты, предпочитавшие быть подальше от фронта. Кое-кого из наших близких арестовывали и тащили в Государственную Думу, порою избивая по дороге. Керенский обычно отпускал их домой – с извинениями. Время самочинных убийств еще не настало.

Моя мать обратилась тогда к Гучкову, ставшему военным министром. Она жаловалась на чинимые беспокойства – мы тогда еще к ним не успели привыкнуть.

Александр Иванович сразу отозвался и поставил в нашей передней вооруженную охрану. Правда, это походило несколько на домашний арест, но солдаты эти были еще подтянутые и вежливые, еще не затронутые пораженческой пропагандой. Если бы таких солдат Временное правительство подтянуло к столице, то не произошло бы того, что произошло потом.

Просьбой моей матери Гучков воспользовался, чтобы возобновить личное знакомство. В компании деятелей "революционной демократии" он, очевидно, истосковался по прошлому времени. И вот, где-то в мае 1917 года он неожиданно вечером явился к нам.

Мне тогда было уже почти четырнадцать лет и я мог более осмысленно разбираться в людях и в событиях. Гучков мне показался

иным, чем в моем раннем детстве: от него веяло каким-то напускным оптимизмом, каким-то подчеркнутым самодовольством. Это почувствовалось с первых же его слов: "Вы беспокоитесь о Государе? Ну, зачем же так!.. Он прекрасно себя чувствует. Отдыхает, много читает, гуляет в парке"...

Идиллия, одним словом. Мало похожая на то, что мы узнали о царскосельских узниках впоследствии.

В нашем присутствии Александр Иванович старательно пользовался старорежимными титулами, как будто крушение монархии нам лишь приснилось. "Я видел, совместно с генералом Корниловым, Государыню и Великого Князя Павла Александровича. Все их пожелания были нами в точности уважены", - говорил он. Он не упомянул, однако, что пожелания несчастной царицы Александры Федоровны касались не ее семейного обихода: она просила об обеспечении всем необходимым царского лазарета в соседнем дворце, где лежали тяжелораненые и куда ее больше не пускали.

Дальнейшие рассказы были уже лишены прикрас. Кратко, но с какой-то вызывающей бравурностью упомянул Гучков о заговоре некоторых кадетов и октябристов, послужившем, по его словам, первым толчком к феаральским событиям. Он гордился своим соучастием в этом деле. Затем тягостное повествование об отречении Царя, совпадающее в главных чертах с тем, что нам об этом рассказал позднее Василий Витальевич Шульгин.

Гучков признал - хотя и недолюбливал Царя - удивительное спокойствие и самообладание, которые Николай Второй проявил в эти тягостные минуты. Многими преданный и покинутый решительно перешагнул через страшный порог. Когда Гучков покровительственным тоном обратился к нему со словами "Государь, быть может, Вам следует еще обдумать Ваше решение, объединиться и помолиться?" Царь ответил: "Нет, я уже все обдумал, все решил". По словам Шульгина, Император посмотрел в этот миг на Гучкова с иронией. Дескать, твои уж советы мне не нужны.

Царь подписал отказ от престола за себя и за Наследника. Но вот малоизвестный факт: в присутствии Гучкова и Шульгина Император подписал еще два документа, два указа, датировав их задним числом, до даты отречения, чтобы эти документы имели еще законную силу.

Одним указом великий князь Николай Николаевич назначался Верховным Главнокомандующим на место Царя. Этот указ был Временным правительством скрыт. (Так же, как несколько позднее было скрыто прощальное обращение Царя к вооруженным силам России.)

Другим указом Государь назначил князя Львова главой нового правительства. Таким образом сохранялась законная преемственность власти: Львов должен был стать у кормила власти по велению еще существовавшей исторической монархии. Этот указ, о чем Гучков сожалел, новыми хозяевами страны тоже не был оглашен.

Отрекаясь, Николай Второй считал, что его место на престоле займет его брат великий князь Михаил Александрович, и оба подписанные указа должны были облегчить ему начало нового царствования.

На такой исход рассчитывал Гучков, как и большинство заговорщиков, ничем не заручившись, однако, и не зная ничего о намерениях великого князя.

Мне запомнились слова Гучкова:

"Все мы, за исключением Керенского, были монархистами. Все мы стремились спасти существующий государственный строй. Мы окружили Михаила Александровича. Долго и настойчиво его упрасивали. Были разочарованы его отказом".

На меня, мальчика, все это произвело тягостное впечатление. Оно еще усилилось бы, если бы мы знали о деятельности Гучкова на посту военного министра. Но что можно было знать об этом в те смутные времена? Сегодня об этом можно судить на основании ряда опубликованных документов. Например, на основании опубликованного в журнале "Грани" (№ 125) письма генерала Алексева от 10 июля 1917 года главе Временного правительства князю Львову. В этом письме Главнокомандующий пишет:

"На первые предостережения Гучков ответил, что «теперь нужно на все смотреть сквозь пальцы»... Приказ за приказом отнимал власть у начальников, дискредитировал их значение, уничтожал устои, на которых всегда покоились и будут покоиться во всем мире способности армии к борьбе. Но сам Гучков начал понимать, что дело плохо. Он, положив прочное начало разложению армии, ушел с поста военного министра".

Об этом нам говорил в то время и бывший царский премьер-министр Коковцев: "Гучков убежал один из первых, как крыса с тонущего корабля".

В эмиграции мне с Гучковым встретиться не пришлось - ни в Берлине, ни в Париже. Монархические круги, игравшие в зарубежье видную роль, его чуждались, считая одним из виновников нашей национальной катастрофы. Да и сам он, не в пример Милюкову и некоторым другим деятелям февраля, не очень-то был горазд показываться публично. Особенно после того, как во дворе нашего парижского собора одна решительная дама избивала его зонтиком...

Гучков был деятельным, талантливым, но не дальновидным человеком, типичным интеллигентом дореволюционного времени. Храбрый, дравшийся на дуэли, отправившийся в Южную Африку сражаться против англичан на стороне буров - он оказался беспомощным, когда сам оказался у власти и когда у его ног разверзлась бездна.

"Роман В. Пикуля «У последней черты» отражает две тенденции, обозначающиеся сейчас в кругах российского общества.

Одна тенденция - догматическая, тоталитарная. Ее представители стремятся втоптать в грязь, показать в уродливом виде наше историческое прошлое. Особенно думский период начала столетия - со столькими возможностями, несший столько надежд! Скрыть правду об этом времени, очевидно, уже невозможно: в новых поколениях начался процесс восстановления исторической памяти. Поэтому власти необходимо представить это время в искаженном виде и так попытаться воспрепятствовать здравому видению будущего.

К другой тенденции принадлежат люди, видящие, что тоталитаризм катится к пропасти и влечет туда за собой и Россию, и другие страны. Люди этой тенденции (некоторые из них по эгоистическим мотивам, ради собственного спасения) стремятся опереться на еще живые основы прошлого". (Аркадий Столыпин. Крохи правды в бочке лжи. "Посев" № 8, 1980)

В Россию - через советскую границу

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

Мы уже немало говорили об эмигрантских организациях, члены которых, подвергаясь смертельной опасности, переходили через тщательно охраняемую границу в Советский Союз, чтобы продолжать борьбу против большевиков. С чем они шли? Какие политические программы у них были, какие методы борьбы они использовали?

Нас сейчас интересуют именно эти организации. Потому что хотя за рубежом и работала политическая мысль и подвизались высокие умы, — упомянем хотя бы проф. И. А. Ильина, издававшего "Русский колокол", и П. Б. Струве, редактировавшего еженедельник "Россия и славянство", но они могли влиять только на тех, кто находился вне России, сама Россия была для них недоступна.

Предшественники

Одним из первых, кто пошел через границу с отработанной политической программой (и программой действий), был эсер-боевик Савинков, один из руководителей социалистической организации, существовавшей уже в дореволюционной и довоенной России. Но переход этот был — в ловушку. Сразу же, в 1924 году, Савинков был схвачен и в 1925 году погиб, — не испытав, как отнеслись бы в стране к его политической программе и к террористическим акциям, которые он бы, без сомнения, проводил.

Наиболее активной организацией был Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) — офицеры белых армий, ушедшие за границу. Переходя в Советский Союз, они устанавливали связь с некоторыми бывшими офицерами, служившими теперь в Красной армии, создавали свои группы, которые могли бы начать действовать в случае войны, возрождая Белое движение. То есть РОВС как организация военная ставил себе военные задачи. Политически же большинство членов РОВС были за возврат к порядкам, какие были до Октябрьского переворота, мало думали о создании стройной политической программы на будущее.

Кутеповская организация внутри РОВС состояла из небольшой группы, Союза Национальных Террористов. Для борьбы СНТ избрал методы, которыми пользовались русские террористы до революции. Главной и основной задачей СНТ считал бескомпромиссную борьбу против коммунистической власти.

Братство Русской Правды (БРП) родилось из партизан "Зеленого дуба", оперировавших в 1921-1923 годах в Белоруссии, и из остатков армии Булак-Булаховича, интернированных поляками после советско-польской войны. БРП стояло формально на непререкаемых позициях, на практике же проповедовало монархические идеи.

Продолжение. См. "Посев" №№ 1, 2, 3, 4 и 5 за 1990 год.

Идеологами БРП считались писатель А. Амфитеатров и донской атаман ген. П. Краснов, автор нескольких книг. В одной из них, "За чертополохом", он изобразил Россию будущего: нечто вроде Киевской Руси времен Великого князя Владимира, обладающей сверхсовременной, невиданной, только на Руси имеющейся техникой.

В своих листовках БРП ограничивалось антикоммунистической пропагандой, не лишённой нот антисемитизма, — на том основании, что в тогдашнем советском правительстве было большое количество евреев. Типичный лозунг БРП: "Ответ на красный террор — наш народный террор! Бей змею в голову! Бей змею, да не пропускай и змеёнышей!".

Но в распоряжении БРП были лишь небольшие отряды и тройки, у которых не было возможности добраться до "головы". Поэтому практически организация занималась низовым террором.

Группировка "Крестьянская Россия" выпускала в Праге ежемесячник "Вестник Крестьянской России", редакционная коллегия которого состояла из правых эсеров. У "крестроссов" были связи в Советском Союзе, — главным образом среди крестьян. Члены организации в России получали от заграничного центра литературу и директивы, а за границу передавали информацию о событиях в стране. Политическая программа "крестроссов" была близка к программе эсеров, стояли они на позициях Февральской революции.

Свои собственные пути

С чем шли в Россию члены НТС? Об этом подробно говорится в Программе организации и многих ее документах. Мы знали: старое никогда не возвращается. Не вернется и старая Россия, которая, кстати говоря, нуждалась во многих реформах. Должна родиться новая Россия, "возрождение которой должно протекать в твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учетом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого". Первоочередной задачей было свержение коммунистической власти революционным путем — то есть силами своего народа (в отличие от свержения ее военным путем, при помощи иностранного вмешательства, на что многие рассчитывали). Для этого необходимо было изучить настроения народа, подготовиться печатные материалы, понятные и близкие людям. И подготовиться самим: стать и политиками, и пропагандистами, и бойцами.

В начале своей деятельности НТС теоретически не отбрасывал и террор (хотя ни одного террористического акта организация не совершила). Но ни в коем случае не "низовой", направленный на мелких представителей власти, а только террор "центральный". Считалось, что если бы представилась возможность, то следовало бы убрать таких, как Ягода, Каганович, Киров, и в первую очередь — Сталина. (Интересно было бы услышать мнение сегодняшних членов КПСС — прав ли НТС в тридцатые годы, считая, что надо убрать Сталина?) И когда НТС пытался в 1933 году переправить в Россию П. Ирошникова и М. Флоровского, то в их задачи не входило метать бомбы, а в первую очередь исследовать настроения в стране, проверить, созвучны ли народу идеи НТС?

Но, как мы уже знаем, пути РОВС, которые тогда пыталось использовать руководство НТС, оказались перегороженными провокацией, и оба посланца Союза погибли. Руководство НТС решило

искать свои собственные в Россию пути и объявило об этом в апреле 1934 года на Третьем съезде Союза.

Принять решение легче, чем осуществить. Эмигрантские организации создавались с начала 1920-х годов, а необходимые связи у их руководителей существовали давно, со времени первой мировой и гражданской войн. НТС же появился всего за четыре года до принятия этого, нелегко осуществимого решения. Во главе организации стоял даже не генерал, а казачий офицер Байдалаков, выслужившийся чуть ли не из рядовых, и мало кому известный профессор Георгиевский.

Но тем не менее, М. Георгиевскому и главе польского отдела НТС А. Вюрглеру (ему, представляется мне, в первую очередь) удалось разрешить эту нелегкую задачу. Была налажена связь с людьми, оказавшими Союзу неоценимые услуги и ставшими навсегда его верными друзьями. Это были офицеры польского Генерального штаба, окончившие до революции русские учебные и военные заведения, знавшие Россию и хорошо понимавшие (а понимали это далеко не все), что не Россия, а именно коммунизм представляет опасность для их родной Польши.

Так как эта связь и вся работа "на ту сторону" велась с тщательнейшим соблюдением тайны, то о ней знали лишь те, кто ее вел. И мне известны из этих польских офицеров только двое. Бронислав Николаевич Ильшешевич (окончил одесский кадетский корпус, эвакуировался из Крыма с Николаевским кавалерийским училищем, окончил в Белграде югославское офицерское училище, после чего уехал в Польшу и поступил там в армию). И Ричард Варга, он же капитан Незбжицкий, историк по образованию, в двадцатые годы польский консул в Киеве, руководитель группы, сотрудничавшей с НТС. После войны он жил во Франции, бывал гостем во Франкфурте, участвовал в посевских конференциях и на одной из них читал доклад.

Подготовка к переходу

Нередко в разговоре с друзьями члены НТС говорили, что им не терпится "уйти по зеленой дорожке". Это означало - отправиться нелегально в Россию. Уйти по "зеленой дорожке" мечтали почти все: для этого ведь и готовились. Но руководство выбирало понемногу и немногих.

О переходе границы у меня имеется два свидетельства: списанный с магнитофонной ленты доклад Г. С. Околовича, прочитанный им группе молодежи в 1971 году, и записки М. Бжестовского, составленные им в 1972 году. Дальше я их и использую - в значительно сокращенных отрывках.

*

"В Союз я попал в 1933 году, - рассказывает Г. С. Околович. - До 1937 года я, как и другие рядовые члены Союза, делал все, что было нужно - печатал, крутил ротатор.

Осенью 1937 года меня, с подложным паспортом, послали, через Германию, в Варшаву. Там я обучался, а потом прибыли и другие члены Союза, которые потом отправились в Россию. У нас было соглашение - и дружба - с бывшими офицерами русской царской армии, поляками, которые теперь служили в польской армии, некоторые в Генеральном штабе. С их помощью нам удалось организовать школу, в которой мы могли обучать членов

Союза, главным образом из Югославии и Чехословакии, и переправлять через границу.

Без помощи поляков переправлять через границу было бы невозможно, поскольку она охранялась не только с той стороны советскими пограничниками, но и с этой - польскими. Да и в самой Польше в то время существовать нелегально, без прописки, было бы чрезвычайно трудно.

В то время по линии Союза я встречался только с Александром Эмилевичем Вюрглером. Соблюдалась полная конспирация. Члены Союза из Варшавы и вообще из Польского отдела НТС не имели со мной никакого контакта".

*

В чем состояла подготовка к переходу в Советский Союз?

"Насколько помню сейчас, курсы эти продолжались приблизительно месяца два, июнь и июль 1939 года, - пишет М. Бжестовский. - Помощь в переправке членов Союза в СССР оказывал польский Генеральный штаб. Большинство штабных офицеров были бывшими офицерами русской царской армии... серьезные, культурные, искренние и симпатичные люди. Целью их было дать нам максимальную информацию о жизни в СССР: как себя вести, чтобы не навлечь подозрения, как прописаться на жительство, как заполнять бланки на прописку и т. п.

Изучали географию, особенно детально приграничных районов с Польшей, изучали сеть железных дорог в этих местах. Где и как искать себе ночевку. Были уроки новой советской терминологии в быту. В большой степени помог конспект Околовича о жизненных условиях там и всевозможные ценные сведения, оставленные им после перехода туда в 1938 году. Лекции на эту тему читал сам Околович, а иногда член Союза из Земуна (тогда - городок в 5 км от Белграда. - Я. Т.) Александр Александрович Чупрунов. Был предмет - зашифровка и расшифровка корреспонденции попавшего туда члена НТС, а также курс фотографирования и проявления пленок. Его вел Шура Колков.

Был также курс структуры партии и государственного аппарата.

По субботам и воскресеньям мы тренировались на переход больших расстояний: отправлялись куда-нибудь в сторону от Варшавы в субботу в полдень и возвращались в воскресенье - тоже в полдень, делая в общей сложности по 60-80 километров. В это лето, помню, от понедельника до пятницы обычно стояла прекрасная погода, а по субботам и воскресеньям разражались грозы и шли дожди. Из-за этого мы часто возвращались в Варшаву страшно уставшими и промокшими. Должен сказать, что такие жестокие переходы принесли большую пользу. Не будь их, я никогда не смог бы дойти обратно до польской границы, когда утром 14 августа на нас напал советский пограничный патруль и я с проводниками шел, уходя от преследования, целый день и целую ночь почти без остановок".

Рассказ Г. Околовича

"В августе 1938 года пошел первый эшелон, - рассказывает Г. С. Околович, - шесть человек. С очень ограниченной задачей: тщательно изучить обстановку в стране и выяснить, действительно ли русский народ не хочет коммунистической власти? Готов ли он бороться? И стоит ли нам на это тратить силы, людей, время? Или лучше просто разойтись?"

Через границу пошли в три приема. Бабкин, Спица и Чупрунов шли вместе. Гурский - в одиночку. Колков и я - вдвоем. Из них Бабкин, Спица и Гурский погибли в перестрелке, натолкнувшись на погранични-

ков. Чупрунову чудом удалось вернуться: он сутки пролежал в болоте, в воде, у него потом кожа кусками отходила.

Нам с Колковым удалось пройти, и мы пробыли в Советском Союзе август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1938 года. Тут кто-то говорил, что мы пробыли в России восемь месяцев - это неверно.

Говорят: кто на войне не бывал, тот Богу не маливался. Я добавлю: тот, кто переходил эту границу, не только Богу молился, но и узнал, что такое чудо. Есть чудеса на земле.

Переходили мы границу ночью, без всяких дорог. На нас были комбинезоны и резиновые ботинки. А одежду, в которой можно было показаться в России, несли в рюкзаках. В темноте мы прошли около трактора, от которого еще шел жар. И тянуло запахом махорки: кто-то около трактора лежал. То, что мы там прошли - одно из чудес.

Расскажу, как была тогда устроена граница. Ночью в лесу все не так, как днем, все кажется иным. Вы слышите звуки, шорохи, хотя и знаете, что там, кроме каких-то мелких животных, никого и ничего нет.

На границе - иначе. Там как будто полное молчание. Но вы знаете, что все это живет. И вдруг - выстрел. Или где-то взлетит и вспыхнет ракета. Это совсем необычное ощущение, я не могу передать его словами: кажется, что ночью там и лес, и поля живут.

На польской пограничной стороне окопы, такие, как на войне. Возле них столбики, намотана колючая проволока.

Советская сторона начиналась с высокого, метра два с половиной, забора: деревянные столбы, а между ними натянута колючая проволока. Между проволоками, как раз на таком уровне, где удобно пролезать, проходит почти незаметный тоненький провод. Мы знали: заденешь его, и где-то раздастся сигнал. Так что мы пролезали пониже, один оттягивал проволоку, другой пролезал.

Метров через пятьдесят-сто - вспаханная и заборонованная полоса. Тот, кто ее переходит, - оставляет следы. Я взял Шуру Колкова, моего партнера, на плечи и перешел полосу "задним ходом". Конечно, пограничника с опытом я обмануть не мог. То есть на какое-то время мог заставить его думать, что шло не двое, а один, и не сюда, а туда. Но на изучение следов он все равно потратит время, а мы это драгоценное время выиграем. Потом пространство, метров, может быть, пятьдесят-сто, и вы наткнетесь на вал из сухого хвороста, высотой в человеческий рост, может, немного выше. Хворост уложен тонкими концами к вам. Когда вы перебираетесь через это заграждение, хворост ломается и хрустит - в ночной тишине вы производите невероятный шум. И тратите, повторяю, драгоценное время.

После этого вы проходите километров пять или шесть. Человек, не прошедший подготовку, мог бы подумать, что все препятствия кончились. Но это не так. Начинается вторая полоса пограничных преград.

На "вторую границу" мы наткнулись не в лесу, где нам пришлось бы плохо, а в поле. Где-то вдалеке вспыхнула ракета, немного осветила местность. И мы увидели - столбики в три ряда, а между ними все переплетено колючей проволокой. Если пробираться сквозь проволоку, потратишь целый час. Так мы перешли это препятствие, шагая со столбика на столбик! На наше счастье, на столбиках не было шипов. И, на наше счастье, мы не потеряли равновесия и не свалились в проволоку, оттуда бы не выбраться.

Мы переходили на минском направлении. Приграничная полоса - сто километров. В первой ее части, шириной в тридцать километров, жители выселены, а если какие и есть, то по особому разрешению. А дальше, в

полосе семидесяти из этих ста километров можно находиться только со специальным удостоверением жителя приграничной полосы. В этой стокилометровой полосе окна домов с вечера должны быть наглухо закрыты. Так что никакого света вы не видите, не можете по свету сориентироваться - и прямо натыкаетесь на деревню.

В какой-то момент произошла непонятная вещь: у нас отказали компасы, их стрелки начали вращаться. А мы прошли не более половины пути. Я до сих пор не могу себе объяснить этого явления, и никто из специалистов не мог. Может, там были подземные сооружения, на которые пошло большое количество железа, и оно влияло на магнитные стрелки?

Но тут нам снова повезло. Минск, куда мы шли, ночью давал зарево. Мы и шли какое-то время на это зарево, пока компасы не успокоились. В какой-то момент мы вышли из леса на прогалину. Видим: вдали вроде копна сена и кто-то ее перебрасывает на воз. Мы залегли и примерно полчаса решали: набрасывают сено на воз или нет? Я вижу, что набрасывают. И Колков видит: набрасывают. Значит, это не моя галлюцинация. Решили подобраться поближе и увидели, что это просто деревья...

Из-за этого у нас получилась задержка, и когда мы вышли с этой прогалины на скошенное жнивье, звезды начали бледнеть и начало чуть светать. Тогда мы решили, что не успеем затемно добраться до леса, видневшегося впереди, и вернулись по своим собственным следам назад, немного побрели по ручью, перешли его и залегли, чтобы переждать день. А днем слышим: по нашим следам, там, где было открытое место, с лаем идут собаки. Но поскольку мы вернулись по своим же следам и шли по ручью, собаки просто потеряли наш след. Это еще одно чудо.

Не доходя до Минска, мы переоделись, закопали оружие, так, чтобы его снова найти, если все будет благополучно и придется идти обратно.

В Минск мы пришли ночью.

Должен сказать, что встреча с Россией была для меня печальной. Потом я снова был в России, и это повторялось, но уже не с такой силой, как в первый раз. Первое ощущение: до чего они довели Россию! Я ведь помнил старую Россию и мог сравнивать. Впечатление было ужасающее.

И второе, незабываемое для человека, много лет прожившего за границей: все кругом говорят по-русски!"

Видеть собственными глазами

Задание, которое получили первые члены НТС, перешедшие в Россию, было, казалось, простое, а если смотреть сегодняшними глазами, - даже несколько странное. Но то были тридцатые годы, жизнь в стране необходимо было увидеть своими собственными глазами, потому что за границей ни иностранцы, ни эмигранты не представляли себе истинного положения.

Г. С. Околович и А. Колков изъездили всю Россию, выдавая себя за рабочих, встречались главным образом с людьми, которых именуют "простыми". И пришли к заключению, что народ коммунистическую власть ненавидит. Что он хотя и живет в страхе, но при определенных условиях мог бы восстать или поддержать восставших. И что НТС, следовательно, на правильном пути.

Георгий Сергеевич в своих рассказах не упоминал, что пребывание в стране не обошлось без опасных моментов. Попадали они и в облавы (искали кого-то другого, но проверяли всех подряд). А перед самым возвращением Георгий Сергеевич решил навестить человека, которого знал еще до революции. Тот испугался, подумав, что

это провокация, и сообщил в органы. Был объявлен всесоюзный розыск - но результата не дал.

О трудностях обратного перехода границы Георгий Сергеевич уже не нашел нужным говорить подробно, а только сказал, что был он, мол, в валенках, которые размокли и в них плохо было шагать...

На следующий год, в августе 1939 года в Россию из Польши переходили Бжестовский, Берегулько, Ольгский, Кельнер, Коняво-Фишер, Дурново и Колков. Готовился к переходу также Никоненко, но он за день до перехода скончался. Околович считал, что, очевидно, у него были нелады с сердцем и оно не выдержало чрезмерного волнения перед отправкой.

"Ольгский, Кельнер и Коняво-Фишер шли вместе, - рассказывает Г. С. Околович. - Они нырнули в темноту. Смотрю по часам: проходит десять, пятнадцать, двадцать минут. И вдруг там начинается перестрелка. Вы находитесь здесь и ничем помочь не можете. (Рассказывали, что Георгий Сергеевич пытался броситься на помощь, но польские офицеры удержали его силой. - Я. Т.) Перестрелка продолжается, потом слышу: граната. Потом еще граната. Одиночный выстрел. И потом - тишина. А вскоре по всей границе взлетели ракеты, была объявлена тревога. По тревоге прекрывают границу, чтобы переходящие не могли вернуться обратно в Польшу".

В начале перестрелки был ранен (по-видимому, в позвоночник) старший группы Коняво-Фишер. Ольгский и Кельнер пытались его вынести, но он сказал, что рана смертельная, и приказал им пробираться дальше - в Россию. Сам же, прикрывая их отход, отстреливался до последнего и, как предполагают, взорвал себя гранатой. Ольгский и Кельнер залегли в болоте и пролежали там несколько дней, пока не окончилась тревога. За это время все их бумаги пришли в негодность. (Пластики тогда еще не было, а клеенка, в которую заворачивали документы, долгого пребывания в воде не выдержала.) Одежда, которую они несли в рюкзаках, тоже испортилась. Им пришлось вернуться.

Бжестовский переходил границу вместе с Берегулько. Шли они с проводниками-контрабандистами из местных белорусов. Это оказалось ошибкой: увидев вдали пограничный патруль, один из проводников вместо того, чтобы укрыться в кустарнике, начал стрелять. Но пусть расскажет об этом сам Бжестовский.

Рассказ М. Бжестовского

"На определенном расстоянии от границы, параллельно ей, извивалась, как дорога, мелко вспаханная и выровненная бороной и граблями полоса земли. Идущий вглубь страны неминуемо должен был оставить на ней следы. Но так как вспаханная полоса тянулась от Черного до Балтийского моря, то чтобы держать ее в исправном состоянии, надо было сгонять на работу громадное количество крестьян, и полоса не везде была в порядке.

То место, где мы проходили, - в Пинских болотах, южнее реки Припять, - считалось у советской погранохраны очень трудным для перехода, и поэтому полоса там перепахивалась редко. Капитан рассказал нам, что проводники надевают на ноги широкие доски и переходят полосу как бы на лыжах. А атаман (так прозвали старшего проводника) объяснил, что они при переходе свежеспаханной полосы брали в руки по посоху с коровьими копытами на концах и такие же копыта прикрепляли к обуви: патруль на коровьи следы внимания не обращал. Другой вид препятствия:

вал из сухих деревьев и листвы. Третий вид препятствия - шнур защитного цвета, протянутый среди кустов и деревьев на высоте 15-20 сантиметров от земли. На шнуре подвешены колокольчики. Были также препятствия в виде волчьих ям...

После обеда нам рекомендовали лечь спать, так как всю ночь предстоял тяжелый переход через высохшее болото, а идти по эластичным кочкам тяжело.

Я, лежа на спине, не мог сразу уснуть. Что сейчас в Белграде? Наши, наверное, пошли купаться на Саву, на "Шест Топола" - Женька Дивнич, Машута Дурново, Сережа Попов, Ара Ширинкина и другие*? Проводники воплолоса переговариваются, что-то высматривают на северо-востоке. Говорят, что на советской стороне горят леса. Туда должны согнать все патрули, идти будет безопаснее. Было 13 августа, девять часов вечера. Один из проводников ворчит: 13-е плохое число, обождать надо было бы до завтра.

Пошли лесом на восток, еще на польской стороне. Атаман говорит: пройдем луг, перейдем границу. Русская земля после стольких лет! Приподнятое настроение. Идем то кустарником, то лесом, поляны обходим. Идти все тяжелее. Начались высохшие за лето болота, все в кочках, буграх высотой 15-20 сантиметров. Они мягкие и эластичные, как резина, и через них надо все время перескакивать. Так мы шли на восток всю ночь. Когда я отстаю, Берегулько ворчит: "Ну, Мишка, не будь гнилым интеллигентом, подтянись!". Атаман не дает ни минуты отдыха, говорит, что за ночь надо пройти как можно больше. Примерно в 20 километрах от границы, параллельно ей, идет тракт, его желательно перейти еще затемно, так как по нему едут грузовики и колхозные телеги. За трактом уже безопаснее. Вот и светает уже, а тракта нет, надо было пройти эти 20 километров за 5 часов, а мы идем уже 8... Вон вдали, километрах в трех, виден тракт и редкие телеги на нем. Атаман решает: выберем чащу погуще, закусим и спать на целый день. Так и сделали. По правилу один из трех проводников посменно дежурит.

Я сидел рядом с атаманом и смотрел, как он гадает, пройдем мы или нет. Он положил перед собой две круглые буханки хлеба, так, чтобы расстояние между ними было сантиметров восемь. Достал иголку с вдетой ниткой. Конец нитки вставил себе в ухо и стал раскачивать нитку вкруговую так, что иголка ударялась то в одну, то в другую буханку. Он пояснил: если игла при последнем своем качании пройдет между буханками, то мы пройдем благополучно, а если от буханки к буханке - не пройдем. Иголка качалась неопределенно - так мы и не поняли, пройдем или нет...

Проснулся я от страшного выстрела над самым ухом. Подняв голову, я увидел атамана, стоящего на одном колене. Он судорожно перезарядил винтовку и выстрелил еще раз. Лицо его было ужасно, неизвестно: серо-бледное, глаза глубоко впали и окруженные коричнево-фиолетовыми пятнами выражали крайнее внутреннее напряжение. Двое других проводников тоже вскочили и начали куда-то стрелять с колена. Я, еще не очнувшись ото сна, - тело и ноги онемели от ночного перехода - лег за

* Е. Дивнич был захвачен в 1944 году при занятии Белграда советской армией, отбыл в СССР два лагерных срока (второй за создание групп НТС), скончался в СССР. Мария Дурново погибла при переходе советской границы. Сергей Попов после войны был захвачен на границе ГДР при распространении литературы НТС. Ариадна Ширинкина скончалась во Франкфурте в июле 1990 года.

рюкзак, вытащил парабеллум и, заметив в пролеске какое-то шевеление, выстрелил туда. Оттуда тоже раздались выстрелы и просвистели пули. Атаман вскочил и крикнул: "Бежим!". Бежать было тяжело, все время пришлось перепрыгивать стволы упавших деревьев, огибать кусты. Сзади раздавались частые выстрелы, и мимо нас посвистывали пули.

Улучив момент, я оглянулся по сторонам и увидел только трех бегущих проводников. Я крикнул атаману: "Где приятель?". Он ответил: "Забит!". Возможность расспрашивать не было. Мы бежали под выстрелами еще минут десять. Выстрелы звучали уже вдали и реже. Раздался взрыв гранаты, потом еще и еще, в разных местах. Очевидно пограничники бросали их в заросли, опасаясь, не залегли ли мы там, чтобы их обстрелять. Прошло полчаса, мы выдохлись и перешли на шаг. Было 8 часов утра. Я спросил атамана, при каких обстоятельствах был убит Берегулько. Он ответил, что в тот момент, когда поднимался, чтобы бежать. Это же подтвердили и два других проводника. Убит или ранен? Определить было нельзя.

(Позже, из Варшавы, я описал Виктору Михайловичу Байдалакову обстоятельства нашего перехода, будучи твердо убежден, что Берегулько убит... Но спустя месяц или больше, уже в Белграде, Виктор Михайлович вызвал меня в кабинет и сообщил, что от Берегулько получено зашифрованное письмо из СССР... Я высказал соображение, что, может быть, Берегулько бросился в другую сторону, в то время как пограничники погнались за нашей группой, добрался до станции Бережесть и сел там благополучно в поезд. Или же он был ранен, захвачен, отвезен в Москву и зашифрованное письмо было написано под давлением НКВД.)

Итак, погоня начала отставать, но выстрелы и взрывы мы слышали еще до двух часов дня. Спали мы после утомительного ночного перехода всего каких-то полтора часа, и нести 20-килограммовый рюкзак было уже невозможно. Пробовать идти на восток мне казалось почти невозможным, но я все-таки спросил атамана, могут ли они меня проводить на другую станцию? Он ответил, что не могут, так как на станциях будет усилено наблюдение.

Возвращаться прямо назад было опасно, там нас, наверное, ждали. Поэтому атаман решил идти целый день на север к Припяти, а вечером уже повернуть на запад. Быстро идти уже не могли. Вырезали посохи в каждую руку и, опираясь на них, шли всю ночь. К полуночи я стал чувствовать, что дошел до предела человеческих возможностей и уже собирался сказать атаману, чтобы они шли дальше сами, а я пересплю в лесу и следующей ночью пойду один. Но в этот момент один из проводников улегся на краю тропы и сказал атаману то, что собирался сказать я. Атаман на него так взглянул, что тот вскочил и без слов поплелся с нами. Интересная черточка: как только я увидел, что я еще не самый слабый, у меня откуда-то появились силы. Но все-таки часа через два я свалился, и атаман снова посмотрел на меня так, что я понял: у них тут свои, лесные законы. Встал и заковылял дальше. Наконец, свалился и сам атаман. Мы тоже прилегли и через минут 15 двинулись дальше...

Атаман все всматривался в темноте в телеграфные чашечки на столбах - по их цвету (белому или зеленому) можно было определить, в России ли мы еще или уже в Польше".

А завтра была война...

Вышли они благополучно. Но ведь это была середина августа 1939 года... Сталин с Гитлером уже договорились о нападении на

Польшу. Рано утром 1 сентября Варшава проснулась от далеких раскатов рвущихся бомб.

Поскольку немецкие войска быстро приближались к Варшаве, группа НТС вместе со штабными польскими офицерами решила отходить в Венгрию или Румынию. Поезда по дороге немцы бомбили, были, как всегда в такой обстановке, задержки. На узловой станции Красно М. Бжестовский был свидетелем незабываемой картины.

"С нашего пригорка, - пишет он, - видна была зеленая поляна, окруженная садами и хатами. На поляне собралась большая группа евреев, человек 150, а то и больше. Большинство с длинными бородами, в черных длинных одеяниях и ермолках. Они образовали круг и в религиозном трансе стали что-то кричать и петь, воздев руки кверху и подпрыгивая. Это был какой-то певучий крик ужаса и отчаяния от наступающей беды и моление о спасении. Никогда этой картины не забуду! Вероятно, Бог внял их молитвам: дней через 8-10 в Красно пришли советские войска, и эти евреи спаслись. По крайней мере - от немцев."

По дороге поляки приняли группу членов НТС за советских шпионов, и им пришлось бы плохо, если бы не польский офицер, который во всем разобрался.

На румынской границе пропустили всех, кроме двоих с "нансеновскими" паспортами, бывшими тогда у многих эмигрантов. "Пока я не догадался, и это было еще одно чудо, что я догадался, - рассказывал Г. С. Околович, - дать взятку. У меня была пятифунтовая английская бумажка. Это тогда было немало".

Бумажка помогла, и группа добралась до Бухареста. Часть разъехалась по домам, а Г. Околович и М. Ольгский остались в Румынии, откуда переправляли членов НТС в Советский Союз. Это было намного легче: Советский Союз оккупировал Бессарабию, и члены НТС переходили под видом жителей Бессарабии, возвращавшихся домой.

*

Польша, от Генерального штаба которой Союз получил первую реальную помощь, была оккупирована. Часть польских друзей Союза ушла в подполье в самой стране, часть - за границу, чтобы оттуда продолжать борьбу. Создалось новое положение - и Союзу надо было искать новые пути и новых союзников для предстоящего нового этапа борьбы.

В те годы очень и очень многие, как в самой России, так и в российском зарубежье, надеялись на освобождение от большевиков с помощью иностранных сил: в такие исторические моменты иллюзии нередко сильнее трезвого разума. А трезвый разум говорил: помощи ожидать вроде как неоткуда. Германия - в руках национал-социалистов. Италия - фашистов. Франция в тисках тяжелого политического кризиса; Англия слаба - обе пытались было откупиться от Гитлера, даря ему (не свои собственные, естественно) территории, а теперь несут поражения. Соединенные Штаты стараются вообще держаться подальше от мировой политики.

Для руководства НТС в тот момент было ясно одно: что бы ни произошло, надо быть со своим народом. А поддержку искать не на "высших уровнях", а у отдельных, понимающих и любящих Россию людей, вне зависимости от их национальности и от того, какую позицию занимает их правительство.

От Белграда до Орла

Ариадна ШИРИНКИНА

Я принадлежу к тому поколению эмиграции, которое "успело" родиться в России: я родилась в Харькове, 3 декабря 1917 года, куда мои родители, коренные петербуржцы, бежали от большевиков. Отец, кадровый офицер ("синий кирасир"), служил курьером между Деникиным и союзниками. В 1920 году мы эвакуировались из Новороссийска через Лемнос. На пароходе заболела и умерла моя младшая сестра. С острова Лемнос мы переехали в Югославию.

Материально моим родителям, как и многим другим эмигрантам, пришлось очень трудно - отец был офицером и кроме этого ничего не умел, мать подрабатывала тапером в немом кино. К тому же отец был картежником и иногда проигрывал все семейные деньги, после чего в доме просто нечего было есть. Когда мне было восемь лет, родители разошлись. Я этому была очень рада, так как была на отца в обиде. Вскоре у меня появился отчим, тоже из офицеров добровольческой армии, который и заменил мне отца. Его материальное положение тоже не было блестящим: он зарабатывал тем, что пел по кабакам. Голодать мы с того времени не голодали, но одеться, например, всегда составляло трудность,

Я поступила в русско-сербскую гимназию и стала очень много читать. Главным образом - "взрослые" книги из библиотеки моего отчима. Русская колония в Белграде была довольно большой, отличалась богатством и ее культурная жизнь. Все разговоры взрослых о политике и освобождении России я впитала с детства. Однако вскоре эти разговоры, за которыми не следовало никакой деятельности, стали мне надоедать, и я потеряла к ним интерес.

В 1928 году в Брюсселе скончался Врангель. Тело его привезли в Белград, и вся наша гимназия участвовала в похоронной процессии. Его могила и сегодня существует, но до последнего времени она была огорожена, и к ней никого не подпускали.

Тогда эти похороны одного из вождей Белого движения на мои патриотические чувства особого влияния не оказали. Но любовь к незнакомой Родине жила у меня с ранних лет. Я помню, как мы с подругой - семилетние девочки - во время прогулок часами обсуждали, как нам спасти Россию.

Я с детства мечтала стать врачом, и по окончании гимназии поступила на медицинский факультет Белградского университета. Первый год моей студенческой жизни прошел вполне обычно. Вскоре я познакомилась с одной гимназисткой, которая занималась выпускном стенгазете, а так как я выпускала стенгазету еще в гимназии, она попросила меня помочь. В разговорах с ней стала всплывать тема Союза, один раз она принесла мне тогдашний орган НТС "За Россию". Я начала читать газету, и меня одолела смертельная скука. "За меня" газету начал читать мой отчим, хотя и относился к НТС критически. Потом моя новая подруга стала звать меня в союзный клуб. Я долго отнекивалась, чураясь всякой политики. Вдобавок с чужих слов я считала, что НТС "посылает на верную смерть

молодежь". Но подруга не отставала и соблазнила меня тем, что в клубе НТС можно послушать новые пластинки с русскими песнями.

Клуб был битком набит незнакомым мне народом. Клубы сигаретного дыма, играет музыка. Мое внимание обратили на себя какие-то два чудака: один все время улыбался, второй, рассуждая о чем-то, все время смотрел в потолок. Это были Додик Неймирок и Юра Герцог (два видных "идеолога" раннего НТС). Мы с подружкой скромно сели в уголок и стали слушать музыку. Тут ко мне подошел какой-то человек и начал шептать мне в ухо - рассказывать, указывая на висящие на стене портреты погибших членов Союза. Потом он перешел к рассказу о Союзе. Я слушала его и думала: "Как бы мне от него отделаться?" Под конец вечера он вдруг сказал: "Наше помещение иногда нужно убирать, не могли бы вы приходиться и дежурить?". Я смутилась, но согласилась.

Я пришла на следующий день, с которого, можно считать, началось мое вхождение в Союз. Я быстро со всеми перезнакомилась - кому-то нужно было помочь печатать листовки на ротаторе, кто-то автоматически разговаривал со мной, как со своей и т. д. Вскоре меня определили в какое-то звено, начали учить политическим наукам, в которых я в то время разбиралась слабо, а из читавшихся докладов понимала не более половины. В НТС я еще не вступала.

Примерно через год меня вызвал Женя Дивнич (председатель Белградского отдела Союза) и повел такую речь: "Вы уже год к нам ходите. А знаете ли вы, что каждый из нас готовит себя для похода в Россию? Подумайте, готовы ли вы к этому? Если да, тогда ваше место у нас, если нет, то вам у нас делать нечего. Подумайте и решите для себя этот вопрос".

Больше меня никто об этом не спрашивал, но я сама долго думала над этим вопросом и решала его для себя. Когда я пришла к окончательному решению, я стала проситься в Россию. Тут начался обратный процесс: "Вам восемнадцать лет, таких молодых мы посылать не можем, вот если ваша мать разрешит..." Тут началась проблема с мамой: она была хитрая - не говорила ни "да", ни "нет", а сама все рассчитывала, что мое увлечение НТС пройдет. А отчим, вернувшись с работы подвыпивши, плакался матери: "Ее пошлют в Россию, не посмотрев на возраст, она погибнет!"

С первого раза мое вступление в НТС не удалось - я провалилась на экзамене по политической подготовке, второй раз на мою "неуспеваемость" махнули рукой, и я стала членом Союза.

Из-за моего "увлечения" НТС стала страдать учеба, а так как медицинский факультет считался очень дорогим, родители поставили вопрос ребром: или учеба, или политика. К началу войны я окончательно бросила учебу.

В апреле 1941 года, после трехдневной бомбежки, немцы вошли в Белград. Война между Германией и Советским Союзом для нас представлялась неотвратимой. После долгих дискуссий и споров руководство вынесло решение: после начала войны членам Союза прибегать к оккупированным территориям. Такой наказ был оставлен и белградскому отделению. Так как немцы запретили все ненацистские организации, Союзу пришлось "самораспуститься", и деятельность его с той поры была подпольной. (Кстати, подруга моя, которая привела меня в НТС, сама избрала потом другой путь: она пошла к партизанам Тито.)

Из Берлина, где находилось руководство НТС, была отстроена система переправки людей в Россию. Первыми оказывались в России те члены Союза, которые жили в Польше, потом настала очередь Югославии: в конце 1941 года мы получили визы. В моей группе были Володя Молчанов и Юра Жедилягин. Мы выехали в Берлин вполне легально, с визами. Это было 21 января 1942 года.

В Берлине тамошние члены Союза разделили нас по квартирам — я жила несколько дней на квартире у Николая Бевада. Помню, как вместе с Казанцевым мы пошли в ресторан (по карточкам). Ресторан был полон, мы ждали заказ, и вдруг наступила тишина — из громкоговорителя раздался голос Гитлера. Кто-то из нас попытался что-то сказать, но немцы посмотрели на нас с такой ненавистью, что мы замолчали. Это благоговение меня шокировало — такого фашизма от лающего голоса "фюрера" я не ожидала.

В Берлине мы прожили не больше недели — вся группа выехала в Варшаву. Путь не был легким: нужно было ехать до Катовиц (тогда — немецкий город), откуда нужно было добираться до Сосновиц, входивших тогда в "генерал-губернаторство" — оккупированную Польшу. В Сосновицах работала группа польских подпольщиков, которые встречали нас в Катовицах, оттуда на Сосновицы ходил простой трамвай, на котором нас перевозили. В Сосновицах нас "передали" в семью польских подпольщиков, где мы ждали проводника. Он должен был нас провести до Кракова, где нам надо было нелегально сесть в поезд, идущий в Варшаву. Документов, разрешающих нам пребывать на территории "генерал-губернаторства", у нас не было.

Был март, мы шли по льду через речку, периодически проваливаясь, потом лесами вышли на какую-то станцию, откуда мы и должны были ехать до Кракова. В Краков мы приехали ночью, после начала комендантского часа. Проводник сказал, что мы возьмем извозчика, которого немецкие полиция обычно не контролируют. Договорились, что в случае чего мы друг друга не знаем. По дороге к конспиративной квартире нам навстречу попался патруль. Наш проводник неожиданно бросился бежать. Его сразу же схватили, а вместе с ним и нас. Привезли в участок. Проводника куда-то увели. Мы достали наши паспорта — именно в них и заключалось наше счастье, так как в этих паспортах сами немцы ничего не понимали. У нас спрашивают: "Знаете ли вы этого человека (проводника)?" Мы говорим — нет, мы просто вместе на извозчике ехали. "Куда вы направляетесь?" "Мы к родственникам в Варшаву. Здесь хотели найти гостиницу, чтобы переночевать".

Все это спрашивалось по-немецки, и мы мало что понимали. Вызвали переводчика. Он оказался украинцем и по-русски не понимал. Тут началось полное "смешение языков" — украинского, польского, сербохорватского и русского, так что через несколько минут такого "допроса" мы перестали понимать друг друга совершенно. На нас махнули рукой и отправили в гостиницу, извозчик ждал снаружи. Проводника задержали — он, оказывается, занимался контрабандой и был известен полиции.

Гостиница была самая захудалая, без отопления, с замерзшей водой. Мы стали сообщать, что немцы знают, где мы, и если они все-таки почуют неладное, нас спокойно заберут отсюда на следующий день. Чуть только рассвело, мы из отеля сбежали и стали думать — куда же идти? Ни одного адреса в Кракове у нас не было.

Мы знали только, что здесь живет девушка (кажется, Макарова), член НТС. Но где ее искать? Кажется, мы ее нашли по телефонной книге.

Она спрятала нас у себя, несмотря на то, что была тяжело больна, и пошла искать возможности отправить нас в Варшаву. Ухитрилась достать нам билеты и провести нас к поезду, минуя проверку документов. До Варшавы мы доехали благополучно.

В Варшаве мы явились к Александру Эмильевичу Вюрглеру – руководителю польского отдела НТС, который во время войны возглавлял акцию переброски членов Союза в Россию. Вюрглер распределил нас по разным квартирам союзников, где мы оставались месяца, ожидая дальнейших распоряжений. На этот месяц Александру Эмильевичу удалось устроить меня и еще одну местную девушку из НТС в госпиталь для советских военнопленных медсестрами. Военнопленных привозили из концлагерей – это были уже форменные доходяги. На каждую из медсестер приходилось по сто человек.

Мы проводили там почти весь день. Старались доставать какую-нибудь еду, что было не так просто. Это была моя первая встреча с советскими людьми. Кроме туберкулезников (по тем временам фактически смертников) и "доходяг" там были два врача, тоже из пленных, и санитары. Один врач был кавказец, второй украинец, по фамилии Иващенко, бывший комиссар. Личность была мерзкая. Как-то раз кто-то из больных, знавший о его прошлом, рассказал об этом другим больным, за что Иващенко моментально выписал его обратно в лагерь как здорового.

После этих встреч я разочарована не была: большинство из лежавших в госпитале людей я воспринимала как своих, отчужденности ко мне, эмигрантке, не чувствовалось.

Примерно через месяц нас вызвал Александр Эмильевич и сказал, что мы должны ехать в Брест, где есть члены НТС, у которых мы сможем остановиться. В Бресте я должна была собрать паспорта всей нашей группы, пойти в немецкую комендатуру, найти там какого-то немца (фамилию не помню), сказать ему пароль, а он должен был поставить для нас необходимые печати, с которыми мы могли бы двигаться дальше.

Я нашла этого немца (малый чин, по-моему, фельдфебель), он, ни слова не спросив, взял наши паспорта и выдал нам разрешение на въезд в "Остланд". Эта территория начиналась от Бреста и кончалась Борисовом. Нас было трое – Молчанов, Жедилягин и я.

Поезд в Минск пришел ночью, причем на запасные пути. Мы вышли – кругом темно, никаких огней, куда идти? Смотрим – из поезда выходит какая-то женщина в платочке, с мешком, и уверенно идет куда-то. Мы – за ней. Спрашиваем: "Как пройти на вокзал?" Она подозрительно спросила: "А зачем вам на вокзал?" Мы говорим, что приехали к друзьям, но города не знаем, хотим переночевать на вокзале. Она посмотрела на нас как на сумасшедших: "У вас есть пропуски? Если не хотите попасться немцам, на вокзал не ходите, и вообще сейчас по городу ходить нельзя". Мы идем с ней и интересуемся: "Где можно было бы переждать?" Она помолчала, потом остановилась: "Что мне с вами делать? Может быть, я делаю глупость, но идемте со мной".

Она привела нас к себе. Семья – муж, дети, бабушка, дедушка. Нас приняли как родных и стали расспрашивать – 1942 год, эмиг-

ранты были редкостью. Нас накормили-напоили, положили спать и спросили адрес наших друзей в Минске. Мы, ничтоже сумняшеся, сказали. Много позже я узнала, что наш хозяин служил в полиции, и поэтому его жена имела ночной пропуск. Правда этот "полицай" позже был арестован немцами за связь с партизанами.

Утром, после завтрака, мы вышли из дому и увидели Игоря Кузьменко с тележкой для наших чемоданчиков - хозяева успели найти Осоавиахимовскую улицу, где была квартира НТС. После этого я нашего случайного гостеприимного знакомого не встречала, он явно на нас не донес.

Мы поселились на Осоавиахимовской. Это было за неделю до Пасхи 1942 года. Местные девчата, с которыми успели познакомиться съехавшиеся члены НТС, собрались в деревню, чтобы добыть чего-нибудь съестного к Пасхе. Мои товарищи Игорь Кузьменко и Вадим Молчанов отправились с ними. Никто из них не вернулся. Я осталась одна, не зная, что делать. Много времени спустя мы узнали, что они попали под немецкую облаву, ребят приняли за беглых военнопленных и посадили в тюрьму. Они просидели полгода, переболели тифом, но им удалось выкрутиться.

Но все это выяснилось позже, а тогда я связалась с Георгием Сергеевичем Околовичем (руководителем НТС на Севере России), и он приказал мне ехать в Смоленск. Меня снова нелегально посадили на поезд, направляющийся в Борисов, указанный в моих документах как граница "Остланда". Поезд был военный, поэтому сидеть мне пришлось не в вагоне, а в тормозной будке. Возле Борисова ее отцепили - поезд ушел, а она осталась стоять. Я вылезла и пошла искать поезд на Смоленск. Там было много составов, набитых немецкими солдатами. Из одного эшелона мне ответили, что он идет на Смоленск. Я стала проситься с ними, они ответили, что брать гражданских не имеют права. Я стала плакаться, говорю, к маме еду. Они посмотрели направо-налево и взяли меня в вагон, по которому прятали на каждой остановке. Путь был нервным - время от времени солдаты начинали ко мне приставать. В таких ситуациях я начинала говорить о маме, которая меня якобы ждет, они тогда тоже вспоминали свои семьи, доставали фотографии родственников, и опасность "ухаживания" отходила.

В Смоленск мы приехали опять-таки ночью. Солдаты меня не отпустили, сказав, что в Смоленске во время комендантского часа стреляют без предупреждения. Прождав до утра, я выкатилась из поезда и по снегу пошла искать улицу Зеленый ручей, где была квартира НТС.

На улице ни души, снег и развалины. Вокзал был также разрушен. Вскоре, перейдя через мост, я встретила первый немецкий патруль, внимания на меня не обратили. Народу на улицах почти не было, я увидела какого-то дядьку и спросила про Зеленый ручей. Он сказал, что не знает. Следующая старушка знала город лучше. Зеленый ручей я нашла. Зашла в нужный мне дом и спрашиваю Георгия Сергеевича. Вышел Коля Захаров, который и должен был быть моим контактом. Меня накормили и уложили спать.

Пока я спала, Коля побывал в городской управе, где Георгий Сергеевич заведовал транспортным отделом. Я проспала целый день, когда проснулась, Георгий Сергеевич забрал меня на другую сочную квартиру на Горбуновской улице (до войны - улица Декабр

стов). В этом двухэтажном доме квартировали артисты местного театра. В нем я и стала жить.

Было голодно, по карточкам выдавали только хлеб, который с непривычки было трудно есть. Ничего, привыкли. Но из деревень, где были члены Союза, нам иногда привозили засоленного мяса. Членов НТС в Смоленске к тому времени было человек двадцать - и приезжие, и местные. Как-то я зашла в дом и увидела молодого человека в военной шинели, играющего на скрипке. Это был некто Петр Ильич Иванович, которого удалось вытащить из плена, так как он был известный скрипач (судя по всему, и имя, и фамилия были выдуманные). Он часто бывал в нашей среде, потом я сталкивалась с ним во время работы на радиоузле. Позже с ним случилась такая история.

В общежитии актеров жил один дирижер, дирижер неплохой, но невероятный подхалим, ходивший перед немцами на задних лапках, что Петра чрезвычайно раздражало. Он сначала смеивался, а потом решил разыграть дирижера: написал фальшивый вызов в Гестапо и оставил у него в комнате, собираясь утром сообщить тому о своем розыгрыше. Но вечером Петр Ильич застрял в нашей компании до самого комендантского часа и возвращаться домой не мог.

Утром дирижер пошел в Гестапо, там быстро сообразили, что вызов фальшивый, и начали дело. Немцы довольно быстро выяснили, кто автор вызова, и Петю арестовали. Тогда мы на радиоузле нарочно составили такую программу передач, что без нашего Петра Ильича было не обойтись, и представили ее работавшим там немцам. Те тоже заволновались и пошли в Гестапо его выручать. Полностью выручить его не удалось - его привезли на выступление, а потом отправили обратно в тюрьму. Мне и Сергею Тарасову тем временем пора было уезжать в Орел, но мы успели перекинуться словом со скрипачом и договорились, что если его выпустят, он даст в местной газете объявление: "Покупаю ноты Чайковского". Петр просидел несколько месяцев, но потом его все-таки выпустили.

Но притикой Петя не особенно интересовался. Какое-то время спустя нас предупредили о возможном обыске. Я пришла к Пете и спросила - возьмет ли он на хранение пакет с "краснолом"? Пакет он взял, и когда опасность обыска миновала, вернул мне пакет и спросил "Почему ты мне поверила, ведь я же мог вас выдать?" Он потом долго удивлялся моему доверию, членом НТС не стал, но очень к нам привязался и помогал чем мог.

Раба НТС в Смоленске велась по личной инициативе каждого, по нескольким направлениям. Во-первых - помогать населению по мере возможности. Для этого многие из наших работали на гражданских должностях в городской управе. Во многом это было возможно благодаря городской голове Меньшагину (о нем недавно вышлагига). Георгий Сергеевич ведал транспортным отделом. На деле означало единственную машину, находившуюся в его ведении, и которой нужно было колесить по всем окрестностям в поисках топлива для города: то ехать на лесозаготовки в леса, то добыть его у немцев. Позже появились базары и толкучки, маленькие ресторанчики. Мы пытались на практике показать населению возможность нормально жить и облегчить условия оккупации. Немцы вивались сравнительно мало, но когда это происходило, нам было еще ругаться с ними, так как мы были с Запада, отношение к нам было другое, и "всемогущего начальства" мы боялись меньше.

С НТС-овской литературой было сложнее, возможности печатать ее на месте не было, приходилось довольствоваться тем, что мы привезли с собой, и устной пропагандой. Позже курьеры начали привозить нам литературу из-за границы. В некоторых местах нам удалось установить связи с партизанами, главным образом - с "зелеными", которые боролись "против немцев и большевиков". Им мы также передавали нашу литературу и программу. Такие связи были установлены в Борисове. В других местах связь с партизанами держал Игорь Юнг. На связь он ходил сам, в немецкой форме. Под Могилевом к партизанам ходил Женя Волновский. Молодой парень из местных, его на этом захватили немцы и расстреляли.

С июня по октябрь 1942 года я пробыла в Смоленске. В это время мы (я и Сергей Тарасов) получили от Георгия Сергеевича Околовича задание отправиться в Орел и создать там группу НТС. Как - дело наше, к инициативной работе нас готовили. Что касается документов, то это единственный раз, когда у нас был "маршбефель", немецкое направление, которое как-то раздобыл Околович. Мы должны были сдать его в комендатуру по приезду. Кроме этого у нас не было ничего, ни денег, ни работы, ни жилья.

По дороге мы остановились в Брянске, где была довольно большая группа НТС. Один из членов Союза в Брянске Хасапов (из чешской эмиграции), желая помочь, неожиданно оказал медвежью услугу. У него было знакомство с сотрудником местной газеты в Орле. Неизвестно почему, но Хасапов считал его своим и попросил его помочь нам по приезду. Этот промах и послужил началом нашего последующего провала.

Мы приехали в Орел, отметились в комендатуре и чуть ли не в тот же день пошли в редакцию газеты. Газета была приписана к немецкому отделу пропаганды, и ее фактическим заведующим был некто Октан - русский эмигрант из Румынии, старый кадровый немецкий разведчик, но все это выяснилось слишком поздно. Когда я пришла устраиваться в газету, контакт сказал, что он сам этого решить не может, что со мной должны поговорить более влиятельные люди. Появился Октан, после недолгих распросов предложил мне написать пробную статью. Он спросил, есть ли у меня продуктовые карточки и место где жить? Ничего у меня не было. Он тут же выдал мне талоны в местную столовую. Полученные в столовой щи я принесла Сергею (он в газете не появлялся в целях конспирации, но уже ухитрился найти где-то комнату). Щи мы съели вдвоем, а потом я написала статью на тему "что такое пропаганда", так как это мы проходили в звеньях НТС и особого труда задание не составило.

На следующий день я принесла статью в редакцию. Меня попросили прийти через некоторое время. Когда я пришла за ответом, мне сказали, что некто майор Волков из отдела пропаганды хочет со мной поговорить. Как потом выяснилось, "Волков" оказался немцем, хотя и неплохо говорящим по-русски. С места в карьер он стал меня спрашивать об НТС. Он сразу же показал осведомленность об НТС, стал меня спрашивать - откуда у меня такие знания о пропаганде? Я отвечала, что знала НТС по Белграду, но организации больше нет, а с пропагандой я знакома по литературе. Из этой беседы я почувствовала, что НТС он не очень любит.

Он попросил написать статью для газеты на какую-нибудь другую тему. Я написала большую статью на историческую тему, легенды о Смоленске, которых я к тому времени немало насобирила. Статью приняли, но сказали, что свободного штатного места в редакции нет.

Сереза тем временем устроился в театр, в местный ансамбль. Через театр он познакомился с одним немцем, военным офицером в довольно высоком чине. Сергей начал обрабатывать немца на тот счет, что среди населения нужно вести антикоммунистическую пропаганду. Он сказал, что у него есть одна знакомая, которая могла бы этим заняться, например, устроить выставку, посвященную преступлениям большевизма. Немцу эта идея понравилась.

Сергей пришел ко мне и велел писать докладную о выставке. Материалы для подобной выставки (которая готовилась в Белграде, но не состоялась) у меня были: диаграммы, сравнение зарплатков в СССР и Западной Европе, материалы о голоде времен коллективизации. Докладную мы составили вместе, он отнес ее этому немецкому офицеру, тот идею одобрил и сказал, что подобную выставку можно было бы сделать передвижной и ездить с ней по всей оккупированной зоне. Мы обрадовались: появилась бы возможность для связи между группами НТС по всему району, что в настоящий момент было очень затруднительно. Пропагандный отдел идею также одобрил.

Я сказала немцам, что материалы для выставки остались в Смоленске и что мне необходимо их оттуда забрать (на самом деле они у меня были с собой, но мне нужно было согласовать это начинание со смоленской группой). На командировку дали добро. Когда я пришла за документами, меня представили немецкому сержанту, сказав, что он художник и поедет со мной, чтобы помочь в оформлении выставки.

"Художник" не отходил от меня ни на шаг до самого Смоленска, там мне удалось его отвлечь и добраться до Георгия Сергевича с докладом. Привезенные мной диаграммы я положила в один чемодан, а второй был набит солью, которой в Орле не было, и поэтому она могла быть для нас ценной валютой. В дороге мой сопровождающий несколько раз переспрашивал – в каком чемодане соль, а в каком документы?

Когда мы приехали в Орел, немец пошел вызывать машину. В дороге я задремала, вдруг просыпаюсь – машина останавливается возле патруля, у которого мой сопровождающий начал выяснять дорогу к какому-то зданию. Я поняла, что везут меня совсем не домой. Патруль, из русских полицаев, наконец понял, что ищет немец: "А, так вы это про тюрьму спрашиваете!".

Действительно, меня привезли в тюрьму. Извинился, мол, приказ, и уехал. Тюрьма была большая, старая, еще царских времен. Меня поначалу даже не обыскали, отобрали документы и отвели в камеру. Затопили печь – уже было холодно, – и оставили одну. На мое счастье, не забрали сумку, в которой у меня была привезенная из Смоленска "Схема народно-трудового строя", только что доставленная из-за границы, и несколько НТС-овских значков для приема в Союз первых людей в Орле. Я быстро засунула все, что было в сумке крамольного, в печку.

На следующий день сумку отобрали и меня перевели в другую камеру, набитую женщинами разных возрастов, сидевших по одному

делу, сфабрикованному одним из сотрудников Гестапо. Этот провокатор создал фиктивную партизанскую ячейку, куда самыми разными, зачастую отвратительными методами, вербовал людей, а затем выдавал их. Таким образом было арестовано около ста человек. Сокамерниц все время вызывали на допрос, а меня – нет. Сiju, жду. Наконец меня вдруг вызвали и начали допрашивать по тому же делу, что и остальных! Немец-следователь удивился, узнав, что к этому делу я не имею никакого отношения, начал выяснять, откуда я и почему здесь? Я сказала, что приехала из Белграда. "Ах, из Белграда! – обрадовался он. – А знаете ресторан «Казбек»?" Оказывается, он сам служил в оккупационных войсках в Белграде. После воспоминаний о югославской столице он отправил меня назад, в камеру. Там я просидела четыре месяца.

В один прекрасный день меня вызывают, я вижу – рядом с немцем стоит наш сосед по дому, где мы жили с Сережей, некто Птицын. Его вывели из соседней камеры. Он посмотрел на меня с таким презрением: "Ах вот вы какая!". Он решил, что я в одной компании с этим немцем. Только когда нас вместе посадили в машину и повезли на допрос, он понял: "Так вы тоже арестованы!".

Нас разделили: его повели к одному следователю, меня – к другому. Мне было предъявлено первое обвинение: "Мы вас арестовали за нелегальный въезд в Орел!". По странному стечению обстоятельств это был единственный раз, когда мы легально въехали в город! Я объяснила полную легальность моего пребывания в Орле. Следователь удивился: "Идите, мы будем проверять". Меня отвели в следственную камеру, там было человек двадцать арестованных, большинство по тому же "партизанскому" делу.

Так я досидела до Пасхи. В камере начались разговоры о Боге, выяснилось, что кроме одной портнихи, все верующие. Решили попросить разрешения привести священника. Обещали, но не пригласили. Наизусть даже я знала довольно мало молитв, чтобы подготовиться. Вдруг одна женщина, державшаяся в стороне от всех (она была женой секретаря обкома, и с ней общаться не хотели), достала из кармана молитвослов. Мы начали молиться каждый день. На Воскресение Христово, ночью, мы все дружно грянули: "Христос Воскресе!". Охранники испуганно загрели засовами, открыли двери, но тихо простояла до окончания пения и лишь потом попросили нас не шуметь. Вижу – одна девчонка-комсомолка (ее арестовали за то, что она демонстративно носила значок с Лениным) разревелась и говорит: "Я ведь даже креститься не умею!".

Наконец меня вызывают к следователю и говорят: "Нет, все-таки вы приехали нелегально!". Следователь достал альбом с фотографиями (его нашли в моей квартире при обыске) и начинает спрашивать меня о людях, изображенных на снимках. Я отвечаю, что это мои друзья. "А как зовут этого?" – показывает на Байдалакова. И сам называет. Я отвечаю, что да, НТС существовал, но самораспустился. Иногда следователь начинал кричать, я – тоже. Меня снова увели.

В августе, незадолго до ухода из города немцев, меня вызвали к новому следователю, который сказал: "Доказательств у нас нет, но создалось впечатление, что вы – член НТС и приехали сюда по его заданию. Поэтому мы считаем необходимым выслать вас в Германию".

На следующий день меня на легковой машине отправили в Брянск. К этому времени я заболела чесоткой, была вся покрыта ранами, которые страшно чесались. Из Брянска меня повезли в Смоленск, где у меня вдобавок началось воспаление десен. Надо мной сжалились и повели в поликлинику. Там я увидела одну знакомую и успела шепнуть, чтобы Георгию Сергеевичу передали, что я в здешней тюрьме. Мне немного подлечили десны, но обнаружили чесотку и отправили в городскую больницу: немцы как огня боялись заразы. Старик-врач, который меня осматривал, сказал, что привели меня вовремя, еще немного и началось бы общее заражение крови. Вскоре появился Околович, он попросил доктора держать меня в больнице как можно дольше. Чесотку вылечили через две недели, а продержали меня месяц. За это время Георгий Сергеевич устроил меня "под крышу" - в "Зондерштаб Р", столь часто упоминаемый в советской прессе.

Ведомство это в теории должно было вести наблюдение за советскими партизанами, но на самом деле члены НТС в нем занимались халтурой, лишь используя его проездные документы для своих целей. С помощью "Зондерштаба Р" многим членам Союза удалось на время скрыться от Гестапо. После больницы я пробыла в тюрьме ровно два дня, после чего меня выпустили с обязательством отмечаться каждую неделю и не покидать город. Отметиться мне пришлось раза два, советская армия уже приближалась к Смоленску, и пора было уезжать. Но эти две недели были интересны тем, что в городе появились "ходоки" с Украины, которые искали Власова. В это время над некоторыми районами оккупированных областей были сброшены власовские листовки, но где создается РОА и где искать Власова, никто не знал. Причем эти ходоки - часть из них пришло в городскую управу - были присланы от некоторых партизанских отрядов! Помочь мы им ничем не могли: Власов был в Германии, и они, разочарованные, пошли обратно. Дело было в том, что немцы, пустив пропаганду РОА, тут же испугались, увидев положительную реакцию населения.

Пришлось мне побывать и в Катини, где расстреляли тысячи польских офицеров. Раскопки закончены не были, но кругом разрытых ям валялось много пуговиц от военных форм. На этом месте, где до войны стояли дачи сотрудников НКВД, было расстреляно и много русских. Это рассказывал старик-лесник, который упоминается во многих свидетельствах о катынском преступлении.

При подходе советской армии был приказ немецкого командования: всему населению Смоленска - уходить, оставшихся ожидала кара. Многие дома немцы взрывали, но карать всех оставшихся времени у них уже не было.

В Орше я была проездом, где получила от Георгия Сергеевича направление на Могилев. В Могилеве мне и пришлось работать в прессовом "Зондерштабе Р": это была маленькая контора, начальником которой был некто Арский, украинец по происхождению, но немецкий подданный. При нем же состоял Владимир Молчанов. Последнему приходилось часто встречаться с немцами, которых он ненавидел всеми фибрами души, а когда он выпивал, то все время хотел кого-нибудь из них застрелить: несколько раз нам приходилось его скручивать, когда он, размахивая пистолетом, грозился пристрелить всех "немецких сволочей".

Кончилось это тем, что однажды он прострелил себе ногу. Он выскочил на улицу и сказал, что идет к партизанам, и ушел в ночь. Мы бросились за ним, но он успел скрыться. На следующий день я проснулась от стука в окно - Володя! Когда он дошел до леса, его остановил немецкий патруль, увидев немецкую форму и поняв, что тот пьян, патруль не стал с ним связываться, а просто повернул назад.

Могилев, когда мы туда приехали, был совершенно целенький. Но вскоре начались советские бомбежки. Я помню одну из них: лунная ночь, самолеты проносились прямо над крышами, зенитной защиты не было. Разбомбили детский дом, много жилых зданий. Почему-то все бежали спасаться на кладбище.

Никаких крупных немецких военных объектов в городе не было.

По мере приближения линии фронта к Могилеву мы двинулись в Минск, где собрались члены Союза из Вязьмы, Белоруссии, Смоленска и других городов. Ни Арского, ни "Зондерштаба Р" я уже больше не видела. Никаких официальных бумаг у нас не было, мы приехали как простое население, беженцев в Минске было немало. Кроме того К. В. Болдырев к тому времени создал строительную фирму "Эрбауэр", которая дала возможность легализовать многих членов НТС, не связываясь с "Зондерштабом". Последний был немцами в конце 1943 года ликвидирован; руководивший проникновением туда членов НТС А. Э. Вюртлер был убит в Варшаве гестаповцами.

Наша союзная работа в это время в основном заключалась в распространении листовок "Ни немцев, ни большевиков", этим в Минске занималось примерно десять человек. Листовки были рукописные или сделанные на шапирографе, подписаны были не НТС, а "Народный сговор" - в целях конспирации. Кроме того мы вывесили несколько плакатов: "Долой немцев и Сталина, да здравствует свободная Россия!". Следователи потом не верили, что нас было только десять человек, мы "обработали" почти весь город. Проработали мы недолго: в марте 1944 года нашу группу арестовали, выдал провокатор.

Однажды вечером мы обсуждали возможность выпуска подпольной газеты, я как раз набрасывала план. Потом пошли на чей-то день рождения, сидели, закусывали, поздравляли "новорожденного". Вдруг меня вызывают во двор. Там стоят два гестаповца в форме и говорят, что хотели бы со мной побеседовать. Я сказала, что пойду оденусь, предупредила наших, взяла сумку и пальто и пошла.

Меня привезли в здание Гестапо, отобрали сумку, где были зашифрованные записки о выпуске газеты, документы и моя крестильная икона. Меня посадили в одиночку, в том же здании, в подвале: на полу матрас, ходить там было невозможно, только лежать и сидеть. Еду разносили еврейки, которые сидели здесь же.

Вскоре меня вызвали на допрос. Допросы потом продолжались около месяца, ежедневно. Моим следователем был некто Глеб Умнов из Смоленска, который знал о нас и раньше. Моей основной задачей во время допросов было не назвать никого из соучастников. Следователь был опытный, все время старался меня поймать на слове, но пыток не применял. В свою очередь я пыталась выяснить, что он знает о нас. В один момент я его перехитрила: он назвал пароль, который знала только я и выдавший нас человек, таким образом он "засветил" провокатора.

Следователь устроил мне очную ставку с Лелей, моей поделницей. Следователь кивнул на меня и сказал: "А она говорит, что давала вам листовки!". Леля смотрит на меня удивленными глазами: "Ну да, она давала, я просто боялась ей отказать, но листовки я уничтожала". Я не могла при следователе сказать Леле, что провокаторм был ее друг Юра. Я сумела шепнуть ей об этом как-то во время прогулки, но много позже.

Потом меня перевели из подвала Гестапо в тюрьму, малую (была еще большая). Там сидели в основном политические, а в большой – уголовники и приговоренные. "Уголовники" тоже были разные: как-то во время прогулки мы слышали крики женщины, которую тащили на расстрел за то, что работая на почте, она воровала немецкие посылки.

По сравнению с орловской тюрьмой, минская была гораздо страшнее: почти все подвергались пыткам, с допросов людей просто приносили. Большинство сидело за связь с партизанами, в последние месяцы привозили детей от смешанных браков с евреями. Причем русскую сторону – мужа или жену – отправляли в лагерь или в Германию, а еврейскую, вместе с детьми, посылали на уничтожение. Там были, например, три сестры, чья мать-еврейка погибла в гетто, а отец, русский, женился снова и, чтобы дети от первого брака не мешали, сам выдал их немцам. Больше всего они переживали за брата, который служил в немецких вспомогательных частях, скрывая свое происхождение. Всех троих расстреляли.

Одну женщину-еврейку спасло упорство: несмотря на то, что каждый день ее приносили с допросов окровавленную, она отрицала свое еврейское происхождение. В итоге ее выпустили!

Была там также известный в прошлом врач-психиатр Афонская (она и ее муж, русский, упоминаются в вышедшей в Израиле "Черной книге", свидетельстве о гибели евреев во время войны). Долгое время им удавалось пробыть на свободе благодаря взяткам золотом. При аресте муж принял спасительный цианистый калий, а жена, по ее словам, не могла найти свою ампулу.

Однажды открывается дверь в камеру, и к нам впускают четырехлетнюю девочку, голубоглазую, беленькую. Мы начали ее спрашивать:

- Как тебя зовут?
- А, Слава!
- За что тебя?
- А, с батькой самогон гнали!
- А мамка твоя где?
- А мамку немцы забили!

Мы поняли, что она тоже полукровка. Эта девочка делила с нами все: и пела, и плясала, и плакала.

Когда евреев начали забирать на смертный этап, охранник выкрикнул: "Сара Берестовская!". Все начали оглядываться – никакой Сары у нас в камере не было. Тогда охранник выкрикнул: "Фир йаре альт!". Тогда "Слава" начала плакать: "Бабоньки! Я хочу с вами!". Самое страшное – это чувство абсолютной беспомощности, спасти ее было невозможно... Те, кого из нашей камеры вызвали на расстрел, стали ее успокаивать. Всего в нашей тюрьме было пятьсот человек, расстреляли почти всех, кроме двадцати – среди них было и шестеро наших. Из моей камеры вышла я одна.

Мой следователь не менялся, но иногда допрашивал его заместитель. Любопытно, что после войны он оказался в Западной Германии, сумев "втереть очки" и скрыть свое прошлое, поступил на службу не то к англичанам, не то к американцам, работал в Мюнхене. Помимо работы он занимался тем, что писал доносы на НТС, теперь уже новым хозяевам, и упорно хотел со мной встретиться, но я также упорно отказывалась. Потом он выехал в Америку - под какой фамилией и что он там делал, не знаю.

Умнов был ярый антикоммунист, из тех кто считал, что "хоть с чертом, но против Сталина". Смысл его допросов сводился к следующему: "Вы - антикоммунисты, я - тоже. Но в сегодняшней борьбе нужно выбирать одну сторону. Сегодня это немцы, и сотрудничать нужно с ними до полного уничтожения коммунистического режима. Потом будет видно". Он упорно хотел меня убедить в правильности своей позиции, фактически - перевербовать. Попыток Умнов не применял, ни ко мне, ни, судя по слухам, к другим допрашиваемым. Его заместитель (вообще непонятно, как он попал в Гестапо) был в прошлом довольно известным в Смоленске поэтом. Когда он вызывал меня на допросы, они сводились к беседам о литературе. Потом он говорил: "Я отвернусь, а вы прячьте". И доставал пачку махорки. Махорку мы в камере делили, бумагу где-то доставали, а зажигали самокрутки чьим-то увеличительным стеклом.

Из следователей помню одну женщину - русская немка из Минска, высокая, представительная, лет сорока. При ней состояло двое помощников: Сенька и Ванька, здоровые парни, которые по ее указаниям избивали и пытали допрашиваемых, применяли и электрошок. Интересно, что пытки в тюрьмах, насколько я могу судить, стали применяться ближе к концу войны - сказывалось озлобление и прощание НКВД, одной из задач которого было обострить у населения ненависть к немцам. Такие "Ваньки" и "Сеньки" здорово напоминали опытных НКВД-истов. К этой следовательнице попасть на допрос боялись все.

В советской прессе про меня не раз писали, что в тюрьме я служила "наседкой" Гестапо. А появился эта "утка" так.

В минской тюрьме во время допросов почти всех пытали и избивали, а я, которую Умнов тщетно пытался перевербовать, возвращалась в камеру невредимая, да еще и с пачкой махорки. Понятно, что ко мне относились с недоверием. Когда мы просидели в камере известное время и прсмотрелись друг к другу, мне признались в этом, и подозрения исчезали. После войны я вела (под другой фамилией) переписку с писателем Василем Быковым в связи с его книгой об оккупационном периоде. Я написала ему, что во время оккупации я сидела в тюрьме с целым рядом людей, о судьбе которых их родные может быть не знают, и что я считаю нужным сообщить о них, что возможно. Часть из моей информации он использовал. Но по ходу дела я сообщила ему о подозрениях моих сокамерниц на мой счет. Мои письма, однако, читал не только Василь Быков, но и КГБ. Так строчка из моего письма насчет "наседки" стала появляться в советской прессе как "факт".

Когда началось отступление из Минска, Гестапо эвакуировалось, начали "приводить в порядок" тюрьмы. Мы уже готовились к тому, что нас повезут на расстрел. Мы нашли какую-то палку, которая могла бы сойти за оружие, и договорились, что будем прыгать с

машины. Это был шанс спастись. Конечно, из этого навряд ли что-нибудь могло получиться.

Вдруг, в шесть часов вечера, открывается дверь. Меня вызывают, с вещами. Я попрощалась с сокамерницами. Когда меня вывели, смотрю — появляется Леля, Тамара Стельмах, девушки из нашей группы. Нас повезли в тот же гестаповский подвал, но не в одиночку, а в общую камеру. Нас, трех женщин, взяли на обслуживание остальных заключенных. На этой работе мне удалось увидеть остальных из вывезенной двадцатки: это наиболее крупные фигуры из политических. Один был крупный партизанский бригадир, некто "Андрей", принимавший участие во взрыве минской оперы, где в это время находился гауляйтер Кубе. С ним мы вступили в контакт (через кого-то из заключенных). Дело в том, что в тюрьме ходят разные легенды, и, вероятно, что-то странное рассказывали и обо мне. "Андрей" не совсем четко представлял себе, кто я. Один раз ему даже удалось передать в нашу камеру ведро макарон с мясом (в той камере, где он сидел, паек был совсем другой: там находились те, кого захватили в немецкой форме). Был также один, неизвестно как туда попавший, английский шпион.

Наше сидение в Гестапо продолжалось два дня, без допросов и объяснений. Самих гестаповцев в городе уже не было. Через два дня к нам пришел солдат и просто сказал: "Идите!". "Куда? Где наши документы?". "Какие документы? Идите!".

Мы отпрвились в НТС-овскую штаб квартиру. Там уже никого не было. Но перед отъездом родители Лели оставили для нас незаполненный "маршбфель": туда нужно было вписать лишь имена. На решение, куда податься — на восток, или на запад — у нас была лишь одна ночь: город уже был пустой. Я успела еще сбежать к родителям одной своей сокамерницы, узнать ее судьбу. Отец и мать Нины Тур (так звали девушку) сказали, что ее вместе с остальными куда-то увезли. Я сказала им, что наверное в Германию — рука не поднималась их разуверять...

Мы были голы и босы. Мне пришлось подобрать себе какую-то юбку из брошенных в подвале Гестапо вещей.

У нас была партизанская явка — адрес школьной учительницы в селе под Минском, оставленная мне тайным "Андреем". Теоретически, мы должны были бы уйти к партизанам. Но мы были настолько измучены...

Большинство проголосовало за отъезд. Мы заполнили "маршбфель", попрощались с Лелиными родителями и двинулись на запад. Часть пути проделали на поездах, часть на попутных машинах, часть пешком. Совершенно измотанные добрались до Вильны. На виленском вокзале мы случайно наткнулись на Сергея Тарасова и еще нескольких членов НТС из разных областей.

Конечной целью нашего путешествия была "строительная фирма" Эрбауэр в городке Берг, под Веной. Там мы и встретили Георгия Сергеевича. Я никогда не забуду, как, несмотря на то, что он был рад, что мы спаслись и благополучно добрались до него, он пристально посмотрел на меня и сказал: "А я думал, что ты осталась...". Мне было так стыдно, что дальше некуда — немало наших осталось там, решив продолжать союзную деятельность в подполье.

Где же обещанные факты?

Со дня опубликования еженедельником "Аргументы и факты" интервью с членом Совета НТС Борисом Миллером прошло пять месяцев, и я не стал бы возвращаться к нему. Однако есть обстоятельства, заставившие меня сесть за машинку. Во-первых, сама редакция еженедельника заявила: "Мы не считаем, что это интервью в достаточной мере пролило свет на истинный облик НТС. Поэтому редакция готова опубликовать факты, которые остались за рамками этого интервью". Где же эти факты?

Во-вторых, мне очень обидно, что Борис Миллер не напомнил П. Лукьянченко, бравшему у него интервью, о том, что это не НТС сотрудничал с фашистской Германией, а советское правительство во главе с Иосифом Сталиным. Тому доказательством - пакт Риббентропа-Молотова и другие секретные договоры, заключенные перед самой второй мировой войной между СССР и Германией.

Факт обвинения НТС в сотрудничестве с фашистами напоминает мне ситуацию, когда убегающий от разгневанных людей вор начинает кричать: "Вор! Ловите вора!". И люди, бегущие за вором, обгоняют его, позволяя ему смыться. Старый как мир способ, которым часто пользуется советская пропаганда. Она не обременяет себя доказательствами. А зачем? Ведь советский народ приучен верить всему, что написано в газетах. Если в прессе заявляют, что А. Солженицын "верный слуга ЦРУ", то этому должны верить без всяких доказательств. Поэтому Н. Яковлев в своей книге, которую я недавно прочел с огромным возмущением, не приводит фактов, а точнее, документов, подтверждающих его слова об НТС.

Борис Миллер говорит в интервью:

"Яковлев в своем трактате не смог назвать ни одного террористического акта, который бы совершили члены НТС". Вот тут бы к месту рассказать о том, как КГБ много раз подкладывал бомбы под здание, где размещался НТС. Лишь по счастливой случайности никто из людей не пострадал. Говорить об этом обязательно следовало, когда корреспондент обвинил НТС в терроре - совершенно бездоказательно.

Не понравился мне тон журналиста П. Лукьянченко. Уже в заголовке "Тот самый НТС" звучало какое-то пренебрежение к организации, которая, как правильно сказал Б. Миллер, была единственной организованной силой, еще с 1930-х годов серьезно боровшейся с кровавым диктатором России. И идеи НТС - самые передовые. Не поэтому ли распространение их в СССР и по сегодняшний день запрещено?

П. Лукьянченко утверждает: "помимо свержения власти КПСС вы добились насаждения у нас, как пишет Н. Яковлев, фашистской идеологии". Видимо, журналист, отправляясь на встречу с Б. Миллером, почти на память выучил пасквиль Н. Яковлева. Но он не удосужился прочитать хотя бы программных документов российских солидаристов. Из них он узнал бы то, что сегодня, не без помощи НТС, уже знают многие советские люди, но чего упорно не хочет признать КПСС: великая страна и дальше будет влачить жалкое су-

ществование, если ею не перестанет руководить "ум, честь и совесть нашей эпохи". Именно для этого – для свержения власти КПСС – я и стал членом НТС. КПСС завела страну на край пропасти, нам всем грозит величайшая катастрофа. Все патриоты своей страны, вместе с НТС, должны постоянно работать над тем, чтобы этой катастрофы не произошло.

В. Свентицкий
Сентябрь

Обеспечьте нормальные условия!

Мы, работники московской экспериментальной обойной фабрики (МЭОФ), обращаемся к вам с просьбой о помощи, так как наша администрация не желает выслушивать наши требования и пожелания и обеспечить нормальные условия работы.

На нашей фабрике выпускаются обои, так нужные людям, а вот условия труда рабочих – отвратительные. И никому из начальства до этого нет никакого дела.

На фабрике большая загазованность: при работе на некоторых обоепечатных машинах от этого даже слезятся глаза. Огромное количество пыли, которая из-за отсутствия вентиляции оседает на пол и на все, находящееся в цехе, попадает в легкие и разъедает их. Из-за повышенной температуры воздуха в цехах происходит испарение краски, влияющее на здоровье людей, при высоких шумах отсутствуют шумопоглотители. Охрана труда полностью отсутствует. В цехах нет газированной воды, туалеты закрыты или находятся в ужасном состоянии. В таком же положении душевая, нет умывальников.

Неуважительное отношение администрации к рабочим. Преобладает ручной труд. Нет дetsада. Никто уже не помнит, когда последний раз выдавали мыло, да и выдавали такое, что им не то что умываться, но и стирать нельзя.

Производство у нас вредное, но на пенсию мы уходим так же, как и с безвредных предприятий. За вредность нам не доплачивают, а молоко дают чрезвычайно редко. Сейчас увеличивается подоходный налог, у нас еще отменяют премиальную оплату, а зарплата, как была маленькой, так и остается такой, даже еще меньше. А ведь государство делает на обоях огромные деньги. Прошла только половина 1990 года, а профсоюз уже говорит, что денег нет, и путевки продает за полную стоимость, ссуды молодым семьям не дает.

Но нельзя сказать, что мы всем обделены. Нет, у нас есть... "черные субботы" и плохое, неуважительное отношение администрации к рабочим.

В столовой ассортимент и качество еды очень плохие, а цены – для рабочей столовой – весьма высокие.

Нет ни комнат отдыха, ни комнат психологической разгрузки, ни спортзала, и ничего не делается для улучшения отдыха молодежи после работы и в выходные дни, а ведь более половины работников фабрики – это молодежь.

Убедительно просим вашего содействия в улучшении условий труда и удовлетворении наших требований.

Копии - директору МЭОФ, на телевидение, в Институт прав человека, в ЦК ВЦСПС, в Министерство, в секретариат НТС, президенту Горбачеву М. С.

НАШИ ТРЕБОВАНИЯ:

1. Признать обоеспечатное производство вредным и снизить срок выхода на пенсию.
2. Сделать в цехах нормальную вентиляцию.
3. Пересмотреть расценки и повысить зарплату рабочих, сделать ее зависимой от продажной цены обоев.
4. Обить стены шумопоглопителем материалом или поставить шумопоглощительные устройства.
5. Оборудовать комнаты отдыха и комнаты психологической разгрузки.
6. Снизить до минимума ручной труд.
7. Выдать мыло за все месяцы, за которые оно не выдавалось, а невыдачу молока компенсировать бесплатными обедами.
8. Обеспечить детсадом детей рабочих и служащих МЭОФ.
9. Поставить на всех этажах аппараты с газированной водой.
10. В кратчайший срок отремонтировать душ и туалеты и поставить умывальники.
11. Отменить "черные" субботы.
12. Открыть краскоцех в "новом" корпусе или ввести должность подвозчика краски.
13. Провести капремонт всего оборудования.
14. Обязать администрацию оказывать содействие молодым, а также многодетным семьям.
15. Довести расценки в столовой до рабочей столовой, расширить ассортимент и контролировать качество пищи.

*Под письмом - 124 подписи.
Москва, сентябрь*

Не Руссо, а Джон Локк

Разрешите мне кратко прокомментировать отличную статью Романа Редлиха "О парламентаризме" в номере за июль-август Вашего замечательного журнала.

Редлих ссылается на работу Жан-Жака Руссо *Le Contrat Sociale* в контексте демократии. В частности, он утверждает, что теория общественного договора Руссо ценна для демократической традиции.

Однако, по моему мнению, Редлих выбрал "не того" теоретика общественного договора. Поскольку я много писал о данном труде Руссо (среди прочего, в статьях в украинском журнале "Пролог" и в своей книге о русском якобинце П. Н. Ткачеве), я проявляю исклю-

чительный интерес к тому, как подается Руссо, особенно в русской публицистике, за которой я тщательно слежу.

Как многие русские эмигранты хорошо знают, Руссо был любимцем марксистов и, в частности, левого крыла русской социал-демократии (что видно из моей книги о Ткачеве), включая и меньшевиков, и большевиков, но особенно — последних.

Почему эти революционеры в России конца XIX века так облюбовали Руссо и его теорию общественного договора в противоположность, скажем, теории общественного договора Локка? Ведь, в конце концов, Руссо не первым создал "полезный миф" общественного договора; у него было много предшественников, вплоть до Главкона, современника Платона.

Причина в следующем. Когда граждане "соглашаются" на общественный договор типа Руссо, они тем самым отказываются от всех своих прав и передают распоряжение толкованием и осуществлением этих прав "суверенному народу" и его так называемой "общей воле" (по существу метафизическому построению). Государство Руссо, в какие бы демократические одежды он его ни рядил, остается, тем не менее, государством. И многие толкователи довольно заумного изложения "общественного договора" Руссо находят элементы прото-тоталитаризма в его понятиях "общей воли", "политического тела" и других намеках на неогоббсианский авторитаризм, перевернутый вверх ногами.

В противоположность этому, по теории Локка, граждане обладают своими правами от рождения и с о х р а н я ю т их и после заключения общественного договора. Даже Гоббс считал, что естественное право предшествует любому договору народа со своим правителем.

Коротко: Руссо никак не друг демократов. Он едва ли заслуживает упоминания или подражания в контексте новой демократической России.

Я согласен с Редлихом, что теория общественного договора имеет отношение к демократии, даже, как он правильно говорит, если она лишена конкретного исторического содержания (многие современные теоретики считают ее полезным заблуждением или "аналогией"). Но сугубо неуместно ссылаться на ту форму этой теории, которую создал Руссо, как на пример демократии. Это относится и к западным последователям Руссо XIX века, как, например, британскому философу-социалисту Бернарду Буссанкету, который обновил понятие "общей воли" Руссо для целей современного авторитарного левого социализма.

Я покорно и убедительно советую русским эмигрантским публицистам искать у Джона Локка пример зачаточного демократизма, увидевшего свет в XVII веке — за сто лет до Руссо.

*Алберт Уикс,
профессор международных
отношений в отставке
Нью-Йорк, сентябрь*

Содержание "Посева" за 1990 год

Цифры в скобках:

первая - номер журнала, вторая - номер страницы

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ (1,3)

СПАСАТЬ СТРАНУ, А НЕ СОЦИАЛИЗМ. Резолюция Совета НТС (2,3)

КОММЕНТАРИЙ

Александр Югов. Восточноевропейское домино (1,23). - Е. Романов. Переходный период (2,7). - Е. Романов. Устав без партии (3,3). - Александр Югов. Раскол по сердцевине (4,3). - В. Ламздорф. На полпути к Столыпину (4,6). - Ростислав Евдокимов-Вогак. Новая метла в Маринском дворце (5,3). - А. Артемов. Разброд на перепутье у перевала (6,3)

ПО СТРАНЕ

Дело С. Кузнецова (1,48). - Где же Сашин? (1,49). - В. Прокопьев. Куплю противогаз! (2,26). - И. Старцев. Советская кровь - самая дешевая в мире (2,29). - А. Ржавитин. Золотая гора - пик коммунизма (2,31). - Андрей Деревянкин. Колбаса вприглядку (2,32). - Владимир Батшев. Какое мне дело до всех до них? (3,22). - Андрей Деревянкин. Саратов пробуждается, Муренеску остается (3,28). - Александр Мазурин. Литва: второй месяц независимости (4,24). - Ростислав Евдокимов-Вогак. Новая метла в Маринском дворце (5,3). - Кирилл Александров. Шаг к демократии, или как большевики потеряли власть (6,7). - А. Иванов. Съезд журналистов КПСС. Субъективные заметки с учредительного съезда Союза журналистов РСФСР (6,10). - Игорь Лихунов. "Если вы не бывали в Свердловске..." (6,13). - Леонид Рубинштейн. "Возвращение". Планы и реальность рабочего литературного клуба (6,16)

ПОЖАРЫ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Андрей Окулов. Кавказский тупик (2,10). - Георге Сингурел. Молдавские напевы (2,19). - В. Елисеев. Ветви власти и корни противоборства (3,5). - Андрей Окулов. Переговорами или оружием? (3,17). - Александр Мазурин. Литва: Второй месяц независимости (4,24). - "Балтийский путь - один". Интервью с редактором "Атмоды" Алексеем Григорьевым (4,27)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Роман Редлик. Рождение свободных профсоюзов в СССР (3,59). - Леонид Гордон. "Готовы действовать мирным и организованным способом" (3,71). - В. Елисов. Привыкание к шокотерапии (4,15). - В. Елисов. На перепутье (5,8)

КОММУНИЗМ НА ИСХОДЕ

Александр Югов. Восточноевропейское домино (1,23). - Глеб Рар. Авангард? (1,28). - М. Странский. Три революции (1,30). - И. Кошурников. Венгрия после референдума (1,41). - М. Странский. Кто

правит в Восточной Европе (2,34). – М. Странский. ГДР: выбор сделан (3,35). – И. Кошурников. Венгрия: после выборов (3,39). – М. Славинский. Коммунисты – с корабля! (3,42). – М. Странский. Восточная Европа: разные выборы (4,31). – М. Странский. Второй этап шоковой терапии для Польши (5,45)

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

Б. Пушкарев. Открытые организации НТС в России сегодня. Доклад на ежегодной конференции "Посева" в Нью-Йорке (1,14). – Б. Пушкарев. Что придет на смену? (3,48). – Андрей Окулов. Новые партии: от столбняка к лихорадке (4,9). – Б. Пушкарев. Условия реальной реформы (6,49)

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

"Круглый стол" по брошюре А. И. Солженицына. Участвуют Р. Евдокимов, Р. Редлих, Е. Романов, В. Сендеров, А. Югов (6,57). – Андрей Окулов. Земская опора (6,76)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Александр Милиц. Горшок и котел (1,50). – Анатолий Стреляный. Стихийный демонтаж системы (1,52). – "Все больше и больше приходится отдавать". Интервью с редактором "Гласности" С. И. Григорянцем (1,55). – "Как декретами создавали, так декретами и ликвидировать..." Интервью с политологом А. М. Миграняном (1,60). – Александр Мазурин. Нужна ли России советская власть? (2,41). – Валерий Сендеров. Опозиция ее обанкротившегося величества? (2,45). Владимир Батшев. Вечер издательства "Посев" в Москве (2,49). – Снять грим с лица нации. Интервью с кинорежиссером С. Лукьянчиковым. – Фридрих Незнанский. Тельман Гдлян штурмует кремлевскую стену (3,75). – "Мы выступаем за целостность федерации". Интервью с П. В. Кузнецовым (3,83). – Михаил Горбаневский. Что такое Ленинские горы? (4,55). – Фридрих Незнанский. Родилась ли в стране "четвертая власть"? (5,24). – Наталья Глазкова. Дорого стоит свобода (5,33). – Виталий Попов. Времена меняются (5,38). – Валерий Сендеров. КГБ, НТС, гласность... (5,41). – Вадим Григорянц. Горбомания – взгляд изнутри (6,18). – Владимир Запецкий. Из некролога одной политической биографии, или еще раз о Колпашевском захоронении (6,22). – Николай Толстых. "И капитал приобрести, и невинность соблюсти..." (6,32)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Роман Редлих. О забастовке (1,65). – Георгий Брудерер. К дискуссии об армии (2,53). – В. Цветков. Испытания и радиация (2,62). – В. Константинов. Инженер и перестройка (2,78). – Карина Надеждина. Дети – наше будущее (3,109). – Владимир Батшев. Как они нас делят (4,51). – Д. Балашов. Земля и крестьяне (5,70). – А. Колин. Постоянно-временные меры (5,75). – Николай Привалов. Какая милиция нам нужна? (6,40)

ЭКОНОМИКА

Гавриил Попов. Диалектика реформ (1,77). – Наша ретроспектива. Кардинальные проблемы народного хозяйства (1,81). – Игорь Морозов.

Что делать, если врач плох? (2,83). В. Ламздорф. Как прошла перестройка в Испании. II. Экономика (2,96). - Игорь Морозов. Куда идем? (3,106). - К вопросу о создании рыночной системы в СССР (4,37). -Э. Менджеричкий, Д. Штурман. Частная торговля - ключ к возрождению советской экономики (4,46). - "Будем надеяться на лучшее". Интервью с К. Г. Кагаловским (5,53). - С. Пачиков. Экономика самообмана (5,57). - Петр Фадеев. Вложить деньги в свое будущее... (5,62). - С. Пачиков. Путь к равноправию (6,43)

НАША РЕТРОСПЕКТИВА

Несгибаемый противник тоталитаризма. Памяти А. Д. Сахарова (1,11). - Кардинальные проблемы народного хозяйства (1,81). - Боль, стыд и гнев народа. "Посев" об афганской войне (2,72). - К десятилетию со дня смерти Владимира Высоцкого (4,72). - "За все уплочено!" "Посев" о помощи "братским странам", 1970-1984 (5,64). - Из статей о Кирилла Фотиева (6,96).

СТАТЬИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

С. Кирсанов. На другой день после смены... (2,89). - Солидаризм-идея послетоталитарной России. Интервью с ученым-философом Освальдом фон Нелл-Бройнингом (4,103)

КГБ В ДЕЙСТВИИ

Иван Васильевич не меняет профессии. Вечер начальника УКГБ Иркутской области И. В. Федосеева (1,85). - М. Славинский. "Россия - могила братская" (1,99). - В. Прокопьев. Семипалатинск в Иркутске (3,100). - Валерий Сендеров. КГБ, НТС, гласность... (5,41)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

В. Батшев, М. Лапыгин, П. Фадеев. Еще почти 1000 слов (1,45). - Фридрих Незнанский. Набрала ли силу "третья власть"? (1,105). -А. Артемов. Политика, опрокинутая в географию (1,108). - Николай Толстых. "Не зови волков..." (3,89). - Фридрих Незнанский. Родилась ли в стране "четвертая власть"? (5,24). - А. Колин. О национальной символике (6,91)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Прот. К. Фотиев. Русская Православная Церковь в 1989 году (1,112). - Свящ. Павел Адельгейм. Тупики нашего возрождения (2,102). - Глеб Анищенко. Врата ада (3,128). - Е. Миркович. Обнадеживающие перемены (4,85). - Владимир Рыжков. Тревоги и надежды Валаама (5,78). - Епископ Виктор. Образ преображенного мира (5,82). - И. Щербаков. Второе рождение Иоанновского монастыря (5,83). - М. Н. VI Всезарубежный съезд русской православной молодежи (5,89). - Из статей о Кирилла Фотиева (98). - Михаил Горбаневский. Отец Звездоний на новгородском вече (104)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Александр Мазурин. Причина общей беды (1,118). - Сохранить государственное мышление. Круглый стол по национальному вопросу (1,121). - Виктор Аксютин. О современных национальных проблемах

(2,110). - В. Елисеев. Ветви власти и корни противоборства (3,5). - А. Артемов. "Союз нерушимый" (3,121). - Александр Югов. Раскол по сердцевине (4,3). - Д. Балашов. Национальный вопрос в России и в СССР (4,74). - Съезд российской молодежи в Бельгии. Интервью с Петром Паламарчуком (4,80). - Роман Редлих. О национальном суверенитете (5,90). - Равиль Булгари. Исчезает народ... (5,153). - М. Каличава. "Враг у нас общий - коммунистическая система" (5,156). - Н. Калякин, В. Краснов. О Пражской конференции (6,85)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Вячеслав Завалишин. Гражданская война или гражданский мир? (2,129). - Михаил Горбаневский. Новая Иванькиада на Сивцевом Вражке (3,112). - "Здесь есть частица России...". Интервью с писателем Леонидом Бородиным (4,62). - Михаил Лапыгин. Взгляд из России (4,68). - К десятилетию со дня смерти Владимира Высоцкого. Наша ретроспектива (4,72). - Петр Паламарчук. Две "Столицы" (6,111)

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Роман Редлих. Неизжитое убеждение. Социалистический гуманизм и "Коммунистический манифест" (2,119). - В. Гаврилов. Интеллектуалы "в законе" (2,126). - Валерий Сендеров. Любовь к истории по-советски (3,140). - Роман Редлих. О парламентаризме (4,93). - Солидаризм - идея послетоталитарной России. Интервью с ученым-философом Освальдом фон Нелл-Бройнингом (4,103). - Роман Редлих. О национальном суверенитете (5,90). - "Свет с Востока"?.. Интервью с В. Д. Поремским (5,101). - Д. Штурман. Блуд на крови. Открытое письмо драматургу Шагрову (5,108). - Паоло Барби. Крушение тоталитарных идеологий (6,115)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Александр Дынник. Целеустремленная дезинформация (1,139). - Н. Рутыч. К 50-летию советско-финской войны (2,134). - Н. Рутыч. Памяти Василия Ефимовича Павлова (3,154). - В. Шишкин. "Белые пятна" истории, или тайны советской партократии (5,119). - Кирилл Александров. Незнаменитая война (5,123). - Андрей Окулов. Земская опора (6,76). - Аркадий Столыпин. Два портрета (6,121)

60 ЛЕТ НТС

Б. Пушкарев. Открытые организации НТС в России сегодня. Доклад на ежегодной конференции "Посева" в Нью-Йорке (1,14). - Ярослав Трушнович. К истории Народно-Трудового Союза (1,145). - Ярослав Трушнович. Эмиграция и "революционное движение нового поколения" (2,146). - Ярослав Трушнович. Первый съезд (3,146). - Ярослав Трушнович. Подготовка, первые шаги и первые потери (4,115). - Лев Рар. НТС до войны (4,123). - А. Артемов. "За Россию" (4,138). Валерий Сендеров. "Зовет на борьбу НТС!" (4,152). - Ярослав Трушнович. Комвласть против русских зарубежных организаций. К истории Народно-Трудового Союза (5,128). - "Величайшее спасительное значение для России". Интервью с народным депутатом Российской Федерации В. В. Аксютинцем (5,139). - Ярослав Трушнович. В Россию - через советскую границу. К истории Народно-Трудового Союза (6,127). - Ариадна Ширинкина. От Белграда до Орла (6,137)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

А. А. Тенсон (1,154). - М. В. Балмашев (1,155). - С. Е. Крушель (2,154). - В. А. Стацевич (2,155). - Е. Н. Евец (3,156). - А. Е. Ширинкина (5,147). - Е. Р. До конца верна избранному пути (5,148). - В. В. Орехов (5,151). - О. Кирилл Фотиев (6,96)

ПИСЬМА

Б. И. Мы живем в далекой Сибири (1,157). - Д. Ф. "В этой схеме нет места для простого народа" (1,157). - Ю. З. "На ярлык «антикоммунисты», пожалуй бы, согласились..." (1,159). - Эршебет Штрес. Табуированная сталинщина (1,159). - А. Ампар. "Трезво и объективно оценивать события" (2,156). - Т. Ф. "Будущее России зависит от нас (2, 158). - М. К. Пишу курсовую о Солженицыне (2,159). - А. Леонов. Прячется за спинами мальчиков (3,157). - Алексей Бехтеев. Ложка дегтя (3,157). - А. Федосеев. Как не допустить гражданской и межнациональной войны (3,158). - Г. Вербицкий. В защиту русского корпуса (4,154). - Я. Трушнович. Почему члены НТС отказывались идти в Корпус ген. Скородумова (4,154). - А. Григорьев. "Пользуются большим спросом..." (4,155). - Э. Шаль. "Предать земле останки Ленина" (4,155). - Равиль Булгари. Исчезает народ... (5,153). - М. Каличава. "Враг у нас общий - коммунистическая система" (5,156). - В. Свентицкий. Социализм - форма рабства (5,158). - Е. Леонова. Почему не слышно женщин? (5,159). - В. Свентицкий. Где же обещанные факты? (6,151). - Обеспечьте нормальные условия! Письмо 124-х работников Московской экспериментальной обоевой фабрики (6,152). - Альберт Уикс. Не Руссо, а Джон Локк (6,153)

ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ (4,158)

СОДЕРЖАНИЕ "ПОСЕВА" ЗА 1990 ГОД (6,155)

ПОПРАВКИ

В № 4 "Посева" за 1990 год следует читать:

Страница 121, конец абзаца 3: "в районе Пинска".

Страница 142, пункт 4, страница 145, абзац 5, строка 4: "на национальную самодеятельность".

В "Посеве" № 5, начало страницы 83, выпала строка: "Главное сегодня, чтобы Господь собрал на Валааме Свое монашеское стадо".

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов

Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, Р. Б. Евдокимов, В. Г. Ламздорф,
Б. Г. Миллер, Е. Р. Миркович, М. В. Назаров,
Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров, А. П. Столыпин

Адрес редакции:

Possev-Redaktion

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ

СЕНДЕРОВ В. А. 101000 г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54
Тел. 207 79 48

МАЗУРИН А. 603016 г. Горький, ул. Пескова, дом 9-а, кв. 27
Тел. 59 40 86

ЕВДОКИМОВ Р. Б. 191028 Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, дом 5,
кв. 24. Тел. 273 43 03

ДЕРЕВЯНКИН А. Н. 413101 Саратовская обл., г. Энгельс-1, д. 28, кв. 15
Тел. 2 39 57

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1991 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

В розничной продаже	10 нм
Годовая подписка в издательстве:	50 нм
Годовая подписка через посредников:	60 нм
доставка нормальной почтой	10 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 341265
Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. В. Miller, 83 Baring Rd., London SE12 0JS

БЕЛЬГИЯ. В. Р. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. О. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, India-
napolis, 04515 Sao Paulo

ВЕНГРИЯ. Bartok Vela, ut 16. 1. em. 11.1111 Budapest.
Tel.: /361/ 186-2527

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassella Postale 630, Roma-
Centro

ПОЛЬША. Slawomir Nazaruk. 15-959 Białystok 2.
Skr. Poszt. 117

СССР. В. Батшев. Москва 129010 Абонентный ящик 72.
Тел. 465 05 05

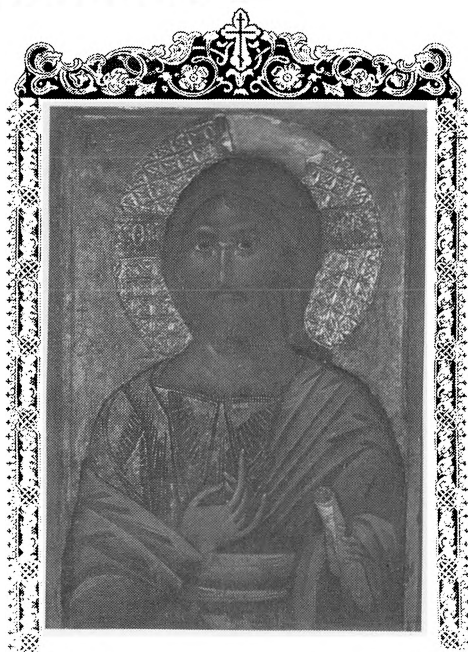
США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118
S. Golubov, P. O. B. 18, R. D. 4, Jackson NJ 08527
Tel. 201-928-2125
"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisade
CA 90272
G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York NY 10017
A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda MD 20814

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris
Tel. 42-50-62-06

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Mösliweg 40, CH-3098 Köniz

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104
Sodertalje

ИКОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1991 ГОД

1991

**ROSSY
TOLCEB**

Большой ежемесячный настенный календарь с 13-ю перво-
классными репродукциями икон с кратким объяснением.

Весь текст календаря пятиязычный – русский, англий-
ский, немецкий, голландский и французский.

Размер: 41 x 30 см. Печать репродукций икон – много-
красочная. Календарь покрыт защитной пленкой.

Розничная цена без пересылки 40 н. м.